

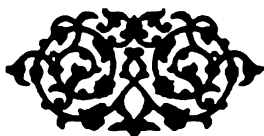
Михаил Дадашев

Лежачее дерево...

Михаил Дадашев

Лежачее дерево...

Москва 2008

Михаил Дадашев

Лежачее дерево...

Роман

ББК 81.2-4

Д14

Михаил Дадашев

Лежачее дерево...

Роман

Михаил Дадашев – член Союза писателей СССР, автор ряда романов, повестей, рассказов, притчей и пьес. Родился в древнем Дербенте – втором по величине городе Дагестана и вот уже несколько лет живет и работает в Москве.

Литературная деятельность в семье Дадашевых традиционна: известным дагестанским поэтом был его дядя – Манувах Дадашев, а далекий предок, Хизгия-эми Дадашев – первым сказителем своего народа.

Все свое творчество Михаил Дадашев посвятил своему самобытному народу.

ISBN 5-9606-0024-2

Моему русскому другу
Юрию Михайловичу
Корякину
ПОСВЯЩАЮ

Начиная с сентября и почти весь октябрь и ноябрь шёл нудный, морозящий, а порой и проливной дождь. Сырость пронизывала, что называется, до самых косточек. Ситуация обострялась ещё близостью моря, от которого несло холодом, явным приближением зимы. Этого надо было ожидать, ибо вслед за жарким, изнуряющим летом непременно должны были следовать раннее похолодание и суровая зима. Природа не любит дисбаланса.

Созвучно ноябрьскому ненастью по радио передавали грустную, лучше сказать, тревожную музыку. Минорное настроение передалось не только людям, ожидавшим, по опыту прошлых лет, какого-то чрезвычайного события, трагического сообщения, но и животным: лошади закидывали вверх головы и трясли ими, непривычно рыли землю собаки, а мирно плавающие утки в городском пруду беспрестанно плескались и ныряли, словно решили до наступления зимы основательно выкупаться. Всё это вместе взятое говорило о переменах.

И в подтверждение витавшим вокруг предчувствиям по радио и телевидению передали сообщение, что умер Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, ещё три дня назад стоявший на трибуне мавзолея и привычно махавший толпе усталой старческой рукой. На этот раз, как видно, не помогли никакие уколы. В последствии выяснилось, что вслед за этой смертью, в истории России началась пятилетка пышных похорон.

В это же время в Афганистане третий год шла начатая с согласия того же Л.И. Брежнева жестокая бессмысленная война, на которой при исполнении «воинского долга» гибли солдаты и офицеры многострадальной России.

Шесть месяцев до этих событий известному востоковеду, талантливому учёному по истории и культуре Японии, Огнину Борису Ефимовичу из Махачкалы была разрешена трёхмесячная командировка в страну Восходящего Солнца, откуда он вернулся с полным хурджином знаний и впечатлений об этой замечательной стране. А затем в течение полугода Борис Ефимович объездил почти все известные высшие учебные заведения страны с блестящими лекциями о своей поездке.

2

Хотя по документам Борис Ефимович Огнин значился русским и соблюдал православные обряды, всё же внешнеотличался от представителя восточнославянского этноса: нос с небольшой горбинкой, волосы тёмно-коричневые и курчавые, тогда как у русского человека спинка носа прямая, а волосы широковолнистые светлые или светло-каштановые; овал лица и строение губ не соответствовали общепринятому антропологическому и этническому типу славянина. Словом, не был он похож на русского и всё тут.

Были ещё моменты, на чём строили догадки знавшие его люди о фактической принадлежности Огнина к той или иной дагестанской народности. Например, дружил Борис Ефимович, проживший в Дагестане половину из шестидесяти лет, большей частью не со своими соплеменниками и единоверцами, а с представителями дагестанских народов. Что же касается горского еврея Ильи Абрамова, так с ним отношения складывались просто братские. Он тяготел к последнему, можно сказать, душой и сердцем, часто приходил к нему всей семьёй и также приглашал их к себе, будто искал в этой близости какие-то почти напрочь забытые воспоминания детства.

Дело в том, что в семилетнем возрасте, в 1929 году, его полуживого, обгорелого и оборванного нашёл воинский патруль войсковой части, несший службу в близи города Кусаров, в Азербайджане. Ребёнка доставили вначале к командиру части, который на вопросы как его зовут и откуда родом, мальчик сквозь дрожащие от страха и боли губы, отвечал одно и то же слово: «Пи-р-рис» и от потери сил закрывал глаза.

– Видно, зовут его Борисом, – решил командир и велел отправить его в санчасть.

Между тем маленький пациент войсковой санчасти приходил в себя: благодаря искусным рукам хирурга, Вагифа Мамедова, жителя Кусаров, места ожогов на его теле стали заживать и так хорошо, что можно было надеяться, что они вообще со временем не будут заметны. Что касается заботливой медсестры – старенькой Нуржаат, так она в буквальном смысле заменила ребёнку мать: и поила, и кормила, и так безболезненно меняла ему повязки, что мальчик ни разу не пикнул. Не меньше внимания оказывали ему больные и раненые красноармейцы, главным образом, выходцы из центральной части России: псковщины, смоленщины и витебщины. Они учили его русскому языку и за две недели своего пребывания здесь Борис, а его теперь с лёгкой руки командира все так и звали, уже знал, что означают слова: «да», «он», «как твоё имя», «брат», «кушать», «гулять», «больно», «пойдём» и т.д. Однажды, взяв раненого за руку, он, улыбаясь, сказал ему:

– Б...пойдём, г..гулат, брат...

– Пошли, брат, – обрадованно откликнулся красноармеец и охотно пошёл с ним гулять по территории санчасти. И тут навстречу им командир части Ефим Александрович и военврач.

– Как мальчик? – поинтересовался командир у сопровождавшего его военврача.

– Молодцом, – бодро отвечает военврач, – ожоги заживают быстро, ибо у детей хорошая регенерация тканей, и, кстати, благодаря Вагифу Мамедовичу, применяющему испытанные народные средства, рубцы становятся светлее и сглаживаются.

– Ну, здравствуй, боец! – поздоровался военврач с мальчиком и нагнулся посмотреть место ожога на его шее.

– Здрав-ствуй-те! – по слогам ответил мальчик и улыбнулся.

– Спроси, как его зовут, – шёпотом попросил врача командир.

– Тебя как зовут, боец?

Мальчик вначале задумался, а потом ответил:

– П..пирис, – малость заикаясь и смягчая первую букву своего имени таким образом, что казалось он говорил не «П», а «Б» – Бирис. К тому же слово «Пирис» русскому человеку ни о чём не говорило.

– Борис, так Борис, – заключил военврач и они вместе с командиром двинулись дальше.

– Вы знаете, Ефим Александрович, – продолжал военврач начатый разговор, – есть у меня подозрение, что от пережитой трагедии, о чём говорят не только ожоги, а и небольшое заикание вначале разговора, мальчик начисто потерял память и неизвестно вспомнит он своё прошлое или нет...

– И что же?

– А ничего, головка у него светлая, на лету хватает русские слова и уже силится говорить с ранеными... И ещё... мне кажется, не мог он в таком состоянии идти издалека, – задумчиво закончил врач свою мысль.

Попрошавшись с военврачом, командир пошёл к себе, в кабинет, сел и, опершись головой о свои ладони, задумался...

До службы в Красной Армии Ефим Александрович Огнин оказался в самой гуще событий Первой мировой войны. Его, молодого офицера, выпускника военного училища, направили в действующую армию Западного фронта, где русские войска в Галицийской операции разбили австро-венгерские войска и овладели большей частью Галиции. Потом были отступления и многочисленные потери. Германско-австрийский блок, мечтавший о мировом господстве и изменении в свою пользу сфер влияния на источники сырья, не примирился с первыми поражениями, вскоре присоединил к себе Турцию и Болгарию и предпринял ряд действий, чтобы заставить войска России и Антанты отступить. В эту бойню были вовлечены 38 государств и свыше 29 миллионов человек в действующих армиях, а людские потери составили 10 миллионов и в два раза больше раненых и контуженных.

Так Ефим Александрович познал смерть не понаслышке, не из военных книг, которыми зачитывался в юности, а увидел своими глазами и ужаснулся размерам людских страданий. Он восхищался бесстрашию русского солдата не только в боях сражений, в штыковых атаках, когда проявляется хладнокровие, смелка, желание победить, выстоять, не посрамить свою честь, когда на весах судьбы оказываются жизнь и смерть, когда, потеряв друзей и товарищей, приходят раздумья о смысле этой кровопролитной, лучше сказать, бессмысленной бойни. Он видел, как после каждого выступления агитаторов в рядах бойцов шло брожение, росло недовольство, антивоенные настроения. Хотя, как командир роты, он должен был пресекать эти выступления, предавать агитаторов во-

енно-полевому суду, всё же ловил себя на мысли их правоты и его одолевали сомнения. Эти люди в большинстве своём из бедных крестьянских семей, не обладавшие самой минимальной грамотой, были умудрены жизненным опытом и порой высказывали такие мысли, такую уверенность в своей правоте, что Ефим Александрович готов был стать рядом с ними. По этому поводу он часто мысленно спорил с некоторыми офицерами старой закалки, возмущёнными подобным настроением в армии, готовыми, так сказать, собственноручно пристрелить этих «горлопанов», большевистских «говорунов», пропагандирующих идеи солидарности всех трудящихся, прекращения «братоубийственной» войны, «штыки в землю» и разойтись по домам, выражающих недовольство в адрес деспотической царской власти...

Неожиданно мысли его переключились на воспоминание, которое он хотел забыть, вычеркнуть из своей памяти раз и навсегда. Дело в том, что на последнем году учёбы в военном училище он познакомился с милой, умной, как ему казалось, девушкой из соседней с училищем гимназии, Катей, Катенькой Сикорской. Он полюбил её неистовой первой любовью и готов был к завершению учёбы жениться. Но случилось невероятное – от соседей по деревне Огнинцы, близ Пахров, где располагалось его имение, пришло известие, что полгода назад то ли по недосмотру управляющего, то ли вместе с ним, имение сгорело. Узнав об этом, Катенька поняла, что он не только из обедневшей дворянской семьи, но что теперь у него, кроме красивой внешности, хороших манер и дворянского происхождения, ничего за душой нет и отказалась продолжать с ним «дружбу», и вышла замуж за более состоятельного офицера. Мало того, что это событие вызвало в нём глубокий психо-

логический надлом, оно послужило причиной недвусмысленных насмешек некоторых самовлюблённых щеголей из офицеров, весьма обеспеченных семей. В немалой степени и это обстоятельство стало причиной его неодобрительного отношения к тем офицерам, которые называли рядовых бойцов быдлом, всячески унижали их достоинство, подвергали бессмысленным жестокостям.

В первой половине 1918 года началась гражданская война и огромная армия офицеров оказалась на распутье. Кого и что защищать? К какому стану пристать? Эти отнюдь не праздные вопросы будоражили мысль, не оставляли равнодушным ни одного жителя страны к какой бы противоборствующей силе он не относился: к большевикам, насильственно узурпировавшим власть, или к значительной части населения, несогласной с проводимой большевиками политикой. И трагизм этой войны заключался не только в полном разорении страны, а ещё больше в том, что брат убивал брата, сын отца, «красные» – «белых» и наоборот.

Ко всему этому прибавилось ещё широкомасштабное военное вмешательство иностранных держав, вызванное ненавистью к коммунистическому режиму, к этой «белой вороне» нежданно залетевшей на мировой «птичий базар». За короткий период большевики потеряли большую часть своих завоеваний: на востоке страны белогвардейцы в купе с Чехословацким корпусом и войсками Антанты заняли почти всю Транссибирскую магистраль, на северо-западе – пали Мурманск и Архангельск, а в Ярославле власть перешла к членам «Союза защиты родины и свободы». Были свергнуты власть большевиков и в центре России – значительной части Урала, на Северном Кавказе, в Туркестане и некоторых других районах. Большевикам стало ясно, что защитить свои

завоевания путём организации партизанской борьбы и добровольческими отрядами, которыми управляли различные «советы», чрезвычайные «штабы», комитеты и избранные красноармейцами командиры, не удастся. Что решить эту задачу можно лишь строительством регулярной Красной Армии на основе всеобщей воинской повинности.

Для формирования подобных соединений и частей требовались десятки тысяч командиров, но даже на наскоро организованных курсах можно было подготовить лишь несколько тысяч. Поэтому мог выручить лишь обязательный призыв в Красную Армию бывших офицеров, что и было сделано.

Советская власть недвусмысленно пообещала военным специалистам из числа офицеров бывшей армии, что если они будут честно и добросовестно работать над развитием и упрочением военной мощи Советской республики, будут иметь право на уважение и поддержку. Офицеры и генералы, врачи, фельдшеры и военные чиновники оказались перед политическим и психологическим выбором: идти в Красную Армию означало участвовать в Гражданской войне, а не идти – надо было уходить к белым или затаиться. В это время в выступлениях с высоких трибун и газетных полос были слышны пламенные призывы руководителя Высшего Военного Совета Республики Льва Давидовича Троцкого к бывшим офицерам, что они идут в Красную Армию «во имя независимости России, чтобы не дать свою Родину на расхищение иностранцам, «что переживаемые страной революционные перемены – не причуды банды тёмных людей и не произвол какой-нибудь отдельной партии, а произошёл глубокий, можно сказать, геологический сдвиг социальных основ жизни».

И почти половина офицеров старой царской армии на призывы большевиков откликнулись.

Правда, была среди них и наиболее образованная часть офицеров Генерального штаба, посланная летом 1918 года на внутренние фронты. Они оказались перед необходимостью «идти против тех, на кого у них не поднималась рука». Многие из них поплатились головой «за свою любовь к Родине», многие бежали в белые войска, но были и такие из них, которые остались в Красной Армии и, стараясь не попадать на фронт, пополнили ряды преподавателей и инструкторов. Но были офицеры и генералы, которые пошли на службу к Советам, так как страдали от голода, нищеты и не могли по семейным обстоятельствам покинуть территорию России. Немногочисленная же и опасная группа осталась в Красной Армии, чтобы разложить ее изнутри и подготовить восстание. Их выискивали и расстреливали. Однако большинство составляло в Красной Армии средний командный и начальствующий состав, а также не связанные с большевиками идейными принципами, но сознающие свой долг – «содействовать образованию военной силы России».

Ефим Александрович Огнин относил себя к последним. Он пришёл в Красную Армию в первые месяцы её образования, служил ей верой и правдой, чем заслужил уважение красноармейцев, а потом и приставленного к нему комиссара. Через год, в составе частей 11 армии с боями и передышками продвигались на юг, к Азербайджану, где уже в апреле 1920 года из рук мусаватистов и их иностранных пособников освободили город Баку и значительную часть территории будущей республики, а также помогли Временному революционному комитету установить Советскую власть. Здесь командованием Армии было решено недалеко от реки Кусар-чай размес-

тить войсковую часть, которая должна была стать опорой учреждениям Советской власти в центре и на периферии. И за все эти девять лет его войсковой части пришлось не раз и не два встать на защиту новой власти в разных её уездах. Дело в том, что ещё ранее, несмотря на предложение Советского правительства о заключении мира, державы Антанты продолжали интервенцию. Особенно это касалось Закавказья, в частности – Азербайджана. Прибрав к рукам нефтяную промышленность, английские оккупанты учредили Британскую нефтяную администрацию и немедленно приступили к вывозу нефти. За время своего господства вывезли из Баку более 30 млн. пудов нефти.

В то же время, для отвода глаз, английское правительство прикрывалось заявлением о своём «невмешательстве» во внутренние дела края, утверждая, что правительство мусаватистов вправе решать свои вопросы самостоятельно. Однако, объявив себя губернатором г.Баку, генерал Томсон не позволял законному правительству проводить в жизнь ни одно мероприятие без его ведома.

Плохо организованные с самого начала «мусаватисты», за пустой разговорней о демократии, не сумели противопоставить большевикам ни силу, ни сколько-нибудь серьёзную политическую программу, за которой последовал бы народ. Естественно, устоять против натиска большевиков они не смогли и власть «мусаватистов» пала. Однако противостояние большевикам продолжалось ещё несколько лет, когда «мусаватисты» невольно стали оппозицией для диктатуры большевиков, которая сметала со своего пути не только случаи посягательства, но даже высказывания «поперек шерсти» новой власти. Подобное сопротивление сохранилось даже, когда интервентов выгнали с территории Азербайджана.

Так в 1923 году в условиях свободного товарооборота возник кризис сбыта. Для удовлетворения своих нужд крестьянам приходилось продавать производимые им продукты с большим убытком для себя. Это вызвало крестьянские бунты против власти, в результате чего, в Кубинском и Агдамском уездах были сожжены здания сельских Советов и убиты их активисты. Войсковой части Ефима Александровича пришлось вооружённым путём ликвидировать эти бунты и их вдохновителей.

В 1924 году крестьянство Азербайджана, получив землю, проявило значительный интерес к развитию хлопководства и восстановлению шелководства. На площади более 85 тысяч десятин было засеяно хлопка, а в Гяндже и в ряде других районов возникли шелководные станции, работа которых помогала улучшению качества шелковой грены и распространению среди крестьян передовых методов шелководства. Доходы крестьян резко возросли. Новая власть, не допускающая даже мысли о том, чтобы кто-то стал богаче, лучше, зажиточнее жить, сразу же обложила их такими высокими налогами, что сельский труженик завыл. Начались недовольства, протесты. Однако красноармейцы Ефима Александровича по свежим следам выявили «злодеев» и усмирили их.

Ефим Александрович вспомнил допрос, учинённый одному из представителей оппозиции, арестованного в связи с «борьбой с кулачеством». Тот оказался весьма незаурядным человеком, владеющим, как выяснилось при аресте, и русским языком.

– Нет, вы не правы, господин следователь, – ответил арестованный дознавателю, заявившему, что оппозиционеры для усиления своего влияния призывали крестьян к борьбе против власти большевиков, – посудите сами, как должен поступить крестьянин, если

власть вынуждает его продавать свою продукцию ниже стоимости, по-дешевке? Кроме того, как должен поступить крестьянин, который всей семьёй выращивает хлеб, а его лишают избирательных прав, но зато налогами облагают в двойном или в тройном размере?

– Ишь, куда загнул! – воскликнул следователь возмущённо. – Советская власть рядового труженика не притесняет, а вот кулака, который наживается на труде батрака, конечно к ногтю. И налоги будет платить как миленький, и продукцию с урожая, поскольку вырастил за счёт использования чужого труда, будет продавать по принципу военного коммунизма. Мы не позволим одним жиреть, богатеть, а другим с голодудохнуть. Нет, кулаку мы житья не дадим!

– Какой же он кулак, если в семье у него девять человек, и все девять работают? – спросил арестованный. – Какой он кулак, если у него нет ни одного наемного со стороны? Вам не кажется, господин следователь, что вы перегибаете палку? – И заметив, что дознаватель молчит, продолжил. – Нет, мы крестьян не призываем, они сами возмущены действиями властей и сами встали на защиту своих интересов. И может случиться так, что завтра на земле некому будет работать...

– Не волнуйтесь, это не ваша забота! – закончил следователь слушать арестованного. – Я понял, что вы против Советской власти, а для таких у нас есть тюрьма. Там вы успокоитесь...

– Не боюсь я ваших угроз, господин следователь. Запомните, зло вызывает зло, несправедливость долго не продержится, – арестованный встал, но, вспомнив что-то, снова заговорил. – Действия власти до смешного нелепы. Недавно в Шемахинском уезде крестьянам запретили срубить ненужные деревья в собственном саду... А голодают, как вы выражаетесь, лишь лодыри и бездельники...

– Заткнитесь! – закричал следователь и приказал увести арестованного в камеру.

А в 1928 году, накануне развёртывания колхозного строительства, борьба против «кулачества» усилилась ещё больше, хотя их количество в общем объёме крестьянства составляло лишь 6,8%. Среди так называемых «кулаков» большая часть никакими врагами новой власти не были, их сделала таковыми новая власть, дабы, убрав козла с головы овечьей отары, легко было её загнать в нужную овчарню. На самом деле был мужик, хозяин земли, её пахарь и жнец, в большинстве своём добывающий хлеб насущный тяжким трудом своей семьи. Ликвидировав его, этого хозяина земли, была уничтожена «соль» земли.

Но тогда был клич: «Ликвидировать кулака, как класс!» В этой «ликвидации», в которой полегло немало голов, принимала участие и войсковая часть Ефима Огнина.

Личная жизнь Ефима Александровича не сложилась и в последующем. Оказавшись в круговороте бурных событий двадцатых годов, он вначале с трудом избавился от навязчивых воспоминаний о коварной Катеньке Сикорской, а потом случилось так, что на его жизненном пути не встретилась женщина, с которой он мог бы связать свою судьбу. Правда, года два назад он увлёкся телеграфисткой штаба армии, Шурочкой Неждановой, ездил к ней в Хурдалан, где она жила поблизости от штаба, несколько раз оставался у неё переночевать, но потом стал замечать, что Шурочка была не прочь пофлиртовать и с другими мужчинами, а однажды стал свидетелем, когда в его присутствии её навещали офицеры и тискали в прихожей, отчего та заливиисто смеялась. И Ефим Александрович, совершенно справедливо рассудив, что Шурочка-телеграфистка в спутники жизни не годится, перестал к ней ездить.

В конце концов, эти два случая принесли ему полное разочарование, а потом и равнодушие к женскому полу и он дал себе слово не связывать свою жизнь ни с одной из них. К этому времени Ефим Александрович получил из своей деревни Огнинцы ещё одно письмо, где ему подробно описали причины и размеры пожара, в котором сгорело не только всё его имение и пристройки, а также управляющий с семьёй, огромный плодовый сад и несколько соседних изб, в которых никто не жил, за исключением того, кто писал ему это сообщение: «Так что мы теперь с вами погорельцы, – с грустью констатировал он, описывая эту печальную историю.

«Погорельцы.., – заключил Ефим Александрович задумчиво, – также, как этот мальчик, Борис... И с ним надо что-то делать, определить надо ребёнка... Что, если взять его себе, усыновить..? – командир снова задумался».

В этот день Ефим Александрович ещё раз сходил в медсанчасть, подсел к Борису, погладил того по голове. Внимательно пригляделся к его шрамам на шее и локтевых частях рук и убедился, что заживляемость у него хорошая. Потом спросил его:

– Скажи мне Борис, у тебя есть папа и мама?

Мальчик с удивлением взглянул на командира, словно давал понять, что не понимает его вопроса, и молчал.

– А брат у тебя есть? – снова спросил Ефим Александрович, заметив окруживших их больных и раненых красноармейцев.

– Он – брат, – показал мальчик на красноармейца, с которым несколько часов назад гулял по территории санчасти.

Все улыбнулись, а тот, которого мальчик назвал «братом» сказал:

– Вы знаете, товарищ командир, мы его расспрашивали, но он ничего о своих близких не помнит, будто у него память отшибло... Вот то, чему мы его учим, он запоминает крепко... И ещё... имя своё он называет не Борис, а больше похоже на Пирис, странное какое-то имя...

– Д...да, Б...пирис, – малость заикаясь, согласно кивнул ребёнок и опустил голову.

В скором времени мальчик был официально усыновлён, а 1 сентября 1930 года пошёл в первый класс привойсковой школы и значился в журнале Борисом Ефимовичем Огниным. Учился Борис хорошо, особенно любил историю и географию, зачитывался книжками про мореплавателей и пиратов, научной фантастикой и рассказами о Японии и Китае. Ещё будучи в школе стал изучать японский язык. Накануне войны, окончив школу на отлично, и, получив Благодарственную грамоту, Борис поступил в институт стран Азии и Африки при Московском университете им. М.В. Ломоносова.

Хотя рубцы от ожогов на спине, животе, шее и локтях с годами становились почти незаметными, всё же, надо полагать, они серьёзно повлияли на зрение Бориса. Уже, начиная с третьего класса, болезнь глаз стала прогрессировать, а к концу учёбы в школе он носил очки минус пять. Правда, благодаря принятым отцом мерам, этот процесс был приостановлен. Лучшие московские врачи, куда Ефим Александрович привёз сына, после тщательного обследования пришли к заключению, что надо хотя бы на год-два уменьшить нагрузку на глаза – меньше читать и писать, велели капать в них какие-то импортные капли, отчего он хотя и не стал видеть лучше, всё же и хуже не стало, если учесть, что Борис не только не мог уменьшить нагрузку на глаза, а был вынужден её

значительно увеличить. Так Борис получил от отца не только кличку «Погорелец», а и вторую, шуточную – «Очкастый».

Ефима Александровича – отца своего Борис любил по-сыновий – нежно и самозабвенно, можно сказать, души в нём не чаял. И когда его дивизию в конце 1941 года перебросили с юга на защиту Москвы и отец попал, что называется в самое пекло, Борис очень переживал за своего генерала. Именно тогда, когда ценой огромных жертв удалось отогнать фашистов от столицы Родины, им посчастливилось встретиться. Наскоро, на пару часов, он заехал к сыну в общежитие, обнял его худое, крепкое тело, прижал голову к своему плечу и тихо шепнул:

– Ну, сын, как ты здесь?

– Нормально, отец, я рад тебя видеть...

– Держись, сынок, больше мы фашистов сюда не пустим, будь уверен!

Больше им свидеться не пришлось. В боях под Сталинградом, в январе 1943 года, генерал Огнин Ефим Александрович погиб вместе со своими солдатами, но не дал врагу прорвать кольцо окружения. И Борис, получив это известие, и доставленные, чудом уцелевшим ординарцем, вещи отца, второй раз в жизни осиротел. Но самое интересное его ждало, когда в планшете отца нашёл дневник, в котором была сделана такая запись: 29 июля 1929 года. Сегодня на территории части был найден мальчик лет семи. Обгорелый, в изодранной одежонке он прибежал к нам неизвестно откуда, т.к. ребёнок потерял память. Единственное, что он помнил это имя «Пирис» и т.к. мы не знали, что это такое, всей частью назвали «Борисом». Я попросил его стать Борисом Ефимовичем и он согласился...»

За год до Победы Борис Ефимович Огнин, с отличием окончив институт, и, получив красный ди-

плом востоковеда, специалиста по японской истории и культуре, экономике и этнографии, философии и религии, был направлен преподавателем в Азербайджанский университет. Здесь он стал преподавать общую историю, однако всё своё свободное время, весь свой талант Борис Ефимович без остатка отдавал стране Восходящего Солнца. И уже через пять лет он успешно защитил диссертацию кандидата наук по истории и культуре Японии 18 – 19 веков. Монография по этой теме, опубликованная в журнале «Вопросы истории» вызвала в научном мире огромный интерес. В адрес Бориса Ефимовича стали поступать письма от учёных – японоведов не только отечественных, но и из-за рубежа. За короткое время фамилия Огнина Б.Е. приобрела большую известность. Как раз в этот период Борис Ефимович побывал в Москве на очередной консультации по поводу зрения и будучи на квартире своих знакомых, был представлен молодой женщине – выпускнице Московского мединститута Ларисе Марковне Голубевой. Эта миловидная и голубоглазая девушка произвела на него огромное впечатление не только своей непосредственностью, мягкостью, а и незаурядностью, глубоко-мыслием в объяснении разных жизненных ситуаций. Надо сказать, что не меньший интерес проявила к нему и Лариса Марковна. И когда та собралась уходить, Борис Ефимович в очень деликатной форме выждался её проводить. Поскольку жила она неподалёку от его друзей, они решили пойти пешком и она, не таясь, рассказала, что почти все годы учёбы жила на квартире, что до самой своей смерти материально её поддерживал дед, который заменил ей погибших в войну родителей и, что получила нынче направление на работу в Махачкалу, в центральную республиканскую больницу на должность врача-гинеколога, и че-

рез пять дней должна там быть. Рассказал о себе и Борис Ефимович. Затем в течении оставшихся трёх дней они гуляли по Москве: по Красной площади, улице Горького до самого Белорусского вокзала, побывали в ресторане «Арабат», на открывшейся недавно «Выставке изделий и произведений изобразительного искусства народов Азии», куда её попросил сходить Борис Ефимович. За это время их отношения укрепились ещё больше и уже за день до отъезда она попрощалась с сердобольной «тётей Катей» - хозяйкой квартиры, где прожила около пяти лет, и перенесла вместе с Борисом Ефимовичем свои три чемодана вещей к нему в гостиничный номер, откуда они, купив два билета на поезд Москва – Баку, завтра собрались уехать в Махачкалу. Да, Борис Ефимович решил провести её до места назначения, устроить, изучить возможности своего трудоустройства там и затем переехать в Махачкалу для совместной жизни.

Судьба была к ним благосклонна. Ларисе Марковне предложили одну комнату в коммунальной квартире, что по тем временам было верхом удачи, а также должность ведущего врача-гинеколога. В не меньшей степени повезло и Борису Ефимовичу – два месяца назад в столице Дагестана был организован филиал АН СССР, где ознакомившись с его «резюме» и, узнав о том, что он тот самый «Огнин – востоковед», с радостью дали согласие на его переезд. Так Борис Ефимович, окрылённый столь удачно складывающимися обстоятельствами, вернулся к Ларисе Марковне и известил её об этом. После чего они по единодушному согласию договорились, что Борис Ефимович поедет в Баку и там решит два вопроса: получит разрешение на перевод в Дагестанский филиал АН СССР по семейным обстоятельствам, продаст квартиру, оставленную ему отцом, чтобы в Ма-

хачкале купить другую. В течение месяца оба вопроса были решены, правда, за это время он успел поехать на неделю в Махачкалу и за счёт полученных денег за квартиру в Баку купить здесь четырёхкомнатную в престижном доме, мебель и всё необходимое. А по возвращении они счастливые и радостные справили свадьбу.

Через 6 лет, в 1955 году Борис Ефимович защитил и докторскую. На этот раз в ней были освещены не только вопросы истории и культуры Японии, а и этнографии, философии, проблемы конфесий. По опубликованной отдельно монографии в трёх ведущих вузах страны были проведены конференции, на которых работе автора была дана высокая оценка и в его адрес направлены приглашения на работу. Однако Борис Ефимович решил от предложений отказаться, наоборот, не ограничиваться монографией, а, собрав весь накопившийся материал, выпустить книгу ещё большего объёма. Правда работа над ней потребовала ещё несколько лет кропотливого труда. Но книга получилась настолько интересной, что за короткое время стала редкостью.

В жизни Бориса и Ларисы неожиданно возникла проблема, о которой она как-то заикнулась сказать, но до известного момента не решалась откровенно поговорить об этом с мужем. Дело в том, что Лариса Марковна внутренне подготовилась стать матерью и последние два года не предохранялась. Однако беременность не наступала. Как гинеколог она была уверена, что причина не в ней, но всё же ещё раз тщательно проверилась и убедилась в своей правоте. Разговор с мужем был откровенным и убедительным: ему скоро 37, а ей 32 года, мол, пора завести ребёнка. Борис признался, что давно ждёт, когда она станет матерью, однако Лариса всё это время молчит и он,

не желая каким-либо образом её ранить, не поднимал разговор. Тогда она рассказала о себе и предложила ему провериться. И результаты исследований показали, что всё дело в Борисе и возможно причина заключается в том, что он в детстве перенёс ожоги, надо, мол, поехать в Москву, в лабораторию при научно-исследовательском институте. Лечение продолжалось долго и лишь через 7 лет, в 1966 году Лариса Марковна в возрасте 39 лет родила двух мальчиков – близнецов. Хотя роды были трудные и всё гинекологическое отделение стояло на ушах, всё же радости Бориса и Ларисы не было конца. Мальчики, на удивление, родились здоровыми.

3

Случилось так, что Борис Ефимович был приглашён заведовать кафедрой востоковедения того самого института, который окончил 37 лет назад. В институте его с нетерпением ждали со дня на день. Вопрос переезда для Бориса Ефимовича, хотя и был решён окончательно, всё же оказался нелёгким, поскольку был связан с двумя сыновьями-близнецами Сашей и Ефимом, которые учились в 10 классе махачкалинской средней школы и ни за что не хотели оставить любимую школу и продолжить последний год учёбы в Москве. Они заверили отца и мать, что у них для беспокойства нет никаких оснований, мол, они вполне взрослые, умеют готовить, убирать квартиру, стирать и утюжить. Короче, последние 8 месяцев до окончания школы они останутся здесь, а вы, мол, поезжайте, обустраивайтесь и ждите нас к лету. Поступать в высшее учебное заведение, убеждали они родителей, куда точно они ещё не решили, всё равно приедут в Москву.

В конце концов, на маленьком семейном совете было решено: оставить сыновей доучиваться, а самим ехать в Москву, поскольку заставлять себя ждать ещё дольше, решил Борис Ефимович, просто неприлично. Так в эти ноябрьские дни 1982 года чета Огниных поехала в Москву, где их встретили весьма радушно, помогли обустроить квартиру и для них началась шумная, торопливая и полная новых впечатлений столичная жизнь. Четырёхкомнатная квартира на Садово-Кудринском, в самом центре столицы, пришлась им по вкусу. Нашлась работа и супруге, поскольку врач-гинеколог с многолетним стажем был здесь крайне затребован.

Накануне отъезда в Москву в гостях у Ильи Абрамова к Борису Ефимовичу обратилась его жена, Диночка, очаровательное создание:

– Борис, вы и ваша семья стали нам родными, вы знаете, что для нас национальность и религиозная принадлежность никогда не были главными, и мы даже не знаем, как будем без вас, просто осиротеем... Однако помимо нашей дружбы, я чувствую в вас что-то очень близкое, как бы вам сказать точнее, что-то кровное, и ваше лицо, и весь облик говорят мне, нет, я не ошибаюсь, что по рождению вы наш – горский еврей. Вы как-то говорили, что в детстве потеряли память, это бывает, но то, как вы едите зелень, пальцами сворачивая пучок, как макаете кусочки хлеба в соусе, как ваши пальцы, независимо от памяти, выдают ваше прошлое..., короче, поэтому набралась смелости и прошу вас расскажите о себе...

Борис Ефимович задумался, смущённо улыбнулся, посмотрел на сидевшую рядом жену и заговорил:

– Диночка, милая, вы не первая, кто спрашивает меня об этом... Из дневника отца мне известно, что 29 июля 1929 года меня, семилетнего мальчика, обго-

релого, оборванного, с ожогами на теле, нашли почти без чувств около войсковой части, близ Кусаров, где отец был командиром. Когда меня спросили: как, мол, меня зовут, я ответил – «Пирис», но поскольку объяснить его никто не мог, меня назвали Борисом...

При этих словах Илья, муж Диночки, изменился в лице, вскочил со своего места и взволнованно спросил Бориса:

– Как ты назвал себя?

– Пирис, – ответил Борис, недоумевая по поводу такой взволнованности друга.

– Мы с тобой были правы, Диночка! – воскликнул Илья. – Так знай же, дорогой брат, что Пирис – распространённое имя среди горских евреев. А ты не помнишь откуда ты тогда прибежал в часть?

– Нет, – ответил удивлённый Борис Ефимович. – Мне тогда сказали, что я потерял память... Я действительно не помню своё прошлое...

– Так ты говоришь, что это случилось близ Кусаров? – спросил Илья.

– Да, так сказано в дневнике отца.

Илья зашёл в свой кабинет и принёс пожелтевшую от времени сшитую тетрадь, полистал её и нашёл то, что искал:

– Вот эти записи моего прадеда, раби Исроил Бен Исхака, сделанные им в 1929 году, когда он побывал в селе Новодун, близ Кусаров, после того как там побывали разбойники. Записи сделаны на древнееврейском языке, на другом они тогда писать не умели. Я буду сразу переводить на русский. Вот, что он пишет: «В селе Новодун и раньше жили наши соплеменники, однако лезгины с гор часто совершали набеги и убивали их. Они предупредили, что это их земля и никто не имеет права там жить. Сегодня – в день всенарод-

ного поста, в день, когда Бог наказал древних евреев за непослушание, во второй половине июля 1929 года, с гор спустилась банда лезгин и истребила несколько семей переселенцев с юга, ничего не знавших об их жестоких предупреждениях: детей, мужчин и женщин убили, сожгли их жилища, тут и там валялись трупы, мы собрали их и похоронили...»

– Я помню рассказ прадеда о том, что по тем, ещё ранним, временам село Новодун было большим поселением, где-то в 150–200 душ, – продолжал Илья Щербетович, – и в нем жили наши горские евреи. Был у них даже свой ковхо (староста). Однажды кто-то из своих же из зависти донёс правителю, что, мол, ковхо часть заготовленного сельчанами для него сена (по бигору) присвоил. Надо полагать, что доносчик сделал это с намерением войти к правителю в доверие, чтобы тот, свергнув нынешнего ковхо, на его место назначил его. Это привело правителя в бешенство, тем более, что селение иноверцев было для него, словно кость в горле, и он, не разобравшись, собрал свою сотню и за считанные часы уничтожил в нём всё живое. Не пожалел он и подлого доносчика (чугъула)...

Илья Щербетович замолк, нервно погладил голову, видно рассказ этот дался ему нелегко.

– С того времени на месте села остались лишь развалины, что называется, его стерли с лица земли, – с горечью говорил он дальше. – Правитель, за какие-то, только ему известные заслуги, отдал эти земли в собственность разбойникам (гъэчэгъгъо) с гор. А те, в свою очередь, оповестили всех, что тот, кто поселится здесь без их разрешения, будет уничтожен. К сожалению, ничего этого не знали те несчастные несколько семей, которые продвигаясь с юга, с Персии, в Дагестан, остановились в этих полуразрушенных землян-

ках на несколько дней на ночлег. В те времена наши предки большими и малыми группами в разное время шли этим путём, чтобы спрятаться от преследователей и обосноваться в каком-нибудь безопасном горном ущелье (дере). В тот роковой день с гор спустились гъэчэгъи – головорезы и уничтожили всех пришельцев, в том числе, надо полагать, и твоих близких...

Борис Ефимович сидел ошеломлённый, старался хотя бы что-нибудь вспомнить из своего прошлого, но, увы, память начисто вычеркнула события пятидесятирёхлетней давности. Однако то, что он Пирис и это имя горскоеврейское говорило о многом.

– Илья, дорогой, ты мне бесконечно дорог и я благодарен тебе за то, что вернул мне детство, вернул меня – дерево к моим корням и я, узнав всё это, бесконечно счастлив, – Борис Ефимович второй раз в жизни, после смерти отца, прослезился и, не пряча своих слёз, обнял своего друга. Затем продолжил, – как-то на призывной комиссии врач, осматривая меня, неожиданно спросил какой, мол, я национальности.

– Русский, – ответил я.

– Удивительно! – воскликнул он и о чём-то шепнул соседу – тоже врачу.

– Так он же с детства потерял память, не помнит своё прошлое.., – ответил второй и уже больше не возвращался к этому разговору... Вот тогда впервые я подумал о своей национальной принадлежности, но тщетно...

– Ну, а теперь позвольте и мне рассказать вам то, о чём мы с Борисом в течение всей нашей совместной жизни никогда не говорили. Я далека от мысли о мистике, ни в какие сверхъестественные силы тоже не верю, но есть, наверное, что-то похожее на зов крови, когда частицы общего, целого тянутся и находят друг друга неведомыми путями. В моих жилах от

матери отца, то есть, моей бабушки, тоже течет еврейская кровь и может быть поэтому мы с Борисом за три дня полюбили друг друга...

– Скажу тебе честно, сестра моя, – призналась Диночка, – я об этом догадывалась с первых дней нашего знакомства и то, что мы теперь признались об этом друг другу делает нас ещё ближе... А теперь за стол, кто знает, когда нам ещё удастся встретиться вместе...

4

И в самом деле, у родителей близнецов: Саши и Ефима причин для беспокойства не было, поскольку они – два дюжих 16-летних парня, спортсмены, блестящие атлеты и баскетболисты, любимцы школы, отличались ещё и тем, что были дружелюбны и отзывчивы. Правда, были в них и незначительные различия: Саша вымахал под 180 см, а Ефим лишь до 173, если Саша был молчун и ответы его на уроках отличались лаконичностью, словно он заранее знал о чём его спросят и готовился к этому, то Ефим был словоохотлив, как говорится, за словом в карман не лез, но не болтлив.

Учились они хорошо и хотя «отличные» оценки превалировали над «хорошими» всё же в медалисты не стремились. Но справедливости ради следует сказать, что при небольшом «напряге» Саша вполне мог бы получить и медаль. И Саша, и Ефим были единомышленники. Эти два красивых юноши не ленились ни домашней, ни общественной работы и надо ли говорить, что одноклассницы, да и не только, девушки – горянки, которым даже в восьмидесятые годы XX века и бытом, и традициями, и адатами шарията возбранялась близость с христианином, всё же исподтишка поглядывали на них и вздыхали. А Саният, самая красивая девушка в классе, хотя и старалась

скрыть до поры до времени свои чувства к Саше, всё же не могла отвести от него взгляда, спрятать своего чистого девичьего порыва. Со временем и Саша стал отвечать на её призывный взгляд, не отстранялся, когда она подходила к нему, будто хотела о чём-то спросить по учёбе, не отворачивался, не проходил мимо, как он поступал раньше в подобных случаях. И он, и она искали случая, чтобы сказать друг другу что-то важное и нужное, но делали это крайне осторожно, ибо дагестанская школа тех лет относилась к подобным проявлениям крайне консервативно. Об их тайной дружбе знал лишь один Ефим.

Где-то вначале весны в школу пришёл представитель военкомата, молодцеватый капитан, хорошо сложенный, спортивного вида офицер и пригласил Сашу и Ефима в школьную комнату военной подготовки. Он с упоением рассказывал о высших военных училищах, о жизни офицеров – мужественных и преданных Родине защитников отечества, о полной романтики службе в пограничных заставах. Как раз в эти годы в кинотеатрах демонстрировался замечательный фильм «Офицеры» с великолепным Лановым и капитан не преминул упомянуть и об этом. В конце беседы он от имени военкомата предложил братьям поступить в Высшее военное пограничное училище, тем более, что ребята хорошо сложены, спортсмены и учатся хорошо. Непринуждённая беседа в душе молодых дала положительные ростки и Саша с Ефимом решили стать офицерами, конечно, предварительно поговорив с родителями.

Однако отец, услышав из уст Саши эту весть, хотя вслух своего мнения не высказал, всё же выбор сына не одобрил, а мать, Лариса Марковна, пожелала, чтобы сыновья ещё раз обдумали этот серьёзный шаг, не торопились с решением, тем более, что вре-

мне впереди немало и оно требует неторопливого осмысления. В заключение телефонного разговора она недвусмысленно высказалась, что мечтала видеть хотя бы одного из них врачом.

Разговор этот привёл ребят к размышлениям и несколько дней они ходили погружённые в думы. Не совсем одобрила решение Саши и Саният, которая, выслушав Сашин рассказ о беседе с работником военкомата, в очень деликатной форме сказала:

– В офицерской форме ты, Сашенька, выглядел бы очень красиво, но в белом халате врача – просто закачаешься! Знай, мне по душе любое твоё решение..., но я буду поступать в медицинский...

– Да? – не то спросил, не то согласно сказал Саша. – Спасибо, если так. Мне было важно знать твоё мнение.

Но, однажды решив, молодые были непреклонны и стали готовиться не только к сдаче выпускных экзаменов, но и к поступлению в военный ВУЗ. Обременённые предстоящими испытаниями, Саша и Ефим не заметили приближения первых летних дней.

Тем временем в Афганистане шла война.

На Красной Площади Москвы вечерами шли гулянья и люди всё ещё посещали мавзолей.

У КПСС появились первые симптомы неизлечимой болезни, однако знали об этом лишь немногие.

Запущен «Астрон» – советский космический ультрафиолетовый телескоп.

Почти одновременно и независимо друг от друга Люк Монтанье во Франции и Роберт Гало в США выделили вирус СПИД(а).

Через несколько месяцев полковник Станислав Евграфович Петров предотвратил потенциальную ядерную войну, когда из-за сбоя в системе предупреждения о ракетном нападении поступило ложное сообщение об атаке со стороны США.

Выпускной бал в школе проходил в танцах и веселье. Впервые Саша танцевал с Саният и видел её лицо так близко, что юноша поразился её красоте и невольно плотнее прижал её к себе. Этот порыв был воспринят и самой девушкой и она сама откликнулась на него. Уже в полночь расходиться после танцев им не захотелось и Саша предложил девушке пойти погулять. Вечер был тёплый, с моря дул лёгкий ветерок, от всего этого, а также близости милого и очень дорогого человека, на душе было радостно и спокойно.

– Ты всё же решил в военное училище? – спросила Саният и ещё раз взглянула ему прямо в глаза. Взгляд этот был нежный и участливый.

– Да, – ответил он, – мы с Ефимом решили не менять своего решения. Надеюсь, это не повлияет на наши отношения?

– Нет, нет, что ты Саша! – решительно ответила девушка. – Я же тебе уже говорила, что я принимаю любое твоё решение...

Он взял её руку, медленно преподнёс к губам и мягко поцеловал. Этот жест не оставил равнодушной и девушку, она будто ждала этого. Саният потянулась к нему и неожиданно, обняв Сашу, неумело прижалась к нему всем своим девичьим телом, отчего молодой человек вначале на секунду растерялся, но потом решительно сильнее прижал к себе девушку и их губы слились в первый, чистый непорочный поцелуй.

– Саша, мы с тобой сошли с ума, – отстранившись от него, тихо сказала Саният.

– Нет, родная, я этого давно хотел, но не решался, – нежно ответил Саша, – когда ещё встретимся...

– Когда вы уезжаете?

– Завтра, вечерним поездом, 7 вагон..., – сказал Саша, – ты хочешь...

- Да, обязательно, я приду вас провожать...
- Тебе удастся?
- Конечно, я буду...
- Как приеду, сразу напишу тебе домой.., – сказал

Саша.

– Без лишних слов, просто адрес и всё, – ещё раз предупредила его Санянт.

– Да, я так и сделаю, не волнуйся, – успокоил её Саша.

– Ты не забудешь меня, Саша? – тихо, в полголоса спросила девушка.

– О чём ты говоришь?! – и молодой человек снова притянул её к себе.

Было уже 4 часа утра. Утренние сумерки какой-то серой мглой окутали берег непривычно тихого Каспия. Слышно было как шелестит прилив. Пора было возвращаться домой. Санянт нежно прижалась к Саше, затем порывисто отстранилась от него, влажными от слёз глазами взглянула ему в лицо и тихо сказала:

– Пока, до встречи, – и побежала к дому.

Ни Саша, ни Санянт не знали, что впереди их ждут годы разлуки, мучительных переживаний и несбыточных надежд. Увлечённые собой, они не заметили за собой соглядатая, который всё это время неотлучно преследовал их.

6

Хайдар, сосед Санянт по лестничной площадке, двадцатидвухлетний атлет заметил девушку уже давно, ещё когда Санянт бегала в седьмой класс. Теперь, когда девушка расцвела, как майская роза, Хайдар стал проявлять к ней неослабное внимание: то дарил цветы и подарки на 8 марта или на день рождения, то приглашал на разрекламированный фильм в кино, куда в первые три недели простым смертным

было не попасть, то, заметив её у подъезда дома, не решающуюся сделать шаг в дождь, услужливо оказываясь рядом и, открыв дверцу своего шикарного «Мерседеса», предлагал сесть, чтобы довезти до школы, отчего Саният, улыбаясь, решительно отказывалась.

Родители Хайдара и Саният знали друг друга давно, особенно матери, которые были из одного аула, почти одновременно учились в одной школе, а когда благодаря мужьям, работавшим в те годы на ниве просвещения, получили квартиры в одном и том же великолепном доме на площади столицы и оказались даже на одной лестничной площадке, так вообще стали ближе родных сестёр. Надо ли говорить, что мать Хайдара спала и видела красавицу Саният своей невесткой, а родительница Саният, восхищённая деловыми качествами Хайдара, широтой размаха, его щедростью (не было праздника или сколько-нибудь значимого события, чтобы Хайдар не преподнёс не только дочери, но и ей самой букет ярких цветов и дорогой подарок), что приводило её в умиление и она стала называть его ласково «Хайдарчиком». В обеих семьях, хотя об этом не было высказано вслух ни слова, было решено соединить их в единый семейный союз и лишь ждали для этого удобного случая.

Как-то за званым обедом, уединившись на балконе покурить, отец Саният, Магомед, обсуждая перспективы роста детей, как бы мимоходом, ненавязчиво спросил хозяина, Омара, почему, мол, Хайдар бросил учёбу в школе. На что Омар, будто ждал этого вопроса, сразу же ответил:

– Когда Хайдар учился в восьмом классе, мы переехали в этот дом и, честно говоря, нам было не до сына, мы тогда его просто упустили. Он связался с какими-то ребятами и, скрывая это от нас, бросил

школу. Года два мы были в неведении: ходит в школу, занимается баскетболом, ну и хорошо. Однако узнав о том, что он не учится, мы ахнули и, конечно, вернули его в школу, ты помнишь, один год он учился вместе с Саняит. Но и тогда продолжать учёбу он не стал, добровольно уехал на службу в армию, в ВДВ, в прошлом году демобилизовался, занялся тут же бизнесом, экстерном окончил школу и сейчас заочно учится в институте. Слава Аллаху, все трудности позади...

«Ой ли? – подумал Магомед. – Уж больно не весел у тебя вид, друг мой. Ходят слухи, что Хайдар никакой не бизнесмен, а связан с криминальной структурой – бандитской группировкой, которая замешана на грабежах и убийствах. Люди говорят, что молодой человек иным путём такую «крутую тачку» приобрести не может. Вот я и думаю: все ли трудности у Хайдара позади, ибо деньги на зле ко злу и приводят».

Но вслух Магомед сказал совсем другое:

– Дай-то Аллах, мы все желаем Хайдару успехов и процветания...

В этот момент к мужчинам, как говорится, на огонёк зашёл Хайдар и невольно услышал последние слова соседа.

– О, дядя Магомед, обо мне говорите? Спасибо, за добрые пожелания, – произнёс он с улыбкой обратившись к Магомеду.

– Да, сынок, – ответил за соседа Омар, – мы тут секретничаем о детях. О чём могут говорить отцы, если не о детях?!

– Скажи, пожалуйста, Хайдар, если не секрет, конечно, где ты работаешь и в чём заключается твой бизнес? – неожиданно для себя спросил Магомед. Видно этот вопрос давно мучил его.

Хайдар улыбнулся, отчего на щеках появились так красившие его ямочки, чистым добрым взглядом посмотрел на спросившего и ответил:

– Работаю я председателем банка «Горизонт», кстати, по долгосрочным вкладам у нас высокие проценты. Если, дядя Магомед, у вас есть сбережения, вложите в наш банк, не пожалеете...

– Спасибо, Хайдар, обрадовал, – ответил Магомед, – перед пенсией, если мы с тётёй Патимат накопим денег, непременно вложим в ваш банк, на старости будем жить на дивиденды. Говорят, банк силён не количеством золотого запаса, а числом вкладчиков?

– Да, дядя Магомед, недавно нашим вкладчиком стала японская фирма, интересы которой мы будем выполнять в Дагестане. Если повезёт и дагестанские производители заинтересуют другие зарубежные фирмы, наш банк вообще расцветёт...

– Дай, Аллах, мы желаем тебе процветания, сынок, – пожелал Хайдару отец.

– Работа твоя, как я понимаю, требует осторожности, – заметил Магомед, вставая.

– Конечно, дядя Магомед. Как гласит пословица: «Забиякой будешь – замесят, тихоней – затопчут», – ответил Хайдар и так сжал пальцы в кулак, что получить такую «кувалду» можно было пожелать лишь только врагу.

Ни эта злобная гримаса Хайдара, ни взгляд, который её сопровождал от Магомеда не ускользнули, однако он сделал вид, что ничего этого не заметил и с улыбкой доброжелательности и дружелюбно пожал Хайдару локоть и они, как друзья, вместе покинули балкон. Нельзя сказать, что Магомед, зная расположение жены к этой семье и к Хайдару, в частности, мечтавшей видеть дочь невестой этого крепкого и красивого парня, не наводил о нём справок у знаю-

щих людей, не интересовался его деятельностью, источником его баснословных доходов. У горца, а Магомед был таковым, хотя вот уже более 10 лет звался горожанином, выдача дочери замуж сопряжена со множеством хлопот, особенно с изучением характера, рода деятельности и значимости потенциального жениха. И, надо полагать, любые родители желают чтобы им оказался человек не только из добропорядочной семьи, но и сам характеризовался положительно.

Однако по мере того, как Магомед познавал молодого соседа, его, как говорится, бросало то в жар, то в холод. Например, тренер баскетбольной команды, в которой Хайдар играл до призыва на службу в армию, рассказал, что однажды Хайдар избил своего бывшего одноклассника за то, что тот обозвал его неучем. И так зверски избил, что парня еле выносили, можно сказать, вытащили из рук смерти. «Я немало повидал в своей жизни, – рассказывал тренер взволнованно, – но чтобы молодой человек, лучше сказать, ещё вчерашний мальчишка, может быть таким безжалостным, не знать границы в своём зверстве, может вот так просто взять и убить, такое я увидел в Хайдаре... Из команды мы тогда его прогнали, но случай этот помню до сих пор. Кстати, говорят он и сегодня ходит в бандитах...»

Декан экономического факультета коммерческого института, приятель Магомеда по совместной учёбе в университете, рассказывал о Хайдаре, захлёбываясь от восторга. У него, мол, и аттестат в одних пятёрках, и отслужил армию, да сам ладный, красивый парень, а посему в институт его приняли без вступительных экзаменов и не ошиблись – учится успешно. «Да что там успешно, – воскликнул он, – парень нынче сдаёт экзамены за второй курс. С такими деньгами, что он сорит налево и направо, – вырвалось у приятеля, – он через два года и институт закончит!...»

Но о самом невероятном поведала Магомеду старейшая работница издательской типографии верстальщица Рукият. По фотографии кандидата в депутаты горсовета, отпечатанной в городской газете «Волны Каспия», она опознала своего соседа, Хайдара, приобретшего год назад рядом с её хибаркой заново и со вкусом отстроенный особняк. Что не далее, как три месяца назад, у этого особняка произошла в полночь перестрелка, которая взбудоражила всю улочку и она, разбуженная этими выстрелами, своими глазами видела, как этот самый «депутат» вместе с таким же «бугаем», как и сам, быстро загрузили в багажник своей машины тело убитого и молниеносно отвезли его в неизвестном направлении. Что, ещё до рассвета, четверо невесть откуда взявшиеся уличные уборщики облизали и вычистили всё кругом, и так добросовестно, что не осталось никаких следов вчерашней бойни, а потом, как стало ей известно, приезжали милицейские машины и обыскали весь особняк, а также машину Хайдара, допросили соседей, кроме неё, поскольку она пошла на работу, да и не хотела вмешиваться в дела этих бандитов. Но, как видно, милиция ничего не нашла. О том, что молодого соседа, в особняк которого изредка въезжают такие же шикарные машины, как и его, зовут Хайдаром она узнала лишь сейчас, после публикации газеты.

Помимо того, что Магомед расспрашивал знакомых и друзей, он почти еженедельно виделся и разговаривал с Хайдаром в квартире или на лестничной площадке, и его всё больше поражала редкая целеустремлённость этого сравнительно молодого человека, бесстрашие и умение подчинить себе людей, широта размаха и умение уходить от показного, парадного, бахвальства, за внешней добротой, улыбкой, обаянием, умением прятать свои истинные цели и

делать всё это мастерски, как актёр, как человек, который прошёл большую жизненную школу. С каждым днём Магомед убеждался, что Хайдар шёл к намеченной цели, большей частью, напористо, настойчиво, правда, в зависимости от обстоятельств, соблюдая и такт, и деликатность. Видно мудрости человека учат не года, а хождение по острию ножа.

И, конечно, всё это пугало Магомеда, ибо он видел неукротимое стремление жены, вопреки желанию дочери, выдать её за «Хайдарчика» замуж. Жена прожужжала ему, как говорится, все уши, что он дальше собственного носа ничего не видит, что такого жениха упустить, не дай Аллах, ни в коем случае нельзя, что лучшей партии для дочери-красавицы не будет, что, в конце концов, хватит тянуть резину, надо дать согласие на сватовство, а свадьбу можно будет сыграть и года через два-три, когда Саняйт будет на третьем курсе института. Уговоры не торопить события, что дочь только-только заканчивает школу, что девочка и слушать не желает о замужестве, особенно за Хайдара, видно чувствует девичье сердце, что за внешней мишурой этого парня прячется нечто похожее на чудовище, не дают желаемого результата, жена не успокаивается. И рассказать жене обо всём, что узнал о Хайдаре он не решался, ибо это было чревато не меньшими неприятностями: он боялся, что жена проболтается своей подруге, матери Хайдара, что, в конечном счёте, вызовет в их семье скандал или ещё больше, бурю, что и отец, и мать Хайдара потребуют у сына ответа на многие вопросы, которым они раньше должного значения не придавали, оставляли без внимания. И тогда сын так или иначе спросит родителей откуда, мол, они всё это взяли, кто им рассказал. Узнав об источнике этих сведений, Хайдар увидит для себя смертельную опасность и решит его уничтожить.

Вот какие мысли в последнее время не давали Магомеду покоя, вот почему почерпнутые им сведения о молодом соседе тяжким бременем легли ему на плечи и давили, и гнули его всё больше и больше, словно всё это совершил он сам, человек совестливый и чистый, ибо понимал, что скрыть от людей о злодеяниях негодя всё равно, что разделить с ним великий грех.

Но было и такое о чём Магомед не знал, да и не мог знать. Например, о том, что одно время Хайдар играл в одной баскетбольной команде с Сашей Огненным, одноклассником Саняйт, что ему с первого дня понравился этот крепкий, не по возрасту, серьёзный паренек. Что Хайдар всячески старался склонить Сашу к своим друзьям, с которыми он в последнее время сблизился, однако Саша хотя и не чурался Хайдара, даже раза два приглашал к себе домой и познакомил с отцом, Борисом Ефимовичем, всё же друзьями не стали. А демобилизовавшись, Хайдар, после двух-трёх серьёзных разборок со своими «отморозками», стал их «авторитетом». Потом, уже под его руководством и при непосредственном участии, эта же группа путём жестоких пыток, заставила хозяина одного банка подписать документы на перевод основного банковского капитала на имя подставного лица, а потом убрала его. С этого времени Хайдар принял респектабельный вид, стал называться председателем банка «Горизонт», поменяв вывеску разграбленного банка. Теперь он сам в «операциях» своей группы участия не принимал, хотя все они получали его «благословение».

Не знал также Магомед о том, что Хайдару стало известно об особых отношениях Саши Огнина и Саняйт, мало того, что эти отношения, которые сегодня называют дружбой, завтра перерастают в любовь, что они с каждым днём приобретают всё новые и новые

оттенки. И Хайдар, поставивший перед собой цель, (а поставленные цели, как известно читателю, ему пока удавалось осуществить все) во что бы то ни стало – завоевать, захватить, подчинить, заставить родителей Саният и её саму стать его женой. Поэтому он пригласил одного из своих подручных, показал ему фотографии Саши и Саният и сказал:

– С сегодняшнего дня ты становишься их тенью, когда они вместе, ты должен слышать о чём они говорят и видеть, что они делают, и каждый день мне докладывать. Всё понятно?

– Да, Хайдар, всё сделаю в лучшем виде, – и ушёл.

Хайдару докладывали, что в школе они обменялись несколькими ничего не значащими фразами, а также о том, что сразу после получения аттестата зрелости Саша и его брат-близнец, Ефим, уезжают для поступления в Высшее военное училище. А утром следующего после выпускного бала дня, Хайдару стало известно, что Саният и Саша в полночь оторвались от основной группы выпускников и пошли гулять по городу одни, что, не зная о слежке, они потеряли в эту дивную ночь бдительность, обещали никогда надолго не расставаться, быть верным дружбе, писать письма и что дважды, крепко обняв друг друга, целовались. И что послезавтра Саният обещала прибежать на железнодорожный вокзал, чтобы проводить друга в Москву.

Хайдар не раздумывал как довести обо всём этом до родителей Саният и не дать девушке возможности осуществить своё желание. Он наверняка знал как поступить. В тоже утро он в шуточной форме рассказал своей матери об известных ему фактах, та, в свою очередь, матери Саният, что привело её в ярость и к совершенно неожиданным действиям...

Через несколько часов того же счастливого утра, когда они расстались, родителям Саният стало известно, что она ушла с бала в полночь, но в группе гуляющих по городу одноклассников её не было. Поскольку до отца и раньше доходили слухи о тайной дружбе дочери с русским одноклассником Сашей Огниным, на этот раз он решил поговорить с ним и этой дружбе положить конец, и, таким образом, уберечь семью от позора, не дай аллах, соединения его дочери – мусульманки и гяура, христианина. Однако, когда он узнал, что братья – близнецы, получив сегодня аттестаты зрелости, завтра уезжают вечерним поездом, он успокоился. Но мать Саният решила предотвратить возможность их встречи накануне отъезда, установив за дочерью наблюдение.

Отец Саният не был забитым религией, отсталым, неграмотным человеком. Филолог с высшим университетским образованием, работал в республиканском издательстве. В этом 45-летнем человеке сочетались новизна мышления и старые, патриархальные взгляды на роль женщины – горянки в обществе, её предназначении в семье, отрицательном отношении к христианству, которое, в отличие от магометанства, допускало, в его понимании, вольность, даже распущенность в поведении женщины и неудержимую тягу к пьянству мужчины. Мать же Саният окончила кооперативный техникум и работала бухгалтером в том издательстве, где и муж, и также разделяла его взгляды о предназначении женщины.

Вопреки желанию супругов, Аллах не дал им многих детей и единственную дочь растили, оберегая от всяких тревог и волнений, от вмешательства в её мир вредных на их взгляд идей и мыслей. И надо сказать, что Саният росла легко и весьма обеспеченно,

не зная нужды ни в одежде, ни в чём другом. Уже в 16 лет она стала стройной и очень милой девушкой, ростом в 170 см, почти в уровень с отцом. В ней сочетались смелый прямолинейный характер справедливого борца с тонкой девичьей застенчивостью, прогрессивные идеи мыслителей на роль женщины в обществе и семье и непокорность адатам шариата. Поскольку в семье на такие темы обычно не говорили, она не знала позицию родителей по этим вопросам, считая отца и мать своими единомышленниками. Однако каково было её возмущение и негодование, когда на следующий день к 5 часам вечера отец зашёл в её маленький кабинетик, устроенном в комнатке – бомбоубежище, в последние годы ставший модным при строительстве многоэтажных домов. Отличалась эта комнатка тем, что в ней не было окон и связь с остальной частью четырёхкомнатной квартиры осуществлялась через дверь.

– Я хотел бы поговорить с тобой, Саният, – начал отец, присев к её миниатюрному, но очень уютному столику, – поскольку школу ты окончила и переступаешь порог взрослого человека...

– Да, папа, я слушаю тебя...

– Дело в том, что до меня дошли слухи о твоей непонятной дружбе с Сашей, твоим одноклассником...

– Что в этом предосудительного, папа?

– Как? – удивился отец. – Мы с тобой мусульмане, живем в мусульманской республике, и если это станет достоянием людей, нас предадут анафеме, наша семья покроется позором. Неужели тебе, взрослой девушке, это непонятно?

Опустив голову Саният молчала. Она думала. Сказать сейчас и раз навсегда признаться отцу, что она.., что ей этот парень по душе и никого другого ей не надо, тогда, судя по его реакции, надо ждать скан-

дала, шумной брани и карательных мер с его стороны. Если же сейчас промолчать и надеяться на будущее, то это проявление малодушия с её стороны и нечестно по отношению к родителям.

Однако, поняв её молчание по-своему, он назидательно продолжил:

– Я думаю, что моя дочь не допустит позора на свою семью и прекратит всякие связи с этим бывшим одноклассником, тем более, что он сегодня, думаю навсегда, уезжает к родителям в Москву...

– Что плохого в том, что мы, 10 лет проучившись в одном классе, дружим? – не выдержала Саният. – Как ты можешь такое говорить, отец?

– Я знаю, что говорю! – вскипел родитель и потребовал, – дай мне слово, что ты покончишь с этой дурью!

Она недолго думала и честно призналась:

– Я не могу дать такого слова...

– В таком случае... пеняй на себя! – в сердцах крикнул он и, хлопнув массивной дверью, ушёл от неё.

Не успел он сделать и нескольких шагов, как к прикрытой двери дочери подошла мать и ключом, что был в дверях, закрыла её. Всё это произошло столь стремительно, что Саният, схватившаяся было в отчаянии за голову, ничего не услышала. Потом, взглянув на ручные часики, встала и торопливо кинулась к двери, чтобы успеть одеться и побежать к железнодорожному вокзалу, откуда через 40 минут должен был уехать Саша.

Однако дверь была закрыта.

«Нет, не может быть! – подумала Саният, – не мог отец так поступить». Но на стук никто не отзывался. Она стала стучать ещё сильнее, прихватив для этого и ножку поломанного стула, стала кричать, звать на помощь, однако никто на её зов не отвечал. Её охватило отчаяние, какая-то безысходность. Вый-

ти из этой добровольной тюрьмы было практически невозможно.

– Что ты со мной делаешь?! – кричала она, взывая к совести отца. – Как ты так можешь?

Она плакала, кричала, взывала о помощи, но в течение двух-трёх часов её никто не услышал. Эта жестокость ошеломила Саният больше, чем то, что её закрыли. Она села за стол, собрала всё своё мужество, понимая, что теперь уже, если даже ей откроют дверь, торопиться некуда, Саша, не дождавшись её, уехал. Это понимание вначале принесло успокоение, затем твёрдую решимость уйти из дома навсегда.

На следующий день Саният поехала в соседний городок к сестре отца, с которым та, после смерти матери прекратила всякие связи, попросила тётю разрешить ей жить в её квартире до сдачи экзаменов.

– Если поступлю в институт, – сказала ей племянница, – и надоем вам, перейду в общежитие...

– Да что ты, Саният, – ласково улыбнулась ей тётя Сакинат, выслушав её печальную исповедь, – о чём ты говоришь, дорогая?! Я буду рада и счастлива твоему обществу. Живи столько, сколько тебе захочется. Что, достал тебя мой братец? – и сама ответила, – да, это он может...

– Только очень прошу вас, тётя Сакинат, ни маме, ни отцу о том, что я живу у вас не говорите, – попросила обрадованная ласковым приёмом Саният, – а уж я прослежу, чтобы меня не выследили...

– Будь уверена, я этого не сделаю, – пообещала тётя.

В мединститут Саният поступила и продолжала жить у тёти, надеясь, что Саша ей обязательно напишет и мать, в которую она всё ещё продолжала верить, принесёт эту весточку ей. Не знала, не ведала Саният, что тогда, когда её заперли в комнатке, это сделал не отец, которого она подозревала в этом кощунственном

поступке и, которому не могла простить, а именно мать, которая, кроме этого, спрятала и Сашино письмо, в котором он сообщал свой адрес и просил побыстрее ему ответить. Но Саша ответа так и не дождался.

Поступили в Высшее военное училище и близнецы. Экзамены за первое полугодие сдали настолько успешно, что родители решили поощрить сыновей поездкой на неделю в Махачкалу, тем более, что Саша после приезда оттуда исхудал и стал мрачнее тучи. Каждый раз приезжая с училища, Саша спрашивал нет ли ему письма и мать догадывалась, что сын волнуется по поводу молчания одноклассницы – милой девушки Саният. Ефим тоже знал причину состояния брата и потому от поездки отказался.

В Махачкалу Саша не ехал, а в прямом и переносном смысле летел. Он не понимал причину молчания Саният, строил догадки, но вразумительного ответа на них не находил. Поэтому ему было жизненно важно знать, что произошло с Саният и готов был, если понадобится, оказать ей любую помощь. Верный своему первому юношескому чувству у него не укладывалась в голове мысль, что Саният забыла его, что она, чистая как хрусталь, как детская слезинка, вдруг взяла и выбросила его из памяти, ибо её влажный взгляд на рассвете после школьного бала, её трепетные губы, которые оставили на его губах незабываемый вкус нежности и тепла, не могли так внезапно измениться. Он верил Саният и был уверен в ней.

Оставив саквояж дома, он кинулся к своей подруге, купив по дороге букет цветов. На стук в дверь у порога появилась мать Саният, почему-то болезненно бледная.

– Здравствуйте! Вы меня помните, я одноклассник Саният, Саша Огнин? – впервые в жизни скороговоркой произнёс он первые пришедшие на ум слова. – Вот, только что прилетел из Москвы...

Она смерила его колючим, неприятным взглядом и, словно робот, чётко произнесла:

– Саният теперь здесь не живёт...

– Как? – не понял Саша. – Вы же её мать?

– Да, – ответила та задумчиво, – мой вам совет, молодой человек, оставьте её в покое, если даже найдёте. Не навлекайте на себя беду, не может мусульманка быть вам..., вы понимаете кем. Уезжайте и ва салам и ва калам!

Она повернулась назад и перед самым носом Саши закрыла дверь.

Всю ночь он почти не сомкнул глаз. Не помнил как готовил себе поесть, как ел и что делал потом. Он ходил по скрипучему паркетному полу квартиры и думал, думал, думал свою горькую думу. Так вот в чём причина, рассуждал он, видно, родители не дали ей возможности в тот день выбраться из дома и проводить его. А она, в знак протеста, ушла от них. Но куда? Как же медицинский институт? Где и с кем она живёт? Где её искать? Вопросы сыпались один за другим, а ответов на них не было. За несколько часов Саша повзрослел на несколько лет. Движения его стали нервными, мысли рассеянными, решения быстрыми и решительными.

На следующий день, наскоро позавтракав, он пошёл к своему школьному другу Марку Фараджеву, который жил на той же улице Оскара, что и он, и мечтал поступить в сельскохозяйственный институт.

– О. Саша? – радостно встретил его Марк и крепко, по-братски пожал руку. – С приездом! По форме вижу, что в скором времени будешь офицером наших доблестных пограничных войск... Но почему такой грустный вид? Что-нибудь, не дай бог, случилось?

– Нет, Марк, всё в порядке, – успокоил друга Саша, – сдал экзамены за I семестр и родители снаряди-

ли меня поехать и посмотреть квартиру, вот я и прилетел вчера... Как ты, поступил?

– Да, – коротко ответил Марк. – Признаюсь и я после экзаменов ещё не очухался и твоё поручение поглядывать за вашей квартирой не выполнил. Не было времени, но обещаю...

– Скажи, Марк, – неожиданно заговорил Саша с другом, – ты нашу одноклассницу, Саният, не видел?

– А..а, – сразу сообразил Марк, который догадывался об особых отношениях Саши и Саният, – нет, представь себе, ни разу... Но она же хотела в медицинский поступать, там можно узнать...

– Пойдём вместе, – предложил Саша.

– Хорошо, только давай я позвоню хотя бы матери, что ухажу, чтобы не беспокоилась... У нас сейчас все в бегах: родители на работе, старший брат уехал в Уркарах в командировку, другой брат с сестрой уехали в Дербент к бабушке, пару недель все в разъезде...

Он набрал номер телефона:

– Мама, я ненадолго пойду по делу с Сашей. Как с каким, с Сашей Огниным, да он приехал вчера. Обязательно передам. Саша, тебе мама передаёт привет, – обратился Марк к другу.

– Передай и ей мои добрые приветы! – попросил Марка Саша.

В медицинском институте было оживлённо, однако ни одного знакомого среди шастающих по вестибюлю молодых людей, они не увидели. В списке успешно закончивших семестр на лечебном отделении института значилась и Саният. Они и не сомневались, ибо Саният была лучшей ученицей школы, победительницей многих городских олимпиад по литературе, химии и биологии. В деканате Марк и Саша представились и попросили девушку-секретаря дать им адрес Саният. Порывшись в бумагах, девушка назвала тот

самый адрес, где она жила по прописке и где Саша вчера получил от ворот поворот. Цепь обрывалась. Поняв, что ответ не удовлетворил ребят девушка-секретарь сказала им, что насколько ей известно Саният по путёвке профкома куда-то поехала отдыхать, но куда – не знает. Это известие очень обрадовало Сашу, и они побежали в профком, но там никого не было, на период каникул они тоже не работали.

Проводив Марка домой и поблагодарив за участие, Саша направился к другой однокласснице, лучшей подруге Саният, которая вполне могла знать о её местонахождении. Точного адреса её Саша не знал, но помнил, как однажды они с Саният проводили её к дому и потому по памяти, как говорится, на ощупь шёл к намеченной цели. Однако дома её не оказалось, открывший дверь отец подруги сказал Саше, что та поступила в фармацевтический институт города Пятигорска и что два дня назад она уехала туда с матерью обустраиваться. Так Саша потерял ещё одну связующую нить с Саният.

Совершенно случайно, на третий день своего пребывания в Махачкале, он встретил на приморском бульваре, у памятника Сулейману Стальскому, своего друга по баскетбольной команде Магомеда Юсупова. Они очень обрадовались встрече и после долгого разговора о делах команды, победах и поражениях, новом пополнении за счёт лучших спортсменов школы, Саша как-то ненароком спросил Магомеда о Саният, поскольку тот был ей дальним родственником.

– Знаю, что у них в семье произошёл какой-то скандал и Саният ушла от родителей. Она вообще боевая девчонка, ты знаешь. Мать после этого заболела. Знаю через друзей, что Саният поступила в медицинский институт, но где она живёт и как её найти, клянусь, честное слово не знаю.

Всё это Магомед произнёс на одном дыхании и, как понял Саша, тут же забыл об этом.

Как-то прохаживаясь по бульвару, Саша в задумчивости не заметил, как рядом остановился чёрный «Мерседес».

– Саша, друг мой, какими судьбами? – спрашивал водитель, плотный молодой человек, в котором, приглядевшись, Саша узнал Хайдара. – Садись, подвезу куда надо или поговорим по старой дружбе...

– О, здравствуй, Хайдар, рад тебя видеть, – усаживаясь на переднее сиденье, говорил Саша, – ты возмужал, да и прибарахлился, как вижу...

– Здравствуй, здравствуй... Это всё мелочи.., – как бы мимоходом бросил Хайдар, – поздравляю тебя, как я понимаю, ты теперь курсант Высшего военного училища.., рад, очень рад, молодец, кому же быть офицерами наших доблестных вооружённых сил, как не тебе, Саша! Но что ты сейчас, зимой, в каникулы делаешь в Махачкале, в эту холодную, ветряную погоду?

– Родители попросили побывать на квартире, да и друзей хотелось повидать... – ответил Саша и, будто вспомнив о чём-то, спросил. – Ты не знаешь где сейчас наша школьная подруга, Саняет Сапулаева.

– Это какая? – будто не знает о ком идёт речь, переспросил Хайдар, вспомнив о пачке Сашиних писем на своём столе.

– Соседка ваша по лестничной площадке, – подсказал ничего не подозревавший Саша.

– А-а.., – Хайдар сделал вид, что узнал наконец. – Так ты ничего не знаешь?

– О чём? – с тревогой спросил Саша, – с ней что-нибудь случилось?

– Случилось, конечно, но для неё очень радостное событие... – продолжал пытаться парня Хайдар, –

недавно её засватали и на зимние каникулы они уехали со своим женихом на Север отдохнуть...

– Неужели? – недоверчиво переспросил Саша. – Она сама согласилась?

– Конечно, друг мой. И ещё я тебе скажу Саша, по другому и не могло быть... А чего ты, вдруг, спросил? – Хайдар пристально взглянул на Сашу. – Небось глаз положил на неё? Да..а... она красивая девушка...

– Да нет, – потеряв всякое настроение, ответил Саша и неожиданно весело добавил, – ты же помнишь, у нас в классе все мальчики были влюблены в неё...

– Да, конечно помню, – улыбаясь в душе наивности Саши, ответил Хайдар и твёрдо добавил. – Что делать, каждому своё!

«Так вот почему ты, Саня, не стала мне отвечать, – вдруг озарило Сашу, – предала меня и так скоро... Что ж, Хайдар прав, каждому своё... Теперь мне здесь делать нечего...»

– Вот и хорошо, – словно спохватился Саша, – останови, пожалуйста. Спасибо, поговорили, буду рад встретиться в Москве, приглашаю...

– Спасибо, друг мой, будет оказия, обязательно свидимся, – ответил Хайдар, а затем неожиданно предложил, – Саша, давай сфотографируемся на память, – Хайдар извлёк из «бардачка» фотоаппарат «Палароид». – Попросим кого-нибудь...

– Что ж, давай, – согласился Саша.

Фотограф нашёлся быстро и Саша с Хайдаром получили по фотокарточке у машины хозяина.

Ни Хайдар, ни Саша не знали тогда, что они обязательно через год – два встретятся при весьма трагических обстоятельствах, ибо пути Господни неисповедимы.

На следующий день Саша уехал из Махачкалы настолько расстроенный, что не дал своего адреса

Марку, не попросил его любой ценой найти Саният и рассказать ей, что он больше недели искал её, но так и не нашёл...

8

Да, Саният стала для Хайдара проблемой. Мало того, что он организовал за ней почти суточное наблюдение, лучше сказать, охоту, о чём Саният вначале не догадывалась, он постоянно «ограждал» её от двух молодых людей – старшекурсников, которые настойчиво добивались её внимания – стройная красавица невольно привлекала к себе юношей. Беседа проведённая поручителем Хайдара с одним из них дала положительный результат – ухажёр сообразил, что его ждут неприятности и сразу оставил Саният в покое. А вот что касается второго, то этот парень оказался не из робких. Он заявил человеку, преградившему ему дорогу, что ни о каком сватовстве Саният ему не говорила, что он влюбился в девушку, а потому намерен добиваться её взаимности. И за это заплатился. Как-то возвращаясь ночью домой, он был остановлен группой «бугаев» и избит так, что почти неделю провалялся в постели. Кроме того, был предупреждён ещё раз, если, мол, он не отстанет от Саният, то его ждёт смерть. И парень понял, что это не шутки – у сильного всегда бессильный виноват.

Ещё в тот период, когда Саният сдавала вступительные экзамены в институт, как-то утром на лестничной площадке Хайдар увидел почтальона – молодого парнишку – калеку с большой заплечной сумкой за спиной. Он держал в ущербной руке без двух пальцев письмо и искал нужную ему дверь.

– Кому письмо? – спросил он.

– Сапулаевой Саният, – ответил он бесхитростно.

– Давай, это нам, – сказал Хайдар и взял письмо.

Затем полез в карман, вытащил из него пачку сторублёвок, извлёк из неё одну и протянул почтальону.

– На, это тебе, – сказал Хайдар, улыбаясь. – В будущем все письма на имя моей сестры будешь отдавать мне...

Парнишка, разинув рот, посмотрел на щедрого молодого человека, потом согласно кивнул головой. Сказав это, Хайдар полез в нагрудный кармашек пиджака, вытащил визитку и добавил:

– Вот, это мой телефон, как будет письмо, мне позвони и я тебя найду, опять же получишь сотенную. Визитку мою никому не показывай, понял?

– Да, спасибо, я так и сделаю, – ответил почтальон и быстро спустился с лестницы. Такая удача ему ещё не выпадала.

Таким образом, письма для Саният получал Хайдар и, конечно, все они были от Саши. Он с удивлением писал, почему Саният не отвечает на его письма, неужели она так быстро забыла его, выражал опасение, что некоторые из его писем возможно до неё не доходят, что в дальнейшем он будет писать ей и на главпочтамт, до востребования. Эта мысль вынудила Хайдара сходить на главпочтамт и опять же за щедрые вознаграждения уговорить работницу все письма и телеграммы на имя Сапулаевой Саният отдавать ему, а не адресату. Та, увидев кругленькую сумму, с радостью согласилась.

Так у Хайдара накопилась пачка сашиных писем.

Примерно в это же время Хайдару, через мать Саният, стало известно, что дочь сильно обиженная на родителей, покинула их и новое её местонахождение неизвестно. Подручные «сыщики» Хайдара через день доложили ему, что живёт она у тёти, сестры отца, и дали ему адрес.

Однако докладывать соседке о найденной дочери Хайдар не торопился. Вначале он решил провести несколько экспериментов с целью расположить Саният к

себе ещё больше, чем раньше. Для этого он изучил её маршрут из дома до института и установил, что Саният утром, выйдя из дома, спешит к автобусной остановке «Аптека», куда автобус подъезжает строго по расписанию и таким образом она приезжает к зданию мединститута за десять минут до начала занятий. И этого времени ей всегда хватает, чтобы зайти в аудиторию и устроиться за минуту-две до начала. Хитроумная голова Хайдара подсказала ему, что если эту цепь оборвать, то Саният окажется в трудном положении: либо опоздать на занятия, либо должна будет взять такси, на что у неё нет средств. И Хайдар нашёл выход: до остановки «Аптека» он в считанные секунды подошёл к водителю автобуса, протянул ему крупную купюру и попросил следующую остановку проехать без остановки. Водитель согласился. А сам поехал следом. Каково было возмущение Саният, когда автобус, который всегда останавливался здесь, вдруг проехал мимо неё, оставив девушку крайне расстроенной. Саният даже побежала за автобусом, но того и след простыл. И в этот момент как из под земли к ней подъехала шикарная машина Хайдара.

– О, Саният, что стоишь расстроенная? – улыбаясь, спросил Хайдар. – Садись, дорогая, я подвезу куда надо...

– Ой, Хайдар, ты как всегда вовремя, – воскликнула Саният и плюхнулась на переднее сидение. – До института подвези, пожалуйста...

– Как я могу это не сделать?! – притворно воскликнул Хайдар. – Я всегда к твоим услугам, Саният. Кстати, почему ты едешь в институт отсюда, а не из дому?

– Я... некоторое время живу здесь... недалеко.., – нехотя созналась девушка, – только ты об этом ни слова родителям, ладно?

– Могила! – торжественно пообещал Хайдар. – На всякий случай вот тебе моя визитка, позвони, если я понадобится, – он протянул ей визитку, которую Саният нехотя взяла и положила в карман.

Накануне Нового года Хайдару стало известно, что из Махачкалы за счёт вузов республики намечено на зимние каникулы отправить на 10 дней на специально для этой цели зарезервированном самолёте 140 лучших студентов и сопровождающих в самые красивые города Севера России: Мурманск, Архангельск, Петрозаводск, Вологду, Великий Устюг и Онегу, а также по окрестностям Петрозаводска, привлекающих внимание многочисленных туристов из всей страны и из-за рубежа. От причалов его пристани суда на подводных крыльях за полчаса доставляют туристов на знаменитый остров Кижа, «остров грищ». Здесь на небольшом островке исторически сложился заповедник деревянного русского зодчества. Путешествие в зимнее время года ожидалось превратиться в увлекательное и крайне полезное времяпрепровождение. Почти все высшие учебные заведения изыскивали средства для поощрения путёвками своих студентов, кроме мединститута. Этим и воспользовался Хайдар, предварительно договорившись с председателем профкома этого института, что он купит путёвку и передаст её в профком, чтобы тот, в свою очередь, пригласил Саният и за успешное окончание первого семестра наградил её этой путёвкой. В профкоме, где работал знакомый Хайдара, с этим согласился и, как показали последовавшие события, так и поступил. Саният поехала в это путешествие и вернулась с незабываемыми впечатлениями.

На четвёртый день, когда Саният в составе одной из групп собралась поехать в Кижа, случилось самое невероятное. Мороз усилился настолько, что девушка

не решалась отправиться в путешествие в шерстяном пальто и с пуховым платком на голове. Она была в нерешительности, когда открылась дверь её номера и в комнату вошёл... Хайдар. Он был в модной и тёплой дублёнке и шапке. Саняйт не верила своим глазам, она растерялась и не могла выговорить ни слова.

– Здравствуй, Саняйт! – нашёлся Хайдар и улыбнулся, – два часа назад я приехал в командировку в Петрозаводск за лесом и вдруг узнаю, что здесь путешествуют студенты из Дагестана и ты среди них. На улице мороз лютует, а в твоём пальто долго на холоде не прстоишь... Вот я подумал и купил здесь..., – он развернул пакет и извлёк из него красивую, надо полагать, не дешёвую, очень тёплую дублёнку и изящную меховую шапку..., прошу тебя одень их, примерь...

Не сказал Хайдар лишь о том, что накануне он встретился в Махачкале с Сашей и сказал ему, что Саняйт с «женихом» уехала на каникулы на север страны. Что, как всегда, соврал ей и о своей мнимой командировке.

– Хайдар, ты с ума сошёл..., – всё ещё не веря своим глазам, говорила Саняйт, – это же..., это же огромных денег стоит..., я не могу их взять...

– Ну вот, ты как всегда делаешь из мухи слона, – стал убеждать её Хайдар, – ты знаешь, что я бизнесмен, здесь на контракте с лесом я заработал кучу денег, так скажи мне, пожалуйста, могу я, в таком случае, сделать самой красивой девушке из нашего дома небольшой подарок? – он опять улыбнулся. – Думаю, да. Тем более, я не имею права отпускать тебя в лёгком пальто на улицу, если учесть, что и сам хочу поехать с вами в Кизи и посмотреть это загляденье.

– На всё у тебя есть ответ, прямо не знаю, что делать, – задумалась Саняйт, поглядывая на Хайдара и его подарки. – Что я дома скажу. Откуда взяла всё это?!

– В связи с неожиданным похолоданием институт закупил вам в рассрочку, за счёт части стипендии, – подсказал Хайдар. – Ну, не тяни, дорогая, а то там люди ждут, одевайся, – и он помог Саният одеть дублёнку и шапку. Всё подошло, словно было сшито по ней. Саният, взглянув на себя в зеркало, ещё раз убедилась, что Хайдар – кудесник, всегда оказывается рядом, когда перед ней встаёт какая-либо трудность.

– Спасибо тебе, ты меня просто в краску вводишь, – сказала она и зарделась. День они провели вместе. Осмотрели достопримечательности Кижей, сходили в ресторан, где им подали изысканные блюда из рыб и крабов, потом он проводил её до гостиницы, где она остановилась, попрощался с ней и как сказочный принц исчез в морозном дыму. Хайдар умел делать подобные жесты.

А Саният была, что называется, в растерянности. Этот парень входил в её жизнь как вихрь, как тайфун и не оставлял ей никакого выбора. И всегда вовремя, всегда, когда она в чём-либо нуждается. Как волшебник. Сделает своё дело и исчезает, словно он для этого и предназначен – тихо, без лишних слов, без грубых ухаживаний, как близкий, родной человек...

«Вот и хорошо, – думал тем временем Хайдар, – вижу, что привыкает, уже не та дикарка, что была раньше. Не далёк час, когда сама позовёт... Теперь надо на некоторое время с её пути уйти, надо, чтобы она сама о нём вспомнила и позвала... Теперь можно дать твой адрес матери, время пришло...». Хайдар снова усмехнулся своей «милой» улыбкой, от которой, если в такие моменты посмотреть в его глаза, человека пробирал озноб.

«Где же ты, Саша? – в который раз задавала себе вопрос Саният. – Почему молчишь, почему не най-

дёшь меня, как это сделал Хайдар? Неужели забыл? А я не знаю, как тебя найти...»

«Не знаешь ты, милая, что три дня назад я, кажется, навсегда отвалил от тебя Сашу – твоего дружка, – злорадно думал Хайдар, – теперь он ни писать не будет, ни искать тебя... Ты же, убедившись, что он тебя забыл, сама его забудешь. К этому всё и идёт...»

«Если бы ты хотел, – продолжала возмущаться Саният по поводу Саши, – ты должен был меня найти.., значит забыл... а я, дуручка, всё ещё продолжаю ждать...»

Через несколько дней после возвращения Саният с зимних каникул, Хайдар сообщил её матери о местожительстве дочери. Надо ли удивляться, что известие это привело её в бешенство и она бросилась, как коршун на жертву навстречу с золовкой.

– Сакинат! – вскрикнула она, встретив её утром у места её работы. – Где моя дочь, по какому праву ты её прячешь?

Та изменилась в лице, потеряла было дар речи, но потом, придя в себя, ответила:

– Успокойся, Патимат...

– Как я могу быть спокойна, когда её почти полгода нет дома?! – снова закричала та, – тебе не понять материнского чувства!

И снова Сакинат не возмутилась, взяла себя в руки, хотя в отсутствии у неё детей, на что намекала невестка, её вины не было.

– Заткнись и слушай, иначе ни на один твой вопрос не отвечу! – твёрдо заявила Сакинат и собралась идти дальше.

Патимат, поняв, что подобным образом с золовкой не поговоришь, поостыла...

– Вот так-то лучше.., – спокойно сказала Сакинат, – Саният прибежала ко мне накануне вступи-

тельных экзаменов вся в слезах и попросила её приютить, взяв с меня слово, что я ни тебе, ни брату о ней не скажу. До поры, до времени я так и решила сделать, чтобы дать возможность девочке спокойно сдать экзамены и поступить... Но как тебе удалось узнать, что она у меня, ведь Саният так старалась не оставить за собой следы?

– Теперь я это знаю, но как уговорить её вернуться домой? – плача, спросила невестка.

– Приходи вечером и поговори, но о том, что мы встретились ни слова! – ответила Сакинат и пошла на работу.

Саният была крайне удивлена, увидев на пороге тётинной квартиры свою мать. Несколько секунд она с открытым ртом, смотрела на тётю Сакинат, которая в волнении перекладывала кастрюлю с супом с печки на кухонный столик, потом на мать, которая не могла скрыть на лице слёзы радости.

– Мама?! Как ты меня нашла? – воскликнула Саният и снова посмотрела на взявшую себя в руки вначале разволновавшуюся тётю Сакинат.

– Ой, доченька моя! – кинулась к ней мать, протянув руки, – Дочка, милая. – целовала она Саният, – что ты с нами сделала? Разве мы можем без тебя жить, не видеть тебя, чтобы мне ослепнуть! – причитала она, продолжая обнимать и целовать дочь. – Как я тебя нашла?.. В начале думала, что наказала нас и вернёшься.., потом бросились тебя искать: и в институт ходили, и у подруг, с которыми ты дружила... Мы с отцом в будние дни, когда ты в институте, как тебе известно, на работе, а в воскресенье тебя не найти.., в зимнюю сессию в институте сказали, что ты по путёвке профкома уехала на две недели на север..., сегодня я уже не пошла на работу, выследила тебя, доченька, ты прости нас, возвращайся домой...

– О чём ты говоришь, мама? Папа оскорбил меня, затоптал моё достоинство, как во времена религиозного мракобесия, затворил.., – Саният стала плакать.

– Нет, доченька, клянусь Аллахом он тебя не закрывал, поверь мне.., – уверяла её мать.

Саният знала, что если мать упоминает Аллаха, значит она говорит правду, поэтому была в недоумении и логично спросила:

– Кто же тогда закрыл мою дверь?

Мать ненадолго задумалась – не могла же она признаться, что сделала это сама, ибо тогда дочь возненавидит её ещё больше, чем отца. Поэтому придумала вероятный вариант:

– Может она закрылась от удара, когда отец хлопнул дверью и защёлка захлопнулась.., но я точно знаю, что он дверь на ключ не закрывал.

– А мне письма не приходили? – неожиданно спросила Саният, ход мыслей которой вернулся к Саше, ибо из-за закрытой двери она и не сумела провонять его полгода назад.

– Нет, доченька, клянусь Аллахом никаких тебе писем не было, кроме только приказа о твоём зачислении в институт, – убеждённо ответила мать, ничуть не кривя душой, ибо речь шла о письмах, а не о том, что Саша во время зимних каникул, в её поисках, дважды приходил к ним домой и был выдворен, как враг. – Прошу тебя, родная, любимая, единственная, свет очей наших, пойдём домой, не мучай нас.., – и мать снова заплакала.

Саният любила мать и потому не могла видеть её такую убитую горем, в слезах и малость исхудавшую. Ей стало жалко её и она вопросительно взглянула на тётю Сакинат. Та молчаливо и согласно кивнула, мол, уважь мать и возвращайся домой.

Вещи собрали быстро, вызвали такси и Саният вместе со счастливой матерью вернулась домой.

Саният была рада возвращению под родительский кров. Она вдвойне радовалась и тому, что лица горячо любимой матери и всегда сдержанного отца засияли вдруг счастливой улыбкой и они этого ни от кого не скрывали. Она вспомнила как в первый же день мать суежилась у печки, чтобы испечь ей любимые блинчики, а отец принёс в её маленькую комнатку и положил ей на стол несколько интересных книг докторов медицинских наук – И. Шамова и Р.П. Аскерханова, изданных в Дагестанском книжном издательстве, где он работал последние десять лет. Видя заботу и внимание отца, Саният никак не могла взять в толк, как отец в тот злополучный вечер, когда уговаривал её отказаться от самой мысли о «дружбе» с одноклассником, Сашей Огниным, рассердившись, закрыл дверь её комнаты, а теперь уверяет, что он этого не делал.

– Я – отец твой и волен поступать со своей дочерью так, как считаю нужным, но я действительно не запираю тебя, потому что ни тогда, ни сейчас не вижу для этого причины.

– А как же, папа, я в течение более двух часов не могла открыть дверь? – стараясь верить отцу, спросила Саният. – Если бы не мама, я бы вообще...не знаю...

У Магомед было подозрение, что это могла сделать жена, тем более что она категорически была против всякой дружбы дочери с кем-либо, кроме молодого соседа, Хайдара, которого постоянно возносила до небес и «пела» о нём дифирамбы. Однако Магомед через пожилую работницу издательства, соседки Хайдара по его новому дому, узнавал всё новые и новые сведения, говорившие, что Хайдар никак не может составить партию его единственной и горячо любимой дочери, что он с головы до пят в крови и грязи, что за внешней красотой и благородством это-

го молодого человека скрывается зверь, способный исковеркать не только жизнь любого человека, но со временем и свою, что конец его будет трагичным.

Поэтому Магомед не только не одобрял желание жены как можно скорее дать согласие на сватовство дочери с Хайдаром, а потом и на свадьбу, наоборот, сделать всё, чтобы этому помешать. Вот почему он решил немедленно поговорить с женой и рассказать обо всём, что узнал о Хайдаре, предупредив её, что всякие разговоры с кем-либо об этом чреватy им крупными неприятностями. Именно поэтому, зная характер жены, он до сего дня ей ничего не говорил, но теперь, когда медлить было нельзя, когда жена ему все уши прожужжала, а теперь будет надоедать и дочери, он попросил её пройти в спальную комнату для разговора.

– Скажи мне, пожалуйста, был ли случай, что я сказал тебе неправду? – напрямик спросил жену Магомед.

– Нет, дорогой, такого случая не было, – ответила она удивлённо. – но что случилось..?

– Подожди, не торопись задавать вопросы, – перебил её Магомед. – Сейчас я тебе расскажу такое, о чём никому, слышишь жена, никому говорить нельзя, если не хочешь, чтобы на нашу голову свалилось несчастье...

– Что ты такое говоришь, Магомед? – испуганно произнесла жена. – Что всё-таки случилось?

– Речь идёт о Хайдаре..., – начал Магомед и когда жена удивлённо взглянула на него согласно кивнув, добавил, – да, о нашем молодом соседе...

И в течение почти получаса Магомед рассказал жене обо всех злодеяниях Хайдара, о доме, в котором он проводит большую часть времени, о гостях этого дома: таких же вышибалах, как сам хозяин; распут-

ных женщинах, душераздирающие крики которых по ночам не дают соседям спать; о машинах, которыми возят трупы, а потом неизвестно где их прячут, о двух известных в республике нашумевших убийствах молодых и богатых бизнесменов, ради которых лично Хайдар пошёл на преступление. Правда, до поры, до времени эти злодеяния не раскрыты.

Удивлению жены не было предела, она то охала, то ахала, хваталась за голову, а иногда, когда информация о Хайдаре казалась ей слишком чудовищной, она, вскинув голову, спрашивала:

– Неужели? Это же так невероятно!...

Однако вера в мужа и всему тому, о чём он говорил, была настолько велика и непоколебима, что она опустив голову хватала её двумя руками.

В эту ночь Магомед и жена пришли к единому мнению: никак не показывать соседям того, о чём знали они о Хайдаре, ничего не говорить дочери ни о Хайдаре, ни о сватовстве, если случайно возникнет разговор. Если же Саният выскажет отрицательное отношение к сватовству, поддержать её. Сделать так, чтобы дочь поняла, что и они, родители, не одобряют это сватовство. Как можно реже встречаться с соседями и находить причины для того, чтобы прерывать разговоры о Саният и Хайдаре.

Эту перемену в родителях Саният почувствовала сразу и была этому очень рада, хотя всё последнее время Хайдар не оставлял её без «внимания». Кроме того, у неё ни из головы, ни из сердца не уходил Саша, хотя она считала его виноватым в том, что он не делает никаких попыток каким-либо образом установить с ней нарушенную связь.

Не торопил события и Хайдар, он считал, что надо дать Саният возможность закончить институт, а потом уже сыграть свадьбу. Тем более что он свои

мужские потребности удовлетворял когда хотел и с кем хотел. Саняты же нужна как жена, в будущем, так сказать, для души, считал он, а те женщины – для тела. Вот почему его подручные следили за каждым её шагом, заблаговременно убирая с её пути всех, кто проявлял к ней хоть какой-то интерес.

Перемену эту почувствовали и родители Хайдара. На настойчивые приглашения Омара, отца Хайдара, Магомед нашёл всё же повод отказаться, сославшись на то, что торопится на деловую встречу. Потом не стали ходить и на дни рождения. Дальше – больше, родители Хайдара, обидевшись на этот холод, возникший в их отношениях, сами перестали не только посещать соседей, но и приглашать их. Однако Хайдар делал вид, что ничего этого не замечал, хотя и отец, и мать спрашивали его, не сделал ли он или не сказал ли что-либо такое, отчего те отвернули носы. В некоторой степени Хайдара это даже устраивало, ибо накопилось столько дел, что ему было не до Саняты и мышинной возни её родителей.

10

Торговая фирма запасных частей к автомашинам «Nissan», «Toyota» и «Mitsubishi» японского предпринимателя в Москве Рокуро Танака в последние несколько лет процветала. Расположенная недалеко от высотного здания на площади Восстания, на Садовом кольце, на, так называемом, «бойком месте», она удовлетворяла потребности многочисленных собственников японских автомашин, которых не только в столице, но и по всей стране с годами становилось всё больше и больше. Пропорционально росли и доходы господина Танака не раз и не два оказывающего благотворительную помощь школе-интернату для детей-сирот. Правда, были такие запасные части, ко-

торые японскими автостроителями в нужном объёме в Россию не поставлялись независимо от того, что спрос на них не переставал расти. Господин Танака много раз обращался к отечественным автокомпаниям с просьбой продать ему эти запчасти для удовлетворения заявок российских граждан, однако те по неизвестным ему причинам отказывались: то ли за отсутствием достаточного количества металла для их изготовления, что было маловероятно, то ли по каким-либо другим стратегическим планам, о которых те предпочитали молчать. Однако двое из трёх автомобильных компаний, как исключение, дали господину Танака чертежи на некоторые недостающие запчасти и право самому заказывать их изготовителю. Чем он и воспользовался.

Однажды побывав на выставке станков и автоматов, изготовленных российскими заводами, господин Танака познакомился с главным инженером Дагестанского завода, первоклассные станки и авиационные моторы которого привлекли внимание многочисленных посетителей. Будучи высокообразованным человеком, великолепно владеющим русским языком, господин Танака в дружественной беседе с главным инженером, господином Давлетовым, спросил его, мог бы завод на взаимовыгодных условиях изготовить большую партию запчастей по представленным им чертежам. Давлетова предложение господина Танака заинтересовало и для того, чтобы дать ему соответствующий ответ, он по телефону связался с директором завода и тот также нашёл предложение интересным. Давлетов пригласил господина Танака приехать на несколько дней с чертежами в Махачкалу, поскольку завод функционировал в 5–6 км от столицы республики, в городке – спутнике. Рокуро Танака приехал, заключил с заводом договор-заказ на

изготовление необходимого количества запчастей для автомобилей тех марок, которыми он торгует, на общую сумму несколько миллионов рублей. Открыл в Махачкалинском банке «Горизонт» расчётный счёт, познакомился с его председателем, в беседе с которым решили некоторые процессуальные вопросы. Была достигнута договорённость, что Банк по требованию Торговой фирмы будет оплачивать счета завода, для чего фирма будет перечислять на свой расчётный счёт значительные денежные средства. В течение двух лет всё шло хорошо: завод добросовестно выполнял свои обязательства, в свою очередь, и господин Танака своевременно перечислял на его расчётный счёт причитающиеся суммы, отчего финансовое положение предприятия от этой договоренности значительно укрепилось.

В 1986 году господин Танака переехал жить неподалёку от офиса своей фирмы, на Садово-Кудринскую. И однажды на лестничной площадке встретился с соседом, который на манер истинного японца поздоровался и представился Огненным Борисом Ефимовичем. Господин Танака был немало удивлён, сам с удовольствием представился и спросил:

– Вы тот самый господин Огнин, который написал замечательные книги о моей стране?

– Да, господин Танака, имею честь им быть...

– Очень приятно! – воскликнул обычно сдержанный японец. – Тем более приятно, что мы с вами, уважаемый Борис Ефимович, как я понимаю, соседи.

– Буду рад вас, господин Рокуро, видеть у себя, загляните вечером на чай...

– Спасибо, непременно воспользуюсь...

Так господин Танака приобрёл в лице Бориса Ефимовича не только соседа, но и прекрасного собеседника. В скором времени молодой, 32-летний Ро-

куро стал частым гостем семьи Огниных, в свою очередь, сам приглашал новых друзей к себе.

Надо ли говорить, что для специалиста такого класса как Огнин, тонкого знатока японской культуры, встречи и беседы в дружеской обстановке с Танака, великолепным знатоком истории своей страны, особенностей культуры отдельных этнографических групп, их диалектов и говоров, имеющих значительные фонетические и лексические различия от общеяпонского языка, были настолько интересны, что Борис Ефимович, при всей своей деликатности, не мог отказать себе в удовольствии встречаться с соседом всё чаще и чаще. И как показали последовавшие события, за это поплатился.

Но это потом. Что же касается настоящего времени, то в адрес торговой фирмы от покупателей из разных городов страны стали поступать рекламации на качество изготавливаемых заводом запчастей. На тревожные телефонные сигналы господина Танака завод почему-то не реагировал и тогда бизнесмен в письменной форме уведомил завод, что в случае поступления бракованных изделий и в дальнейшем будет вынужден, в соответствии с пунктом договора, применить к нему штрафные санкции в судебном порядке и аннулировать договор. Кроме того, в надежде на то, что завод всё же, как и прежде, будет поставлять качественные изделия, господин Танака сосредоточил на своём расчётном счёте в банке «Горизонт» свыше 10 миллионов рублей и теперь, когда его надежды не оправдались, предупредил банк, что в скором времени он отзовёт свои денежные средства обратно в Москву. Это обстоятельство крайне встревожило руководство банка «Горизонт» и на это у него были веские основания. Дело в том, что в последнее время банк за счёт накопившихся денежных

средств клиентов, не считаясь со своими обязательствами перед ними, стал кредитовать различные строительные организации и таким образом несвоевременно выполнять платёжные требования клиентов. И потому в настоящее время сложилось положение, что потребуей господин Танака забрать свои деньги обратно, банк оказался бы неплатежеспособным. Поэтому Хайдар, как известно, будучи председателем этого банка, собрал на экстренное совещание своих заместителей и в течение двух часов искали из создавшегося положения выход. И, кажется, нашли...

11

За два месяца до окончания училища Саша и Ефим Огнины, в воскресенье – в день увольнения, приехали к родителям поздравить Ларису Марковну с днём рождения. К этому времени Саша более или менее успокоился по поводу «измены» Саняйт, но нет-нет да вспоминались ему нежный взгляд и милые черты. Хотя и пришло понимание, что родители заставили дочь «выбросить из головы» школьного друга, всё же до сих пор в душе теплилась надежда, что не могла такая девушка, как Саняйт, навсегда его забыть, и, если дочерний долг всё же вынудил её выйти замуж за другого, в сердце своём она не могла не хранить память о нём. Недаром говорят, что надежда умирает последней.

В этот приезд они застали дома лишь нового друга семьи, соседа по лестничной площадке – японского бизнесмена Рокуро Танака, поскольку ни Борис Ефимович, ни особенно Лариса Марковна шумные застолья не любили. Импозантный, весьма неплохо говоривший по-русски, японец произвёл на молодых Огниных приятное впечатление и они от души пустились с ним в беседу о чайной церемонии в Японии.

– В Дагестане, где мы жили до переезда сюда, особенно в его южной части – ближе к границе Азербайджана, – рассказывал Ефим, когда к столу после обеда подали чай, – приготовлению чая придают большое значение. Там бытует поговорка, если, мол, хочешь, чтобы чай получился ароматный и приятный на вкус, не жалея заварки. Но в Японии говорят, что чайная церемония – целая школа, не так ли?

– О, да, – ответил Рокуро-сан, – если у вас гости и они вовлечены в эту церемонию, то они держат чашки и пьют чай особым способом. Смысл церемонии не столько в том, чтобы, сидя на полу, пить чай из красивой чашки. Чаепитие больше походит на танец или медитацию, осуществляемых на коленях. Сам чай готовят следующим образом: чайные листья растирают в пудру и заливают кипятком, при этом образуется пеннистая зеленоватая жидкость, называемая матча. Она горьковатая на вкус и нужно время, чтобы к нему привыкнуть.

– Отец рассказывал нам о Японии с таким упоением, что нам самим хочется поехать к вам.., но когда это можно будет сделать... – мечтательно произнёс Ефим.

Борис Ефимович при этих словах сына улыбнулся.

– Я обещал Борису-сан организовать вам поездку.., – пообещал Рокуро-сан.

– Дай-то бог! – произнесла Лариса Марковна и при этом обняла обеих сыновей, сидевших за столом.

Никто из них не знал, не ведал, что через короткое время в их жизни произойдут события, которые печалью покроют лица близких им людей, оставят неизгладимый след в их перестрадавших сердцах.

По настроению Ефима можно было судить, что жизнь его радует и удача сопутствует ему, как добрая сказочная птица. На третьем курсе он познакомился с выпускницей медицинского училища, милой хохо-

тушкой Оленькой Саблиной и они влюбились друг в друга сразу и на всю жизнь. Свои отношения они от Саши не прятали, но зарегистрироваться решили после того, как получат направление на службу, а она, Оленька, придет к нему. По виду обоих можно было судить, что они счастливы.

Хотя училище располагалось в Москве, всё же ни мать, ни отец Ефима, с головой занятые работой, ничего о личной жизни сына не знали. Что же касается родителей Оленьки, потомственных рабочих завода «Кибернетик» Екатерины Ивановны и Сергея Степановича Саблина, живших недалеко от училища, то они были рады за дочь, когда два Ефим по её просьбе приходил и познакомился с ними. Красивый, бравый курсант пришёлся им по душе и они были в курсе маленьких секретов своих детей, причисляя к ним и Ефима.

* * *

Как раз в это время старшекурсники Дагестанского сельхозинститута пригласили на «вечер дружбы» студенток 4–6 курсов мединститута, в числе которых была приглашена и Саният. Вечер шёл к концу, когда неожиданно для обоих Марк Фараджев встретил свою одноклассницу Саният Сапулаеву.

– Саният!?! Ты куда пропала? – воскликнул он, поздоровавшись с девушкой. Он взял её за локоть и отвёл от танцующих к пустым стульям.

– Да, ни куда я не исчезала, – улыбаясь, отвечала Саният. – Значит ты в сельхозе?

– Как видишь, – отвечал Марк, – а знаешь ли ты, что три года назад, после первой сессии приезжал Саша – наш общий друг и искал тебя?

– Саша!?!

– Да, Саша Огнин, он уехал очень огорчённый, аж почернел в лице, кто-то сказал ему, что тебя за-сватали и, мол, скоро свадьба... Это правда?

– Какое сватовство? Какая свадьба? – возмутилась Саният. – Кто мог сказать ему этот бред?! Он не сказал?

– Что ты говоришь! Я же тебе толкую, что накануне он дважды ходил к вам домой и что ты думаешь? Сперва твоя мать, потом твой отец в буквальном смысле прогнали его, не пустив даже на порог, да ещё пригрозили расправой. А потом он повстречал кого-то, кто знает и тебя и его и почему-то тот соврал ему о твоём сватовстве...

Саният в отчаянии прослезилась, она начинала догадываться, что это мог сделать только Хайдар. От возмущения сжала маленькие кулачки...

– Он писал тебе первые полгода, можно сказать, каждую неделю, но ни разу не получил ответ..., – вспомнив о чём-то, добавил Марк, – два или три раза на главпочтамт, до востребования...

– Поверь мне, Марк, я ни одного его письма не получила, – вытирая слёзы, говорила Саният, – не знаю, что и думать... А я считала, что Саша обиделся за то, что я не пришла провожать, и, уехав, забыл.. Он адрес свой не оставил? – вдруг спохватилась Саният.

– В том-то и дело, что за день до этого хабара, он мне обещал дать и домашний адрес родителей, и свой адрес в училище и просил, если я тебя встречу рассказать о себе, а тут, вдруг, махнул на всё рукой и говорит, что больше я сюда не приеду и писать не буду..., вообще обозлился на всё и на всех и в тот же вечер купил билет и уехал... и со мной не попрощался...

Анализируя и сопоставляя все события последних трёх лет, Саният пришла к выводу, что Хайдар – этот злой демон, убирал со своего пути не только тех, кто учился с ней в одном институте, кто мало-мальски воспринимался им конкурентом себе, но даже Сашу, который, видно, доверился ему, спросив о

ней. Слово, сказанное им о Саният задело Сашу больше кинжала, ибо сабельная рана заживает, а рану от слова залечить невозможно. Именно Хайдар – этот хитрый лис, подумала Саният, делал всё, чтобы до неё не доходили письма Саши. Теперь она поняла и другое, что родители, конечно, приложили руку к тому, чтобы помешать её дружбе с Сашей, но ныне они же делают всё, чтобы отвести её от Хайдара, видно, узнали о нём что-то настолько ужасное, что отгородились и от его родителей.

12

Летом 1986 г. Саша и Ефим Огнины окончили военное училище и за несколько дней до отправки к месту назначения, приехали к родителям попрощаться. Ладные, атлетически сложенные сыновья радовали Бориса Ефимовича и Ларису Марковну, которые за эти несколько лет внутренне были готовы к тому, что воинская служба теперь разлучит их на долгое время. И потому каждый их приезд превращался в праздник, тем более, что на этот раз сюрприз преподнёс Ефим – он сообщил родителям, что к вечеру приедут его жена – Оленька Саблина (с прошлой недели уже Огнина) и её родители и что эта встреча – не столько встреча перед расставанием, а своего рода маленькая свадьба в семейном кругу. Услышав эту новость Лариса Марковна и Борис Ефимович от удивления всплеснули руками, счастливо улыбнулись и кинулись на рынок. Даже сосед, господин Танака, и тот не остался равнодушным к этому радостному известию и обещал непременно вечером быть на семейном торжестве. Что же касается близнецов, они решили воспользоваться образовавшимся свободным временем и собрать в дорогу самое необходимое, в надежде на то, что при необходимости, родители дошлют остальное по новому ад-

ресу. Саша в это время не только собирался в дальнюю дорогу, но всё ещё думал над превратностями своей судьбы. Оборвав разом все связи с Дагестаном, он лишил себя возможности хотя бы что-нибудь узнать о Саният, которую он продолжал любить независимо от того, что узнал о ней. Эта боль продолжала жить в нём, как старая, неизлечимая болезнь. В минуты тягостных раздумий он вспоминал взгляд её нежных глаз, горькую сладость её губ, руки-крылья обнимавшие его на рассвете. При всей «очевидности» (после слов Хайдара, что Саният уже отдана другому), не мирилась его душа с этим «свершившимся фактом». Святая наивность! Не знал он тогда, что нельзя всё принимать на веру, что его обманули намеренно, а он не удосужился убедиться в том, о чём ему сказали, даже если это сказал «друг», что Саният все эти четыре года ждала и верила ему, что не только он, но и она была обманута лживым и жестоким соседом, что он, в конце концов, поторопился с выводом, а, как известно, «торопливая речка до моря не добежит». Не знал Саша всего этого, ибо жизнь была его впервые. Не знал Саша и того, что встретиться с Саният ему будет суждено судьбой, что произойдёт это вопреки желанию и нежеланию героев этого повествования, когда Богу будет угодно в назначенный день и час поручить ему и его новому другу – брату совершить возмездие. Ибо зло возвратимо.

Ефим же был счастлив. Они договорились с Оленькой, что расстанутся ненадолго, мол, как только они определятся на новом месте, он сразу же вызовет её туда, что работа какая-никакая ей там найдётся, что их будущего ребёнка она родит на пограничной заставе. А пока он решил познакомить Оленьку с отцом и матерью и, как говорится, породнить её и своих роди-

телей. В отличие от своего деда – потомственного дворянина Ефима Александровича Огнина, Ефим младший с людьми легко сходился и также безболезненно, шутя, отдалялся. И если старший Ефим к женщинам питал недоверие и даже на всю жизнь разочаровался в них, то младший полюбил Оленьку сразу и навсегда, можно сказать, души в ней не чаял.

Лариса Марковна и Борис Ефимович с помощью сыновей накрыли праздничный стол быстро, но со вкусом. Рокуро Танака принёс огромный букет роз и чудесное шёлковое кимоно – подарок для невестки. И в тот момент, когда невестка в сопровождении родителей вошла в квартиру, японец торжественно вручил счастливой Оленьке свои подношения. Раньше всех нашёлся Ефим. Следуя за идущими впереди женой и её родителями, он подвёл их сперва к матери и представил:

– Оленька, моя мама, Лариса Марковна...

– Ой, мамочка, я очень рада, давно хотела с вами познакомиться..., – улыбаясь, приблизилась Оля к Ларисе Марковне.

– Здравствуй, доченька, – обнимая и целуя Оленьку, говорила Лариса Марковна, – это всё Ефим до сего дня всё держал в тайне и не познакомил нас с таким чудом!..

– А это мой отец, Борис Ефимович, – тем временем продолжал Ефим, подводя Олю к отцу.

– Здравствуйте, Оленька, весьма рад выбору своего сына. В отличие от деда, имя которого он носит, – улыбаясь говорил Борис Ефимович, – он не стал откладывать женитьбу в долгий ящик и преуспел, преуспел он и в звёздочках на пагонах: у Ефима младшего две звёздочки, а у деда – одна, правда, генеральская, но, как говорится, не боги горшки обжигали...

Все заулыбались и стали говорить о достоинствах молодых лейтенантов. Потом Лариса Марковна и Борис Ефимович сердечно, тепло познакомились с родителями Оленьки: Сергеем Степановичем и Екатериной Ивановной и пригласили всех за стол.

Всех превзошёл Рокуро Танака, сосед, который, в отличие от своего обычного состояния – молчаливого и скупого на похвалы человека, на этот раз сыпал остротами, как из рога изобилия, говорил комплименты в адрес очаровательной Оленьки, хвалил Ефима, нашедшего такую милую спутницу жизни, поднял тост за Сергея Степановича и Екатерину Ивановну и шуточно попросил их, при наличии ещё одной дочерикрасавицы непременно взять на учёт женихов его самого, ибо после того как он увидел Оленьку, решил, как и дед в своё время, жениться только на русской девушке и ни на какой другой. Этот тост вызвал такое веселье, что Сергей Степанович, в свою очередь, поднял тост за замечательного японца и произнёс:

– Уважаемый господин Танака! Мы тут с Екатериной Ивановной посоветовались и решили, что если вы подождёте с женитьбой ещё этак лет двадцать, то мы уже с сегодняшнего дня заложим основы будущей невесты...

Шутка эта вызвала бурный восторг всех присутствующих и в адрес родителей Оленьки посыпались поздравления и весёлые пожелания успехов.

За чаепитием Ефим выдал родителям ещё одну тайну, что, получив после окончания училища отпуск, они провели его с Оленькой на Байкале, где получили огромное удовольствие, но, самое главное, сами ловили и вдоволь наелись великолепного омуля. А Саша, поскольку предписание о месте службы они получили накануне отпуска, решился на отчаянный шаг, поехал на это время в Московский погранотряд близ Душан-

бе, к своему старшему другу Алексею Ужову, окончившему училище ещё два года назад, где провёл более двадцати ознакомительно-увлекательных дней. Здесь Саша принял участие в панихиде по случаю гибели лейтенанта-пограничника, погибшего при нелепых обстоятельствах. После похорон Алексей рассказал Саше, как этот лейтенант с группой афганских солдат был неожиданно встречен выскочившим из-за дувала мальчиком лет десяти-двенадцати с автоматом в руках и с криком:

– Проклятые, шурави! Уходите с нашей земли! – выпустил в них всю обойму и сам был сражён своим соплеменником.

Саша узнал здесь и о том, что с началом афганской войны за пакистано-иранские границы ушло более пяти миллионов беженцев. И теперь многие из них, вооружённые и обученные на той стороне, возвращаются на родину, чтобы отомстить тем, кто вынудил их уйти. Большинство из них, даже женщины и дети, предпочитают смерть всяческой оккупации, если даже она подслащена всевозможными подачками. Из разговора с товарищами он понял, что новая власть здесь поддержкой населения похвастаться не может, что при словах «народная революция» многие почему-то стыдливо опускают глаза. Однако, независимо от того, что на многие вопросы не могли получить ответа, наши солдаты и офицеры 40-ой армии, а также воины-пограничники, которым было приказано своих зелёных фуражек не носить, а быть похожими на военнослужащих «ограниченного континента», выполняли свой долг так, как это подобает советскому воину. Воевали геройски, гибли, не уронив чести.

О своих раздумьях Саша ни с кем не поделился, даже с братом, который всё это время, после возвращения из отпуска, был в состоянии эйфории. «Чего, в

самом деле, рассказывать, – думал он, – если через день самолёт унесёт их в Душанбе, откуда их должны были направить в погранотряд Средне-Азиатского пограничного округа?»

Удивил их опять же сосед, Рокуро-сан, заявив, что через день и сам собирается в путь-дорогу, в Дагестан, поскольку завод, который поставляет ему запчасти продолжает изготавливать их нарушая технологию, без вторичной закалки, в результате чего важные детали не выдерживают испытаний, фирма получает много рекламаций от граждан и несёт большие убытки. Господин Танака обратился к Борису Ефимовичу и к сыновьям, нет ли у них каких-либо поручений в связи с тем, что отбывает туда, где они раньше жили.

– Весьма благодарен Вам, Рокуро-сан, за желание быть нам полезным, – ответил Борис Ефимович, – однако дело, которое мы бы хотели Вам поручить связано с нашей квартирой, которую надо бы продать. Но, во-первых, для этого не хватит даже недели, а Вы, как мне известно, летите на пару дней, во-вторых, эти хлопоты весьма обременительны, и мы не станем Вас отягощать. Мы лучше поступим так, – Борис Ефимович протянул господину Танака ключ и листок бумаги, – вот Вам ключ от нашей квартиры и адрес, если у Вас появится возможность, побудьте в ней, посмотрите в каком она нынче состоянии, чтобы нам знать как быть в будущем...

– С удовольствием вашу просьбу исполню, – ответил господин Танака улыбнувшись. – Ну, а теперь, если позволите, я откланяюсь...

Он встал, ритуально, по-японски, попрощался и вышел.

В то время, когда мужчины беседовали друг с другом, под предлогом, что показывает невесте квар-

тиру, Лариса Марковна увела Оленьку в другую комнату и стала расспрашивать её о житье-бытье.

– Скажи-ка мне, доченька, не беременна ли ты? – ласково спросила она вдруг порозовевшую молодую женщину.

– Ой, мамочка, как вы узнали? – спросила Оленька, невольно рассматривая свой живот. – Как будто всё как было прежде...

– На то я – врач – гинеколог, – улыбаясь, ответила Лариса Марковна. – Я просто счастлива, моя красавица, и буду тебя просить приходить к нам как можно чаще, а если хочешь, вообще остаться у нас...

– Спасибо, мамочка, я подумаю.., – ответила Оленька, – а советоваться непременно буду...

– Вот и хорошо, – обняла Оленьку счастливая Лариса Марковна, и они вместе пошли к столу, – а Екатерина Ивановна знает..?

– Нет пока, – снова зарделась Оленька, – мы с Ефимом решили сказать родителям накануне моего отъезда к нему...

– Ефим любит играть в прятки, – улыбнулась Лариса Марковна, – но о таких вещах родителям знать надо, доченька, хотя бы маме сказать необходимо, думаю и она будет рада, что в скором времени станет бабушкой...

– Я ей завтра же скажу, – пообещала Оленька.

– А сегодня оставайтесь с Ефимом у нас, ведь завтра им улететь на службу? Места всем хватит...

– Да, мамочка, мы так и сделаем, спасибо...

– Да, что благодарить.., ты теперь родная наша, единственная, любимая невестушка, – снова обняв Оленьку, ласково проговорила Лариса Марковна, – ты у себя дома, поняла?

Оленька благодарно обняла Ларису Марковну.

– О чём шушукаетесь, мамочка, – улыбаясь, обратился к ним Ефим, – счастливому мужу знать можно?

– В своё время мы с Оленькой тебе обо всём расскажем, дорогой, – ответила Лариса Марковна, обнимая сына, – но одно мы тебе хотим сказать с Оленькой совершенно откровенно, что мы тебя очень любим и будем скучать без твоих постоянных тайн...

Все улыбнулись. Даже Саша до сей минуты беседовавший с отцом и родителями Оленьки повернулся в сторону матери и, указав на Ефима, произнёс:

– Не знаю, почему все считают меня старшим из братьев, тогда как Ефим всё успевает раньше: женился раньше меня, последний выпускной экзамен сдал на два часа раньше, чем все остальные в группе, даже мама наша первой в любви призналась не мне, а Ефиму. Что касается нашего начальника училища, как выяснилось недавно, хорошо знавший нашего дедушку, Ефима Александровича Огнина, и бывший у него в подчинении во время Великой Отечественной войны, при вручении диплома об окончании училища особо подчеркнул, что на смену замечательному человеку, генералу Ефиму Огнину, пришёл достойный его внук – лейтенант Ефим Огнин. А о том, что Ефим Огнин был Александровичем, т.е. о том, что я ношу имя нашего прадеда, ни слова. Так скажите мне, пожалуйста, как можно в данном случае не ревновать к «младшему» брату?

– Ты не прав, Саша! – воскликнул улыбающийся Ефим. – Твоя фотокарточка висит на доске почёта училища в ряду пяти выпускников, которые в разные годы окончили училище с Золотой медалью, а имя и фамилия твои вписаны в Книгу Почёта училища. Так что ты действительно старший. А вот то, что ты ревнуешь, мне действительно приятно...

Все снова улыбнулись, а Оленька и Лариса Марковна захлопали в ладоши.

– Ох, мальчики мои дорогие, как нам вас будет не хватать! – воскликнула Лариса Марковна, обнимая сыновей.

На этой весёлой и радостной ноте Сергей Степанович и Екатерина Ивановна поднялись со своих кресел, подошли к Борису Ефимовичу, Ларисе Марковне, а также к детям, обняли их и с огромной теплотой и взволнованностью Сергей Степанович произнёс:

– Дорогие наши родственники, наша жизнь обогатилась сегодня во много раз, мы приобрели сыновей, брата и сестру, мы стали сильнее и добрее, у нас теперь есть ещё один дом, где нам рады и где мы безмерно счастливы. Спасибо вам за сердечную теплоту. Мы с Екатериной Ивановной будем стараться быть достойными этого родства. Что касается Оленьки, мы с первых дней их совместной жизни и любви с Ефимом поняли, что мы приобрели сына и очень этому рады. Впереди короткая ночь, вам всем надо отдохнуть, ибо сыновья наши завтра улетают. Дорогие Саша и Ефим, желаем вам доброго пути и доброй службы! Ждём от вас радостных известий! Теперь, если вы позволите, мы поедem к себе. – Сергей Степанович и Екатерина Ивановна обняли Сашу и Ефима, поцеловали их и по русскому обычаю перекрестили. А затем, поскольку все другие вопросы были обговорены, Борис Ефимович, Лариса Марковна и дети вышли проводить их, посадили на такси и пожелали им счастливого пути.

На следующий день господин Танака предоставил в распоряжение Бориса Ефимовича микроавтобус, на котором он с Ларисой Марковной и Оленькой поехали провожать Сашу и Ефима в аэропорт, где они несколько погрустневшие, но с улыбкой на устах, с надеждой и верой в счастливое будущее сыновей проводили их на военную службу. Таков закон жизни – солдат должен служить своему Отечеству.

В тот же день, на этом же микроавтобусе Оленька, дав слово Ларисе Марковне, бывать у них почаще, уехала к родителям.

13

В назначенный срок улетел в Махачкалу со своим помощником и Рокуро Танака. В аэропорту их радушно встретил председатель банка «Горизонт» Хайдар Мурадов, которому мотивы внезапного прилета японского бизнесмена представляли чрезвычайный интерес, так как могли привести банк к катастрофическим последствиям. После первого знакомства Хайдар ещё шире раздался в плечах, отчего казался чуть ниже ростом, однако очаровательная улыбка на всё ещё красивом лице и ямочки на щеках могли обмануть самого недоверчивого и подозрительного. Казаться лучше, чем он есть на самом деле – была отличительной чертой этого коварного молодого человека.

Заранее зная о сроках пребывания господина Танака в Махачкале, Хайдар составил весьма насыщенную программу, чтобы гость мог сочетать приятное с полезным, чтобы по задуманному им плану визитёр почувствовал к любезному хозяину не только уважение, но и доверие. Дав себе такую установку, Хайдар не жалел для достижения поставленной цели ни средств, ни времени. И уже в первый день своего пребывания господин Танака был приятно удивлён не только вниманием и теплотой приёма, но и щедростью Хайдара в расходах.

Руководители завода: директор и главный инженер, раздосадованные приездом настырного партнёра по договору, приняли гостя сразу по прилёту радушно, во всяком случае, сделали вид, что рады, но были несколько раздражены, когда японец, как говорится, с места в карьер, сразу начал с неприятного, потребовал

ответа, мол, почему на его неоднократные письма и звонки о низком качестве отправляемых ими изделий молчат, но продолжают поставлять «дерьмо» (так прямо и сказал), которое лежит на его складах не только мёртвым грузом, но и приносит ему значительные убытки. Что назначенная им экспертиза показала несоблюдение заводом полного технологического цикла. Господин Танака недвусмысленно заявил, что если завод в срочном порядке не доведёт до кондиции изготавливаемые им запчасти, то он, Танака, вынужден будет отправить их обратно, передаст дело в суд, разорвёт контракт и потребует возмещения убытков. И повернувшись к Хайдару, передал ему письменное требование о немедленном прекращении финансирования завода. Он давал партнеру месяц срока.

Как раз в этот момент к господину Танака подошел его помощник, который на некоторое время исчез с поля зрения, и что-то шепнул ему на ухо.

– Вот, только что нам стало известно, что уже пол года как перестал работать ваш цех термической обработки, что и послужило причиной того, что мы стали получать от вас бракованные запчасти. Не напрасно покупатели возмущается... Что скажете, господин директор?

– В скором времени цех начнет работать, – ответил директор застигнутый врасплох.

– Но мы обрабатывали детали в другом цехе, – оправдывался главный инженер, – они прошли весь технологический комплекс...

– Значит недостаточный, если люди жалуются и запчасти ломаются на второй или третий день эксплуатации, – парировал господин Танака и твердо добавил, – Через месяц я жду от вас таких запчастей, которые мы получали в первое время нашего партнерства, иначе...

От приглашения директора отметить приезд японца отказался и сразу же откланялся. Однако за несколько минут до этого вручил директору завода ещё одно письменное предупреждение с соблюдением всех норм делопроизводства. Пообещав руководителям завода поговорить с ними завтра, Хайдар посадил своих гостей на машины и поехал с ними в великолепный коттедж на берегу Каспия, где их ожидали накрытые столы с всевозможными дагестанскими яствами и роскошные апартаменты. По предложению Хайдара японцы искупались в море, от чего получили подлинное удовольствие и в одних плавках и накинутых на плечи халатах уселись ужинать. Подавали блюда и ухаживали за уважаемыми гостями несколько красивых девушек, которые также были в великолепных бикини.

Хайдар встал с бокалом вина и произнёс тост:

– Дорогие гости! Если вы хотите стать ещё и другом, предлагаем вам совершить увлекательное путешествие в страну гор, моря и солнца, в страну легенд и преданий, в страну несметных богатств и бесчисленных сокровищ, в страну неожиданных контрастов – в мой Дагестан! А если вы ещё хотите узнать, как создаются знаменитые кубачинские ювелирные изделия, изумительные по красоте ковры Южного Дагестана, куда мы в следующие два дня направим своих железных коней, то давайте выпьем за мой Дагестан и его гостей!

Гости и девушки выпили. На соблазн Хайдара выбрать любую из девушек для ночного удовольствия, Рокуро Танака без всяких объяснений вежливо отказался. Потом пили чай, приготовленный лучшими дагестанскими чайханщиками приглашёнными сюда вместе с шашлычниками на всё время пребывания гостей. Уехал Хайдар уже в полночь, пообещав «дорогим» японцам отвезти их завтра утром в город-музей древний Дербент.

Утром, часам к восьми, встретившись с директором завода на приморском бульваре, у памятника выдающемуся лезгинскому поэту Сулейману Стальскому, Хайдар в буквальном смысле пригрозил ему расправой, если тот не выполнит своих обязательств перед японцем. Он недвусмысленно заявил обескураженному директору, что речь идёт о благополучии его «детище» – банка и он никому не позволит играть его судьбой. Директор был наслышан о Хайдаре и потому честно признался, что сегодня, когда нарушаются экономические обязательства между поставщиками и потребителями, выполнить требование японца в установленный срок невозможно.

– Эх, ты – слизняк! – возмущённо воскликнул Хайдар и с угрозой добавил. – Ты за всё заплатишь! – Сел в машину и поехал на встречу с японцем, оставив директора в растерянности.

Застал Хайдар гостей за завтраком, сам торопливо попил с ними чай и съел бутерброд с сыром. Потом господин Танака, сказав что-то оставшемуся в коттедже помощнику, сел рядом с Хайдаром на заднее сиденье и они двинулись в путь. Помощнику же господин Танака дал адрес и ключ от квартиры Огниных и попросил осмотреть квартиру, если понадобится нанять уборщицу и навести в ней порядок. Что тот, добросовестно и выполнил.

Дербентская крепость очаровала японца своей монументальностью и стариной. Он внимательно слушал гида, которого предусмотрительно пригласил Хайдар, задавал тому вопросы и что-то записывал в свой блокнот. После этого, пообедав тут же, рядом, в ресторане, они поехали на расположенную недалеко знаменитую на всю страну ковровую фабрику, где замечательные ковровщицы вручную ткали яркие, красочные ковры и где Хайдар преподнёс японцу по-

дарок – небольшой ковер из тонкой комвольной шерсти, который по своим качествам не уступал прославленным коврам Азербайджана.

Коньячный комбинат встретил гостей вначале показом коллекции коньяков и медалей, которые они принесли предприятию, затем – технологией их производства, а в конце – роскошным гостеприимным ужином с винами и коньяками собственного изготовления. Уже под вечер на прощание директор комбината подарил японцу эксклюзивную бутылку коньяка, возраст которого превышал три десятка лет. Уезжал Рокуро Танака из этого уникального не только своей древностью, но и редкой особенностью города полным впечатлений и с благодарностью к организатору этой поездки «другом» Хайдаром, которого он никак иначе назвать не мог. Хайдар же, посмеиваясь в душе, был рад, что японец, говоря его словами, «в лице Хайдара приобрел ещё одного друга».

Через полтора часа, прибыв на место, Хайдар попросил обслуживающий персонал коттеджа подать всем чай и, пожелав всем спокойной ночи, уехал. Помощник доложил господину Танака о состоянии квартиры Огниных, которую нашел в удовлетворительном состоянии, о её санитарной уборке. Танака же в восторженных выражениях рассказал о своей незабываемой поездке, о людях, которые его встречали и, самое главное, о Хайдаре, который повсюду пользуется уважением и заслуживает самых высоких похвал. Поскольку на завтра была намечена не менее интересная программа, японцы решили пойти к берегу, искупаться и посвежевшие лечь спать, что и сделали.

Поездка на родину знаменитых златокузнецов – Кубачи оказалась очень увлекательной.

– В глухую старину по странам Востока ходили смутные слухи о неведомой стране кольчугоделате-

лей, которая находится где-то в глубине Кавказских гор, – начал гостям свой рассказ прославленный мастер Алихан Расулов в музее. – Страну эту называли «Зирихгиран», что в переводе с персидского означает «Редкие умельцы». Изделия этих умельцев были хорошо известны не только на Кавказе, но и в Персии, Турции, европейских странах. Самые храбрые военачальники считали за честь владеть оружием, привезённым из «Зирихгирана». Потом турки назвали эту страну «Кубачами», что означает «кольчужники». Долгие годы в Кубачах вырабатывались мотивы изумительного по красоте самобытного орнамента, сложная техника чернения, насечки и чеканки по драгоценным металлам. Созданные кубачинцами шедевры восхищают не только посетителей выставок в России, но и в Нью-Йорке и Токио, Париже и Сиднее, Мехико и Монреале...

Комнаты кубачинцев – настоящие музеи. Они прослыли страстными антикварами, бывали во многих странах Востока, скупали редкий фарфор, фаянс, медные изделия, сделанные китайскими, французскими, персидскими и венецианскими мастерами 300-400 лет назад. Много в этих домашних музеях и изделий местного производства».

Потом мастер показал гостям молодых златокузнецов за работой и на прощание подарил им редкой красоты браслет. Не преминул воспользоваться случаем, чтобы сделать приятное другу и Хайдар, здесь же в мастерской он купил великолепной работы фруктовницу, которая могла стать украшением даже в доме миллионера, и преподнёс её в дар Рокуро Танака. Рокуро вначале отказался принять этот подарок, посчитав его слишком дорогим, но потом, после настойчивых просьб Хайдара, смиренно согласился, побратски обняв Хайдара.

Обедали в Левашах, куда приехали часа в три. Здесь их ждали. Выяснилось, что шашлыки на лоне природы были заказаны Хайдаром ещё вчера и организаторы встречи потрудились на славу: свой овечий сыр, чуреки и зелень привезены из Дербента. редкий даргинский напиток «Мусти» из Уркараха, хинкал приготовлен по-кумыкски, шашлыки по-табасарански, короче, на импровизированный стол под кронами могучего дуба в лесу были поданы лучшие блюда Дагестана. Гости, чуть захмелевшие от выпитого хмельного напитка, тепло поблагодарили друзей Хайдара и двинулись к себе, в коттеджный номер на берегу, откуда завтра в полдень должны были уехать в аэропорт.

На следующий день, за завтраком Рокуро Танака ещё раз поблагодарил своего друга, Хайдара, за сердечный, братский приём и попросил его при случае, если завод не выполнит в срок его требования, прекратить его финансирование и при надобности, по его письменной просьбе перевести остатки денежных средств на его расчётный счёт в банке Москвы.

«Вот оно, – подумал Хайдар, – дружба дружбой, а деньги врозь...»

Хайдар пообещал японцу по первому требованию исполнить его просьбу. «А как же – держи карман шире», – злорадно подумал Хайдар и пригласил гостей в машину. Уложив вещи, они тепло попрощались с обслугой и направились к чёрному «Мерседесу».

Улетали японцы из Махачкалы довольные, с надеждой на то, что дела с мёртвой точки всё же сдвинутся, а самое главное и ценное – приобретение в лице Хайдара замечательного, преданного друга. В то же время, умудрённый Танака понимал, что ни по состоянию цеха термообработки, ни по логике вещей, завод не может в ближайшие полгода давать качест-

венную продукцию и несмотря на обещания директора, ему надо искать нового изготовителя, как говорится: «когда не видишь дна, не суйся в воду».

Понимал это и Хайдар...

14

Служба для молодых лейтенантов Огненных началась в погранвойсках Средне-Азиатского пограничного округа, в Таджикистане, расположенной под Душанбе. Поскольку обстановка в Афганистане ещё более осложнилась – война затянулась уже на семь лет и конца её было не видеть, командование погранвойск пошло на некоторую перегруппировку сил. В составе каждого погранотряда были сформированы мотоманевренные группы, которые, якобы, для обеспечения безопасности советской государственной границы, забрасывались вглубь Афганской территории на расстояние 60-100 километров. Но беженцы, недовольные так называемой «народно-революционной» властью, уходили из страны не в сторону советской границы, а совершенно в противоположное направление – в Пакистан и Иран. Афганские же пограничники, совместно с советскими воинами, помешать этому не могли. И, как следствие, через определённое время со стороны Пакистана и Ирана в Афганистан стали проникать хорошо обученные и до зубов вооружённые формирования из числа тех же беженцев. Они совместно с отрядами моджахедов внутри страны дрались и с афганскими воинами, защищавшими новую власть, и с солдатами Советской армии. Дрались дерзко, с лютой ненавистью, легко ориентируясь на местности, каждые за свои интересы. Ситуация напоминала времена гражданской войны в России, когда «белые» воевали с «красными», брат убивал брата, с той лишь разницей, что здесь, в Афганиста-

не, кучка «революционно» настроенных, но далёких от марксизма людей, возомнила себя «вождями народа». При отсутствии всякой организации и под модным лозунгом «строительства социализма», на «штыках» советских воинов эта кучка решила добиться выполнения своих амбициозных планов. И советское руководство, вопреки логике истории, мечтавшее любой ценой увеличить число «социалистических» стран, клюнуло на это и теперь захлёбывалось в крови своих сыновей.

Естественно, сформированные мотоманевренные группы требовали тщательной подготовки и потому Саша и Ефим в составе третьей группы в течение двух месяцев прошли жёсткую учёбу: одиночные стрельбы, учения, 500-километровые марши. Учитывая, что «на войне, как на войне», командование считало, что пусть лучше будет «тяжелее в учении», но зато «легко в бою». И потому солдат и офицеров заставляли до изнеможения карабкаться на бутафорские крепости, преодолевать рвы и мосты, колоть и рубить воображаемого противника. Только после такой подготовки созданные мотоманевренные группы стали принимать участие в выполнении оперативно-боевых задач. Однако сами отряды, на базе которых создавались эти группы и обеспечивались всем необходимым, оставались обескровленными: без необходимого транспорта, людей, которые бы всем распоряжались, складов и прочего.

Между тем обстановка требовала постоянного вмешательства пограничников к событиям «на той стороне», они все чаще втягивались в боевые действия и, как следствие, появились потери в мотоманевренных группах.

Уже дважды Саша и Ефим по приказу командования сопровождали гробы погибших товарищей на

родину. Как правило, хоронили их тайком, в присутствии только матерей или обоих родителей и нескольких самых близких родственников, где, на так называемой панихиде, работник военкомата зачитывал одинаковый, на все случаи, текст о том, что, мол, погиб «при выполнении воинского долга».

«Да, какого – такого «воинского долга»! – хотели закричать братья-близнецы на это кощунство, на эту ложь, видя невосполнимое горе на лицах тех, кто пришли проводить в последний путь своих детей. – И что такое этот воинский долг? Можно подумать, что этой смерти надо стыдиться, будто погибли эти парни от руки какого-нибудь «зека» при охране «зоны», а ещё хуже – упали по неосторожности и разбили себе голову?! Нет! Эти парни погибли на войне в Афганистане! Слышите, погибли сражаясь в бою как герои, не посрамили своей чести, стояли насмерть, защищая своих товарищей! Надо стыдиться не за них, а перед их памятью! И вообще, почему мы прячем, что в Афганистане идёт война? Разве это можно спрятать? Ведь гибнут сотни, тысячи солдат и офицеров...»

Саша вдруг ясно вспомнил, как этот самый 20-летний богатырь, которого они сейчас хоронили, в последнем бою спас от верной смерти своих боевых друзей. Как он, обнаружив притаившихся на вершине, у обочины горной дороги, вооружённых душманов, которые безжалостно расстреливали наших незащищённых в открытой местности воинов, вступил с ними в ожесточённую схватку, уничтожил больше десятка из них и, мастерски маневрируя, выпустил очередь по скрытому пулемётчику врага, заставив его замолчать, и, как неожиданно, в самый последний миг боя, может быть последний из оставшихся в живых душманов успел бросить к его ногам смертельную гранату. Вот так в бою погиб этот герой!

«А боевые награды, – продолжал он размышлять, – ордена и медали за храбрость, мужество, бесстрашие, когда шли в бой. Они заслуженные и их не прятать надо, чтобы в платочке передать родным, нет, их надо нести на красных подушечках впереди гроба, чтобы видели живые, что погибший был герой. Да, герой и не чета некоторым слизнякам и прилипапам, которые даже там, в Афгане, на войне, пекутся о том, чтобы нажиться, нажиться на крови этих самых героев. Они крадут импортную радиоаппаратуру, электронные часы, холодильники и самолетами отправляют домой».

Саша вспомнил, как однажды, загрузив гроб в самолет, они собрались с Ефимом малость присесть и отдохнуть, как вдруг один майор, как потом выяснилось, наделенный высокими полномочиями, приказал гроб из самолета выгрузить, мол, подождет, и на его место загрузить «стратегический груз» – холодильники. Братья вначале опешили перед этой наглостью, потом, не помня себя, Ефим выхватил пистолет и направил его на этого бесстыжего чинушу... Не миновать было беды, если бы его не остановил Саша.

– Ты чего, лейтенант, разошелся так? – возмутился «обиженный» майор.

– Не тыкайте! Я вам не друг и никогда им не буду! – ответил Ефим возмущенно. – А гроб с телом погибшего героя выбросить не дам!

– Ишь ты, – чертыхнулся майор и гроб все же в самолете оставили. Однако этот случай врезался в память братьев-близнецов на всю жизнь. Как же?! Кто-то воюет, отдает свою жизнь, а этот... – наживается. Да, были и такие парадоксы.

В памяти братьев сохранился еще один эпизод на кладбище, когда хоронили привезенного им товарища. Только было опустили гроб, как к могиле неожи-

данно подкатил на своем «самокате» безногий молодой инвалид, вся грудь которого была в боевых орденах и медалях. Был он пьян и плакал. Как он оказался на этом кладбище было неизвестно, но, видать, был он здесь частым гостем.

– Что, военкомат, опять торопливо закапываем афганца? – обратился он к работнику военкомата. – Прячем от людей, что в горах Афганистана идет война и гибнут наши парни?! Вот их сколько уже, – он развел руками, отчего показалось, что большая, сильная птица размахнула свои крылья. – Вот там, там и тут, везде лежат мои друзья-одногодки...

Неожиданно воин-инвалид запел:

– Нет, нет, не в тихой «зоне»
И не в случайной драке
Погиб парнишка-воин
На перевалах жарких.
Там гибнут парни наповал,
Там верно непокорный стан.
Лесоповал – телоповал
Зовется он Афганистан.

– Там, – продолжал он петь теперь речитативом, – в топке войны неизвестно за что гибнут наши сыны. Они, словно, безродные, никому не нужны. И здесь мы никому не нужны...

Его быстро схватили двое неизвестных, одетых в штатские черные плащи и в шляпах, и увели куда-то, а песня его, надрывная и горькая, как правда, продолжала витать над могилами.

В декабре 1986г. третья мотоманевренная группа в очередной раз находилась в 100 километрах от нашей границы, где сходились пути в горную часть страны. Неожиданно от командования пришло сообщение, что отряд моджахедов близ известного киш-

лака, расположенного на тракте, готовится совершить нападение на колонну автомашин, доставляющих военные и продовольственные грузы нашим воинам. Мотоманевренная группа своевременно окружила кишлак, намереваясь взять его неожиданно и без шума до приближения колонны. Однако непонятно каким образом была обнаружена и встречена шквальным огнём. Завязался бой, будто изверглась земля – душманы дрались за каждый сарай и дувал.

Бой прекратился так же неожиданно, как и начался. Оставив тут и там тела убитых, душманы бежали по хорошо известным им извилистым тропам. Пограничники группы и на это раз не досчитались своих товарищей. Но самая чудовищная правда открылась им, когда они вошли в кишлак и среди тех, кто, не щадя жизни, вступили с ними в смертельную схватку, увидели с десяток трупов женщин, стариков и подростков, которые до последней минуты не выпустили из рук автоматы и винтовки. Саша смотрел на Ефима, тот, в свою очередь, на брата и не верили своим глазам.

– Саша, с кем мы воюем? – спросил брата Ефим. – С детьми и женщинами, с народом?

– Выходит так, – в глубокой задумчивости ответил Саша и, вспомнив что-то, добавил, – помнишь, я тебе рассказывал после отпуска о том, как будучи у моего друга Алексея Ужова в отряде, принимал участие в похоронах молодого офицера, которого вот в такой же ситуации с криком: «Убирайтесь, шурави, с нашей земли!», убил мальчик-смертник? Ситуация повторилась...

– Нет, Саша, в такой позорной «войне» я и дальше участвовать не хочу, – тихо произнёс Ефим и отошёл от брата.

Саша вдруг обратил внимание, как у глаз Ефима пролегла глубокая морщина, появилась сутулость, и как не по возрасту посуровел его взгляд.

– Я с тобой согласен, брат, – Саша обнял Ефима за плечо и твёрдо добавил, – вечером обо всём поговорим.

Накануне этих трагических событий Ефим написал Оленьке, что пригласить её сюда нет никакой возможности, так как служба здесь не «оседлая», а в постоянных разъездах, что, по всей видимости, рожать ей придется в Москве, однако, возможно, всё и переменится. Но Ефим никак не предполагал, что в течение совсем недолгого времени весь образ мыслей его совершит поворот на 180 градусов и они с братом придут к весьма неожиданному для их карьеры выводу.

В течение двух дней братья-близнецы ходили, как неприкаянные, снова и снова втайне от остальных сходились, говорили в полголоса, вернее, говорил вначале Саша – слушал Ефим, потом они обменивались ролями. Но каждый раз соглашались с тем, что принимать и дальше участие в этой несправедливой войне они не будут, не вправе отнимать жизнь у людей, которые защищают свою Родину, воюют за справедливое дело. Не воевать с ними надо, пришли они к выводу, а защищать от всяких авантюристов, которые под разными «социалистическими» флагами чинят над ними расправу.

На проводах своих убитых товарищей Ефим хотел было стать рядом с гробами и сказать, что эти воины, как и десятки других, погибли ни за что, не за правое дело, получили пули не при проявлении «братской солидарности», о чём говорил политработник, а при исполнении воли «социалистических» авантюристов. Однако Саша уговорил его не делать этого, а, как и договорились в начале, обратиться к руководству погранотрядом с рапортом.

Так оно и случилось. На третий день в адрес начальника погранотряда от лейтенантов Огненных поступили рапорты, в которых они писали, что ввод совет-

ских войск под видом выполнения «интернационального» долга, по существу – обман, что это необъявленная война против афганского народа, нежелающего видеть незваных пришельцев на своей земле. И исходя из этого, просят перевести их на любую заставу или другой участок, где они готовы служить своему Отечеству.

Естественно, рапорты молодых офицеров – выпускников престижного военного училища, вызвал в штабе отряда переполох, словно разорвавшаяся бомба в тихий час. На следующий день они были вызваны к полковнику в штаб.

– Вы что, белены объелись? – вскричал на них полковник, семнадцатилетним мальчишкой воевавший в Великую Отечественную войну. – Что это за рапорты вы написали?!

Близнецы молчали, мол, что тут отвечать, там всё подробно написано.

– Может быть испугались боя, струсили? Такое бывает. Так и скажите, нечего в политику играть!

– Никак нет, товарищ полковник! – вместе и уверенно ответили офицеры.

– Как?! Вы смеете утверждать, что писали в полном уме и здравии! – возмутился полковник.

– Так точно!

– Нет, вы сошли с ума! Вы же приняли присягу служить Родине! Забыли об этом? – напомнил им полковник.

– Нет, товарищ полковник, не забыли, – спокойно, глядя на большого начальника, – ответил Саша. – Служить Родине мы готовы в любой час, на любой пограничной заставе. Но какое отношение Афганистан имеет к нашей родине? Он на нас не нападал, государственную границу не нарушал...

– Но вы же комсомольцы, чёрт вас возьми, вы обязаны выполнять интернациональный долг, хотя

бы во имя идеалов добра и справедливости, в конце концов, – убеждал их полковник.

– Никаким добром и справедливостью здесь и не пахнет, товарищ полковник, – парировал Ефим.

Однако начальник отряда, просматривавший какие-то бумаги на столе, пропустил это замечание мимо ушей.

– Вот, у вас прекрасные характеристики, внуки прославленного боевого генерала, под началом которого в годы войны служил и я, – говорил полковник, устало взглянув на молодых офицеров, – вас же судить будут за нарушение Присяги, – с сожалением добавил он.

– Присягу мы не нарушали, товарищ полковник, мы готовы служить на любой границе, быть верными своей Родине, – горячо ответил Саша. А Ефим добавил. – Но убивать детей и женщин, которые с оружием в руках защищают свою Родину, по меньшей мере, безнравственно и жестоко. И мы не намерены это делать...

«А ведь в самый корень зрят, – с уважением подумал о лейтенантах немолодой вояка, – чего нам, на самом деле, надо было сюда соваться? Мало было прошедшей войны, где мы потеряли каждого десятого? Правы эти ребята – нам не угрожают, на нас не нападают, границу нашу не нарушают, так сиди спокойно, решай свои внутренние проблемы, коих пруд-пруди. Так нет же, не можем мы – советские сидеть спокойно, как тот молодой да неразумный козлик – обязательно должны лезть в драку. И что в итоге – трупы, тысячи трупов сынов наших, мать твою...

Интернациональный долг?! Да какой, к чёрту, долг, какой «интернациональный», если эти новоиспечённые «социалисты», так называемые «народные революционеры», никакие не борцы за благо своего

забитого, несчастного народа, а, что ни на есть, самые настоящие авантюристы. Лгут, прячут свои желания ещё больше закабалить другие кланы и племена, кроме своего, а наши верят этой лжи. Почему? Да, конечно, хорошо если на этих высотах враг не будет иметь смотровые и ракетные установки, откуда наша страна как на ладони. Но, в конечном счёте, этой гадости накоплено столько, что всякое его применение чревато и для тех, против кого применено, как и тех, кто применил. Всё может уйти в тартарары! Что, наши об этом не знают? Знают, конечно, но лгут, лгут постоянно и повсюду. Лгут, что здесь воюют не пограничники, а армейские подразделения, призванные местными правителями, так сказать, для оказания пресловутой «интернациональной» помощи. Свои головные уборы пограничникам при вступлении на территорию Афганистана надевать не разрешается. Лгут, когда уверяют, что нас позвал сюда афганский народ, тогда как народ как раз не желает, чтобы кто-то с оружием в руках вмешивался в его жизнь. Все кланы и племена стоят на смерть за свою свободу. И в этом эти молодые лейтенанты правы...»

Полковник вспомнил забавный случай, свидетелем которого стал сам и невесело улыбнулся. Накануне приезда в Душанбе он встретился с бывшим первым секретарем известного ему обкома партии, которого несколько дней назад освободили от должности. Так тот рассказывал, что раньше, когда он был при должности, многие искали с ним знакомства, предлагали дружбу, завидя издалека, вприпрыжку бежали ему навстречу, чтобы приветствовать и пожать руку, выказывали безмерное уважение, делали всевозможные подарки. Но уже на следующий день после его освобождения, те самые подхалимы и жополизы перестали с ним здороваться. Будто его нет и не было. И

тогда полковник лишний раз убедился, что ложь проникла во все поры общества, словно метастазы раковой опухоли, что нет такой сферы и почти не осталось у власти людей, которых эта страшная болезнь не коснулась. Диктатура и ложь – родные сёстры.

«И в этой лжи мы живём, привыкли к ней и сами порой без обмана не обходимся. А вот эти мужественные, непокорные молодые офицеры не хотят с этим жить и мириться, они говорят и делают то, что подсказывает им сердце и разум. Они не ведают размера той беды, которая свалится им на голову, бесстрашно бросились навстречу урагана лжи и обмана, которая может их безжалостно растоптать. Как им помочь, как убедить их, чтобы они забрали свои рапорта обратно?»

– Поверьте мне, ребята, поверьте моим сединам, – при этом полковник потрогал свою голову. – Я хочу спасти вас от беды, не делайте этого пока не поздно, заберите свои рапорта обратно. Речь идёт не о чести мундира, не потому, что, мол, я не желаю выносить сор из избы, если вы так думаете, к чёрту всё это. Я действительно хочу вас спасти, поймите, вас свалят, как срубленное дерево, а лежащее дерево, как известно, рубят. Не дайте себя зарубить!

– Если так, товарищ полковник, – ответил Ефим, – вы видите, что мы не трусы, не идиоты какие-нибудь, нет, мы не хотим убивать ни в чём неповинных людей, мы не хотим быть участниками этой безжалостной, с обеих сторон, вакханалии. Этому противится наша совесть и не приемлет разум...

– Пошлите нас на любую заставу, товарищ полковник, – вмешался в разговор Саша. – Будьте уверены, мы не посраим чести офицера...

– Но я не всесильный – удручённо ответил полковник, увидев непреклонность молодых офицеров, –

этот вопрос выше моей компетенции... «Нам бы вашей верности сердцу и разуму, – подумал полковник снова, – встать бы во весь рост и заявить: братцы, что мы делаем, ради чего губим своих сыновей? Нет, кишка тонка, так, напропалую идти не смогу, прежде подумаю, могу ли я себе такое позволить, не пострадает ли моя семья... Чего греха таить, легче участвовать в этой всеобщей лжи, чем поступить так, как эти герои, кои ещё не ведают последствий...»

Вслух же полковник сказал следующее:

– Сегодня ещё есть время, я могу вернуть ваши рапорта и всё случившееся предать забвению. Это в моих силах, но решать вам...

Он подождал ещё минуту-две, но, не заметив желаний ни в лицах, ни в словах молодых лейтенантов, которым он стал симпатизировать ещё больше, встал и, не сказав ни слова, вышел из кабинета...

Началась череда разборок: бесед с политработниками и с чинами Особого отдела КГБ. Подключили даже Алексея Ужова, друга Саши, чтобы тот переубедил ребят. Однако молодые офицеры выдержали весь этот напор и остались при своём мнении. Видно было, что командование не хотело предавать этот факт огласке, поднимать шум, иметь прецедент, который бы характеризовал отряд с отрицательной стороны. Хотя, справедливости ради, следует сказать, что начальник отряда хотел было доложить в верхи о витавшем в головах солдат и офицеров мнении о бессмысленности советского пребывания в Афганистане и гибели наших воинов. Но после долгих раздумий он всё больше склонялся к мнению, что, во-первых, его не поймут, приклеят ярлык труса, предателя и прочее, на что у нас горазды, а значит пострадает сам, и, во-вторых, этим он ещё больше навредит этим двум героям – молодым офицерам. В конце концов,

командование пришло к следующему мнению: рассмотреть рапорта лейтенантов на офицерском суде чести и, если те будут и дальше стоять на своём, уволить из войск за дискредитацию офицерского звания.

Суд чести состоялся на следующий день и был скор, и несправедлив. Больше всего Сашу и Ефима удивили выступления Алексея Ужова и командира их мотоманевренной группы, майора-пограничника.

– Уважаемые офицеры, – начал своё выступление Алексей, – с Александром Огненным мы дружили с училища. Хотя я окончил училище на два года раньше, всё же Саша отличался от своих сокурсников твёрдым характером, не по-возрасту рассудительностью, немногословием. В училище он был одним из лучших курсантов: его фотография вывешена на Доске почёта, а фамилия, как окончившего с Золотой медалью, занесена в Книгу Почета училища. Руководство училища считало, что в лице Александра Огнина вырастило прекрасного офицера. Тем более огорчает, как этот блестящий офицер мог так опрометчиво отказаться от выполнения своего офицерского долга, струсить и проситься на другую заставу, якобы, не может убивать мирных жителей. А если эти, так называемые, мирные жители убивают наших ребят? По мне, так мы должны убивать всех, кто стреляет в нас, пришедших сюда для оказания помощи Афганскому народу. Как эту очевидную истину не понял лейтенант Огнин, не вписывается ни в какие понятия. Он, видите ли, не может убивать, а мы, по их понятиям, можем, ибо мы – быдло. Я, во-первых, отказываюсь от своей дружбы с ним, во-вторых, за оскорбление чести офицера-пограничника предлагаю уволить его и Ефима Огнина из войск, лишив офицерского звания...

Следующим выступил майор-командир третьей мотоманевренной группы:

– С лейтенантами Огнинными служу с первых дней создания нашей группы. И Александр, и Ефим – смелые, бесстрашные офицеры, видел их в бою. Совсем недавно, на перевале нашу группу обстреляли душманы. На узкой дороге, где не было возможности маневра, в колонне были подбиты первый и последний бронетранспортер. Душманы били из гранатометов и из других видов оружия. Горел и плавился металл и могло случиться такое, что повтори противник атаку, взорвались бы наши начиненные снарядами машины и были бы многочисленные жертвы. Лейтенанты Огнины, по-существу, спасли группу. Обнаружив стрелков с гранатометами, они открыли по ним прицельный огонь, затем кинулись на врага с двух сторон и повергли их к бегству, уложив при этом более десятка душманов. За мужество проявленное в этом бою они представлены к правительственной награде. Этот пример для них не единичен. Несмотря на свой возраст, они проявляют, прямо таки, отеческую заботу о младших по званию товарищах. Они умные и грамотные командиры. Их отказ принимать и в дальнейшем участие в этой войне, где приходится иногда стрелять в замороченных женщин и стариков, а значит – выполнять Присягу Родине, конечно, большая ошибка. Мы много раз просили их не делать подобного шага, однако в своём решении они непреклонны. Значит они сами поставили себя вне наших войск...

Выступило ещё два незнакомых им офицера, которые патетически говорили, что подобные факты недопустимы в рядах офицеров, что в старые времена за оскорбление чести вызывали на дуэль и офицер мог смыть свой позор только смертью. Заключение они свои выступления словами о том, что бежать отсюда, спасти свои нервы – не спасти свою честь.

В заключении выступил политработник и поставил точку над «і».

– Мы ни у кого не просим прощения, – сказал в своём последнем слове Саша, – потому что просить не за что. Мы набрались смелости и впервые озвучили то, о чём шепчетесь вы между собой или боитесь сказать даже самому себе. Да, мы накликали на свою голову тяжёлую беду, но мы уверены в том, что нас услышат и эта позорная война будет прекращена. Позор не в нас, не в нашем отказе участвовать в этой войне, а в тех, кто бездумно послал своих сыновей в эту бойню...

Лейтенантов Огниных из войск уволили. Всякое лишение, даже жизни – высшая форма проявления справедливости всякой диктатурой.

15

Уволили Огниных без всякого довольствия, словно вычеркнули из жизни отряда, как погибших или пропавших без вести. Факт этот в офицерской среде был встречен по-разному: одни не скрывали своего удовлетворения, мол, так им и надо, соплякам; другие поговаривали, что близнецы слишком легко отделались от заслуженной кары, что их следовало не только лишить званий и позорно выдворить, а и засадить за решетку, как изменников Родины. Но были и третьи, которых мужественный и честный поступок двух, казалось бы, ещё молодых офицеров, ошеломил своей искренностью, чистотой и достоинством, высоким пониманием своего общественного долга. И теперь их мучила совесть за то, что там, на суде чести, трусливо промолчали, не выступили в защиту своих товарищей и тем самым обесчестили самих себя.

Что касается «осужденных», то ничего лучшего они и не ждали, ибо были готовы к такому концу, как

попавшие в капкан джейраны, у которых нет никаких надежд на спасение. После выступления на суде Алексея Ужова, в дружбу и поддержку которого Саша верил как самому себе, он готов был к ещё худшему, и то, что их отпустили, как говорится, на все четыре стороны, не лишив свободы, они посчитали за великое благо. Не знали, не ведали близнецы, что, проявив на виду офицерского состава суровость и осуждение их действий, начальник отряда все же помог им. Если по долгу службы он и вычеркнул их из списков отряда, если обозленный больше на себя, что не сумел помочь этим двум, в общем и в целом, хорошим молодым офицерам, перевестись на другую заставу и на этом прекратить все пересуды о них, начальник отряда всё же не мог вычеркнуть их из своего переболевшего войнами сердца. На седьмой день, после суда чести, поступил приказ начальника САПО об увольнении Саши и Ефима из войск КГБ. И вот, накануне их выезда с территории отряда в душанбинский аэропорт, к ним, в общежитие, неожиданно пришёл начальник отряда. Сняв фуражку, он сел к столу, на котором стоял солдатский чайник, два граненых стакана, тарелка, в которой лежали несколько нарезанных кусочков хлеба, наполовину съеденная пачка сахара и нож. Саша и Ефим, словно по команде, встали.

– Вот что, Александр, – начал он разговор, приглашая Сашу в собеседники, – во-первых, садитесь, во-вторых, отпустить вас с миром – это максимум, что я сумел сделать. Но, если позволите, хочу спросить:

– Домой о случившемся сообщили?

– Нет, товарищ полковник.., мы хотели вначале где-нибудь устроиться, наладить свою жизнь, а потом...

– «Устроиться...» – не то переспросил, не то согласно сказал полковник, – сделать это будет нелегко. И куда вы собираетесь улететь?

– В Иркутск или Самару, – задумчиво ответил Саша, – все будет зависеть от того, где нам удастся обосноваться...

– Есть у меня в Иркутске давний приятель, – полковник полез в карман куртки, извлёк из него записную книжку и стал неторопливо искать нужную ему фамилию, – та..а...к, нашёл, у вас найдётся листок бумаги?

Саша полез в саквояж и извлёк из внутреннего кармана толстую тетрадь и протянул полковнику:

– Вот, товарищ полковник, пожалуйста...

Начальник отряда вырвал из середины тетради два листка, достал авторучку из кармана, поудобнее уселся за стол и стал писать. Писал недолго, размашисто, по-командирски.

– По данному адресу обратитесь к этому человеку, фамилию, телефон и прочее я указал. Передайте ему вот это письмо, – полковник передал Саше и второй свёрнутый листок. – По-моему он в числе первых в стране создал частное охранное предприятие, что сокращённо означает «ЧОП». Заранее предупреждаю – человек он не лёгкий, в высшей степени требовательный, но высоко порядочный... Расскажите о себе всё честно, без утайки. Думаю, ваша биография его не пугает..., мы одно время с ним вместе работали... Ещё одно напутствие. Ребята вы смышлённые, в училище о вас говорили хорошо. Вот почему хочу вам сказать – продолжайте учиться, поступите заочно в институт, куда вас больше тянет, и обязательно, слышите, обязательно! Думаю, что это вам по-плечу...

Полковник встал, снова полез в карман брюк и извлёк пачку денег.

– Отказа не принимаю. На обустройство, на расходы в первое время они вам пригодятся...

– Да у нас деньги есть, товарищ полковник, – вместе вскочили со своих мест Саша и Ефим, – спасибо вам за всё.

– Сейчас я позвоню в Душанбе, в аэропорт, закажу вам билеты на утренний 10-часовой рейс на Иркутск, моя машина вас отвезёт, – сказал начальник отряда на прощание, – ложитесь, поспите, выбросьте из головы всякие дурные мысли, у вас впереди целая жизнь... Ну, с миром! – он тепло, по-отцовски попрощался с ними и ушёл, как человек, который исполнил свой человеческий долг...

Девяностоместный самолёт был заполнен полностью, как говорится, под завязку. Рядом с Ефимом, ближе к проходу, оказался инвалид, без одной ноги, молодой капитан – пограничник, видно, демобилизованный после госпиталя. Судя по тому, как он реагировал на внимание красивенькой стюардессы, с улыбкой подавшей ему бокал минеральной воды, на девочку – хохотушку лет четырех или пяти, которая перешла к нему с переднего кресла и, трогая его орден и медали, шепеляво спрашивала:

– Дяденька, это что, медаль..?

– Да, моя красавица, – отвечал он, улыбаясь.

– Дай мне вот эту..., – она маленьким пальчиком показала на красивую цветную медаль...

– Ну что за бесстыдница, – встала со своего места мать девочки и, схватив её за руку, увела на место.

Капитан улыбнулся и заметил:

– Вы знаете, она мне дочку напомнила, давно не был дома...

Затем, повернувшись к Ефиму и Саше, удивлённо спросил:

– Что вы сидите такие смурые, случилось что?

– Да нет...

– Что нет? Не отстану, пока не расскажите, как на духу, легче станет..., давайте знакомиться: Михаил Сергеевич Петров – третий...

– Что значит... третий? – удивился Ефим.

– А...а..., интересно, значит, – улыбнулся инвалид, подтянув к себе костыль, будто хотел подставить его под мышку и встать.

– Как случилось... это? – кивком и взглядом показал Ефим на костыль.

– Как... – не то переспросил капитан, не то спросил самого себя, – на войне, брат, всякое бывает, небось и сам знаешь..., – он ненадолго задумался и неожиданно с лица его исчезла так красившая его улыбка, он глухо кашлянул и в полголоса продолжил, – возглавлял я бригаду водителей, которые по Памирскому тракту доставляли нашим армейцам военные и продовольственные грузы. И делали мы это на гератском направлении, через Кушку на Баламургаб и Меймене, на Калайи-Нау, через раскалённую пустыню, где на солнышке – плюс 60–70, и яйцо в песке за минуту спекается всмятку. По сей день не могу понять, как эти вчерашние мальчишки, год – два проработавшие водителями на гражданке и даже во сне не видевшие и не представлявшие себе подобное пекло, гнали через эти пески, показывая чудеса выживаемости машины и человека. Мало того, нам не давали покоя и душманы, которые умудрялись совершать на наши колонны неожиданные налёты, подкладывать на этих поднебесных маршрутах мины...

Он ненадолго умолк, ладонью правой руки провёл по лицу: ото лба до подбородка, словно вспоминал какую-то до боли неприятную картину.

– Вот на одну такую игрушку мы и наступили.. Парнишку моего, водителя первой машины, с которым мы борздили в одной кабине уже второй год, разнесло..., мне вот... повезло... ногу..., малость и по телу..., спасибо врачам, вытащили... можно сказать с того света...

Он снова прервал свой рассказ, и, вспомнив какую-то историю, улыбнулся:

– Хлопцы вы, видно, порох нюхали, по лицам вижу. Лады, об этом потом расскажите, – перескакивал он с одного на другое и неожиданно спросил, – а на Кушке бывали?

Он пытливо взглянул на притихших соседей и, не дождавшись ответа, сам продолжил:

– Говорят, что Екатерина Великая очень не любила нелестное или, скажем, критическое отношение кого-либо к существующим в России порядкам и того, кто выражал это всенародно, ссылала. И куда, как вы думаете? В Кресты, недалеко от Кушки, на возвышении. Таких мест она приказала определить по границам Государства Российского с четырёх сторон света – с севера, юга, запада и востока. Так вот, проезжал я как-то рядом с Кушкой и попал в эти Кресты – построенное из горного камня в форме креста полукрытое помещение. Но самое интересное это то, что написано на его стенах. Например, есть такие записи: «Есаул Петров – сослан за вольнодумство», «Капитан Петров – а я за что?» Так вот почему я – Петров третий – он негромко засмеялся и снова взглянул на близнецов. – Ну, рассказывайте, хлопцы, что с вами приключилось..?

И Ефим, словно на исповеди, поведал капитану невероятную историю братьев – близнецов, посмевавшихся выступить против Молоха – страшной силы лжи и обмана.

– Да..а.., – задумчиво протянул капитан, – досталось вам, хлопцы, лиха... И что теперь?

– Хотим в Иркутске устроиться на работу, – ответил Ефим, в то время как Саша всё это время молчал, лишь изредка кивая головой в знак согласия с рассказывающим братом.

– А знаете, – неожиданно вспомнил капитан, – есть у меня знакомая директриса, пойдёте работать в школу?

– В школу? – переспросил Ефим, взглянув на брата. – А что там делать?

– Физруком, военруком, да мало ли кем пока суть да дело, – всполошился капитан в поисках записной книжки, роясь в своём нагрудном кармане. – Вот..., улица Строителей, 15, средняя школа № 11, фамилия директора – Тулина Елена Ивановна, записывайте. Скажите от Михаила Сергеевича...

Ефим аккуратно записал адрес школы в свой блокнот.

– Ну, а если будут трудности, приезжайте ко мне, места хватит на первое время, – пригласил к себе капитан, протягивая Ефиму свой адрес.

– Спасибо вам, – сказал Саша, взяв из рук капитана листок с адресом. – Думаю, всё будет хорошо...

На самом деле Елена Ивановна, миниатюрная женщина без возраста, энергичная и весьма эмоциональная, так не схожая с известными из кинофильмов образами директоров школ, приняла молодых людей радушно. Несмотря на то, что до окончания учебного года оставалось чуть меньше двух месяцев, на улице стоял апрель, она не стала расспрашивать их о причине увольнения из армии, а сразу предложила им просторную комнату во флигеле школы, где тут же рядом размещались туалет и душевая. Она, не скрывая, поведала им, что до получения квартиры, четыре года назад, в этой большой комнате жила с семьёй.

Радости Саши и Ефима не было конца – в перспективе была работа, которую они делали с удовольствием и за короткое время завоевали уважение школьников и учителей, и небольшая, но всё же нормальная плата по тем временам. Ефим уже поговаривал о том, что собирается написать Оленьке об изменениях в своей судьбе и о новом месте пребывания, как неожиданно грянул гром новой беды. Из военко-

мата в адрес директрисы прибыло сообщение, что уволенные из войск Огнины Александр и Ефим – судом офицерской чести и приказом командующего лишённые офицерского звания, бывшие лейтенанты пограничных войск, что им не место в рядах преподавателей школы, что ни нравственно, ни морально они не имеют права на такую работу. Директриса была крайне огорчена, но не выполнить предписание военкомата не могла. Таким образом, Саша и Ефим, совсем недавно окрылённые судьбой и мечтавшие в ближайшее время сдать документы для поступления в институт, снова оказались не у дел и без жилья.

«То, что судьба тебе решила дать
Нельзя ни приумножить, ни отнять...»

Вспомнил Саша это крылатое выражение О. Хайяма и горько улыбнулся. Судьба, в существование которой он раньше не верил, и относился к этому понятию скептически, ибо так учили школа, училище и весь склад советской идеологии, преподнесла им ещё один урок. Так и быть, придётся пойти туда, куда рекомендовал им начальник погранотряда. Им почему-то очень не хотелось воспользоваться этими адресом и письмом, которые всё это время будто жгли их карман. Но делать было нечего и они ехали к руководителю ЧОП(а) с трепетным ожиданием: а, вдруг, он их не возьмёт, откажется от их услуг, что тогда им делать, куда податься?!

Однако волнения Саши и Ефима оказались несколько преувеличенными и преждевременными. Директор ЧОП(а) – Косоруков Валентин Михайлович – седой, но совсем не старый человек внушительного вида, прочитав рекомендательное письмо, задал несколько вопросов и остался доволен честными и правдивыми ответами молодых людей.

– Вот вы, Александр Борисович, – обратился к Саше Косоруков, – представляете сущность вашей предстоящей работы?

– Думаю, что она связана с обеспечением безопасности каких-то людей и охраной собственности, – ответил Саша.

– По-существу, правильно, – согласился Косоруков, – однако я должен вас предупредить, что работа наша опасная, порой очень опасная, хотя и высокооплачиваемая. Вас такая перспектива устраивает?

– Мы примерно догадывались, куда мы шли, – ответил Ефим, – но скажите, пожалуйста, Валентин Михайлович, где мы жить будем?

– Ваш ответ я должен воспринимать как согласие на заключение договора? – спросил директор, любуясь крепкими фигурами молодых людей.

– Да, мы согласны, – ответил Саша.

– Тогда отвечу на вторую часть вашего вопроса, – доброжелательно ответил Косоруков, – у нас, на окраине города, в большом лесном массиве, есть база. Часть наших сотрудников живёт там. Там же проходят тренировки. Вам понравится...

Процедура оформления и размещения новоприбывших заняла полдня. Всего в трёх флигелях основного здания проживало шесть человек. Саше и Ефиму выделили маленький домик во дворе, где коммунальных удобств было столько же, что и во флигелях. Ели и собирались для обсуждения общих вопросов в главном здании, где в трёх комнатах были расположены офис руководства, столовая, закрытое помещение для стрельб и небольшой спортзал. Вечером того же дня руководство ЧОП(а) собрало в офисе весь офицерский состав сотрудников: тех, которые проживали на базе, и тех, кто вне её. Всего восемнадцать человек, кроме директора и двух его заместителей.

Саша и Ефим были представлены коллективу. Не утаив ни одного штриха из афганской биографии новоприбывших, командир в то же время рассказал, что из достоверного источника ему известно, что молодые люди прослыли в Афгане как смелые и мужественные воины, умеющие в бою отстоять не только свою честь, но и жизнь своих подчинённых. Затем Косоруков ознакомил сотрудников – они все были офицерами в отставке или лишёнными этого звания (Саша и Ефим), с поступившими заявками. Старшие групп (в каждой группе по структуре было предусмотрено по 31 человеку) предложили Саше и Ефиму на выбор записаться в недоукомплектованные группы. Саша согласился работать в составе второй группы, а Ефим – в третьей.

За вечерним чаепитием Саша и Ефим познакомились со всеми членами будущей рабочей семьи и полученными впечатлениями остались довольны. По лицам новых друзей они поняли, что в не меньшей степени знакомству рады и те. Затем их пригласил к себе Валентин Михайлович, где присутствовали старшие второй и третьей групп.

– Мне доложили, что вы, Александр Борисович, записались во вторую группу? – спросил он с ходу.

– Да, Валентин Михайлович.

– А вы, Ефим Борисович, в третью? – обратился он ко второму брату – близнецу.

– Так точно! – весело, по-солдатски, ответил Ефим.

– Я уже рассказывал, что несколько дней назад мы получили два очень выгодных предложения, – продолжил директор ЧОП(а), – первую сделал известный предприниматель, хозяин ряда цехов и заведений – Лядов Алексей Сергеевич, 43 лет от роду. По кличке «Лёха». Человек он неординарный, в том смысле, что

любит рыбалку, охоту, гульнуть. Есть основания думать, что в процессе накопления капитала, пролил немало чужой кровушки, а потому нажил себе немало и врагов. Так вот, он просит за высокую плату обеспечить ему личную охрану. Поскольку по профилю этим занимается третья группа, Ефим Борисович, с согласия старшего группы, решение этой задачи мы хотим поручить вам. Как вы, не возражаете?

– Нет, я согласен, – твёрдо ответил Ефим.

– Вот и ладно, – удовлетворённо сказал директор, – соответствующий инструктаж вам даст старший группы – Сидоренко Сергей Михайлович. Поэтому вы можете идти.

Ефим и Сидоренко вышли.

– А теперь с вами, Александр Борисович, – обратился к Саше директор. – Есть у нас в городе слюдообрабатывающая фабрика. В последние несколько лет она переходила из рук в руки, и надо полагать, не от хорошей жизни – дела на фабрике шли из рук вон плохо, можно сказать, к полному развалу. Группа вороватых и бандитских элементов, воспользовавшись отсутствием должного контроля и охраны, тащили с фабрики не только готовую продукцию, но даже сырьё и полуфабрикаты. И вот в таких условиях, два года назад директором туда пришёл.., – Косоруков ненадолго умолк и со вкусом добавил, – бывший «зэк». Нет, не бандит, не вор, а бывший «диссидент», большой в прошлом человек, загнанный в наши края, видно, за «несогласие». Мужик за дело взялся всерьёз и по-настоящему и, конечно, встретил яростное сопротивление вышеназванной группы, которых отогнали от сладкого пирога. И, как он мне рассказывал, даже однажды на него устроили покушение...

– Я об этом эпизоде слышал, – вмешался в разговор старший второй группы, мужчина лет сорока,

среднего роста, широкоплечий атлет, – но организаторов так и не нашли, всё свалили на убитого рецидивиста ...

– Да, совершенно верно, Андрей Олегович, – согласно сказал Косоруков. – Вот директор и пришёл к нам за помощью, надо полностью заменить там охрану. Александр Борисович, дело это архиважное и не менее трудное, возьмётесь за него? Фабрика обещает щедрое вознаграждение.

– Сделаю всё, что в силах, – уверенно ответил Саша и посмотрел на Андрея Олеговича.

– Думаю, Андрей Олегович, надо изучить охранные зоны фабрики и её территории и в течение одного дня заменить всю охрану. Так просил директор...

– Хорошо, Валентин Михайлович. Завтра днём изучим, а к вечеру всех заменим.

– Вот и ладно, приступайте...

Андрей Олегович и Саша направились к выходу, однако Валентин Михайлович неожиданно окликнул последнего:

– Александр Борисович, как вы с братом устроились?

– Спасибо, хорошо.

– Вот и ладно. До свидания.

На следующий день Саша и Андрей Олегович поехали на фабрику, познакомились с директором, который произвёл на Сашу очень хорошее впечатление. Присмотревшись к Саше, как бы пронзив его гипнотически-изучающим взглядом, директор, который представился Альбертом Ильевичем, тоже остался доволен будущим начальником охраны фабрики. Затем были изучены все охранные зоны, определено число охранников на двух постах, у проходной, патруля вдоль забора и у пульта, а также учтены пожелания директора. И к концу рабочего дня приказом по фабрике весь состав бывших охранников от

занимаемых должностей были освобождены и охрану предприятия приняли сотрудники ЧОП(а).

Не менее интересна была встреча Ефима с Лядовым Алексеем Сергеевичем. Сидоренко, поздоровавшись с Лядовым, представил ему нового сотрудника:

– Ефим Борисович Огнин – ваш будущий телохранитель...

– Вот как? – Лядов пожал Ефиму руку, будто этим крепким рукопожатием хотел проверить его силу и стойкость, своим хитровато-пронзительным взглядом заглянул ему в глаза, словно влез в самую душу и улыбнулся, довольный полученным эффектом. Затем встал рядом с Ефимом, будто хотел примериться с ним ростом и фигурой.

– Спортсмен? – неожиданно спросил он вслед за этим. – Стрелять умеешь?

– Он офицер, Алексей Сергеевич, окончил высшее военное училище, служил в Афгане, – ответил за Ефима Сидоренко, – в его личном деле все написано.

– Я не об этом, – словно извинялся Лядов, – третьего дня в меня стреляли, так что охранять есть что... Вы, как я понимаю, пришли на службу, Ефим?

– Совершенно верно, – ответил Ефим сдержанно.

– Вот и хорошо. Сейчас все вместе поедem на охоту, там и поговорим. А пока скажу вам одно очень важное заключение, – вы мне нравитесь...

Все улыбнулись. Улыбнулся и Ефим.

В этот день было много разговоров о том, что кто-то хочет убить Лядова, что надо ухо держать востро, постоянно быть на чеку. Ефим сделал для себя еще один вывод: при том подвижном образе жизни, которую вел Лядов, его легко можно было «зацепить», в то же время тщательно готовиться к такому шагу, у врага не было ни времени, ни возможности. Другими словами, враг мог пойти на такую дерзость

лишь спонтанно. А это давало Лядову шанс остаться в живых.

При всем при этом «Лёха» не унывал, от души веселился, часто бывал на охоте, при этом метко стрелял, любил рыбачить и очень удачно, чему радовался, как ребенок. На своей потайной заимке имел сауну, куда привозил не только сопровождавших его людей, а и «девочек» и часто в лесной тишине слышались веселый женский «визг» и довольный мужской хохот. В отличие от некоторых «толстосумов», «Лёха» был щедр и награда не обходила ни одного, кто был с ним рядом. Всегда довольные уезжали от него и женщины.

В тоже время, если «Лёха» и пил, но никогда Ефим его пьяным не видел, тот всегда был на чеку, следил за своим сопровождением и полюбил своего телохранителя за то, что тот всегда трезв и всегда все видит. Как-то, через месяц службы, он обнял Ефима за широкие плечи, отвел в сторону и доверительно спросил:

– Вы как-то говорили, что хотели бы вызвать сюда жену, Ефим Борисович?

– Да, говорил, Алексей Сергеевич, но вопрос упирается в жильё. Тем более что она, по всему виду, уже родила месяц-два назад. Мы ничего о семье не знаем, каюсь, не пишем им уже четвёртый месяц... Хотелось вначале определиться на месте.

– Вот и я об этом, – с улыбкой ответил Лядов, – дело в том, что сейчас в центре города идёт стройка большого многоквартирного дома. Я говорил со строителями и договорился купить тебе одну двухкомнатную квартиру в подарок...

– Вы не шутите? – искренне удивился Ефим.

– Я похож на шутника? – вопросом ответил Лядов и добавил, – через месяц заключаем со строите-

лями контракт, и судя по темпам стройки через два – два с половиной месяца можешь написать жене о ваших ближайших возможностях.

– Спасибо, Алексей Сергеевич, это будет бесценный дар, – еще раз искренне произнес Ефим и у него в глазах заблестели озорные искорки. – Теперь я должен беречь вас в три раза зорче, чем прежде...

Лядов и Ефим улыгнулись. По всему было видать, что телохранитель пришелся бизнесмену по душе.

– Во-во! – воскликнул Лядов улыбаясь. – Окружи меня такой стеной, чтобы никто не мог меня найти...

– Даже девушки? – в тон боссу пошутил Ефим.

– Э-э, нет, без этого я не могу, – так же шутя ответил босс, – они – моё вдохновение...

– Извините, Алексей Сергеевич, – неожиданно спросил его Ефим, – можно вас спросить?

– Тебе, Ефим, я разрешаю все, – сердечно и уважительно ответил Лядов.

– Спасибо. Хочу спросить почему вы не женитесь?

– Э..э., это особая статья., как-нибудь поговорим и об этом...

Лядов прекратил разговор и на этой молчаливой ноте пошел к выходу. Но этот разговор у них так и не состоялся, ибо с ними было великое чудо – жизнь, полная ожидаемого и неожиданностей, радостей и огорчений, имеющая своё начало и естественно, свой конец. Ибо тайну вечера знает только утро. Ибо жизнь – иголка, нитка у неё – коротка.

16

Между тем, вся в тревогах по поводу столь долгого молчания мужа, Оленька Огнина в середине весны 1987 года родила своего первенца. Мальчик пришел на свет на удивление темноволосым (у матери и отца волосы были белокурые), здоровеньким, обещая роди-

телям и родственникам в скором времени стать богатырем. Хотя роды были нелегкими, все же они принесли обеим семьям, Огниных и Саблиных, огромную радость. Огорчало лишь то, что ни отец малыша, ни его дядя Саша непривычно длительное время не давали о себе знать. Однако это обстоятельство не остановило Оленьку и она на следующий день, после выписки из роддома, отправила Ефиму телеграмму: «Дорогой любимый поздравляю тебя с сыном С нетерпением ждем твоего ответа. Оля.»

Забирая невестку с внуком с роддома, Лариса Марковна настояла, чтобы они поехали к ним, мол, в четырех огромных комнатах можно разместить хоть целый полк, и ребенку с мамой у них с Борисом будет гораздо удобнее, чем в двух клетушках её родителей. И Оленька благоразумно согласилась, попросив мать, Екатерину Ивановну, привезти её легкие вещи. Естественно, пребывание в квартире маленького внука с Оленькой, отвлекало Ларису Марковну и Бориса Ефимовича от тревог и волнений по своим близнецам, причинам их молчания. Однако материнское сердце все же не могло с этой неизвестностью примириться, и Лариса Марковна решила поехать в училище, где учились её дети, и разузнать о них подробнее. Однако то, что рассказал начальник училища ошеломил ее своей неожиданностью, огорчил и в то же время обрадовал. Слава Богу, дети ее живы и теперь не на войне. Где они в настоящее время, сказал начальник училища, он не знает, но возможно об этом знает его старший, военных времен, друг, начальник погранотряда. Он протянул Ларисе Марковне номер телефона своего фронтового друга, провел ее до дверей своего обширного кабинета и с грустью добавил:

– Поверьте, Лариса Марковна, мы сами очень сожалеем о случившемся, они были лучшими нашими выпускниками...

Покинув начальника училища, Лариса Марковна решила телефонный разговор с начальником погранотряда вести не с квартиры, дабы Борис и Оленька до времени были в неведении, а на главпочтамте и поехала на улицу Горького. Вначале дежурный ответил, что начальника погранотряда на месте нет и просил позвонить через полчаса. Эти полчаса были самыми трудными и долгими, ибо нет хуже, чем ждать и догонять.

Наконец, Лариса Марковна дозвонилась. Начальник отряда ответил ей, что, да, современная молодежь о родителях думает мало, что за своими проблемами они ничего не видят, что сыновья ее уже несколько месяцев живут и работают в Иркутске, и продиктовал телефон их нового директора. Однако дозвониться до него она так и не смогла, телефон молчал, несмотря на ее настойчивые звонки. Тогда она решила вернуться домой и была в таком состоянии, что ей было в пору выть. Однако она взяла себя в руки и не стала раньше времени впадать в панику.

За те несколько минут, что говорила с начальником погранотряда Лариса Марковна поняла, что он не считает их трусами и дезертирами, во всяком случае он их таковыми не называл. Мало того, дал понять, что в какой-то степени, он им симпатизирует. Во-вторых, по его же словам, их новая работа ничуть не малозначительна, чем прежняя, в иных случаях более ответственна и даже опасна. В-третьих, сыновья дали ему слово продолжить учебу в другом ВУЗе, что они по всей вероятности, с сентября и сделают.

– Дня три назад мы получили телеграмму от жены Ефима, – сказал в заключении начальник, – мы поздравляем вас, но скажите пожалуйста, что нам делать, сообщать об этом вашему сыну?

Недолго думая, Лариса Марковна с облегчением ответила:

– Да, спасибо вам, сообщите пожалуйста..., – да благославит вас Бог...

Лариса Марковна ехала домой в глубоких раздумьях: как быть? Одно было ясно: Оленьке пока о Ефиме не говорить, пусть все созреет само по себе. Когда Ефим получит известие о рождении сына, сам позвонит, если посчитает нужным.

Теперь, что касается Бориса. Лариса Марковна после некоторых размышлений пришла к выводу, что муж должен знать о переменах в судьбе сыновей. И ночью, когда Борис Ефимович лег спать, она поведала ему все, о чем узнала за этот день. Борис Ефимович вначале был удивлен, потом «охал» и «ахал», затем что-то бубнил себе под нос и, лишь к полночи, заснул, так и не проронив ни слова.

Хотя за последние два года сосед, Рокуро Танака, стал им близким человеком, можно сказать, неотъемлемой частью их семьи, все же даже ему они решили до поры до времени ничего не рассказывать. Тем более, что не хотелось омрачать этим известием всего два дня назад отмеченное радостное событие – рождение внука и переезд Оленьки к ним в квартиру. Прибавлению в семье Огниных Рокуро радовался как ребенок. Однако ни от Бориса Ефимовича, ни от Ларисы Марковны не ускользнули едва заметные перемены в настроении соседа. Было видно, хотя он их мастерски скрывал, что сосед в последние недели чем-то очень озабочен.

А господину Танака было от чего расстраиваться. Дагестанский завод продолжал поставлять в его адрес бракованные запчасти, отчего росло количество рекламаций, падали доходы, а вместе с ними и имидж его торгового предприятия. Последние два контейнера он вернул заводу обратно и дал своему другу, председателю банка «Горизонт», Хайдару телеграмму немед-

ленно прекратить финансирование заводу, а остатки денежных средств на его счету в сумме 12 миллионов рублей вернуть на расчетный счет банка в Москве.

Подобная акция со стороны японца была не только вынужденной, заранее обговоренной, но и диктовалась тем обстоятельством, что два месяца назад, окончательно разочаровавшись в исполнительской дисциплине дагестанского завода – партнера, он познакомился с представителями московского завода, которые на более выгодных японцу условиях согласились поставлять ему необходимые запчасти. Верный своему слову бизнесмен ждал, когда партнер в очередной раз нарушит договорные условия, что бы старый договор расторгнуть, а новый – заключить. И судя по тому, как он в решительной форме включил в дело своего юриста и потребовал возврата средств, можно было судить, что господин Танака был непреклонен.

Получив телеграмму своего японского «друга», Хайдар заскрежетал зубами. Он все же надеялся, что руководители завода внемлют его предупреждению. Однако, судя по последствиям, сделать больше, чем им позволяют условия, они не могут. «Вы у меня запляшете, стервы!» – мысленно пообещал им Хайдар и стал готовиться к осуществлению своего коварного плана.

Через два дня, после получения телеграммы, по дороге в Махачкалу «работниками ГАИ» была остановлена машина директора завода. Возмущенного руководителя провели за лесополосу, где в машине сидел неизвестный ему «бугай».

– Ты почему в очередной раз послал японцу в Москву фуфло, слизняк? – с угрозой спросил его мордорот.

– Цех термообработки не работает, требует ремонта, а на это требуются миллионы, – оправдывался заводчик.

– Мы тебя предупреждали чем нам это грозит?! – давил на него ангел смерти Азраил, приставив к виску директора бесшумный пистолет.

– Но что я мог сделать? – мямлил напуганный руководитель. – Не могу же я за свои деньги ремонтировать государственный завод...

– Завтра в это же время привезешь два миллиона, шутить не вздумай, за каждым твоим шагом будут следить мои люди, если вздумаешь бежать, найду и пристрелю.

– Где я возьму столько денег, у меня их нет, – категорически запротестовал заводчик, как попавшийся в силки зверек, – хоть убей, у меня их нет!..

– У главного инженера возьми, у остальных собери, жировали же, суки! – еще раз приказал «бугай». – А теперь иди и помни, стерва, мы никому непослушание не прощаем.

На ватных от страха ногах директор подошел к своей машине, сел в нее, несколько минут силился прийти в себя, и только после этого поехал. А разбойники в камуфляжных костюмах в считанные секунды скрылись в неизвестное направление.

У Хайдара были еще причины для беспокойства. В последние два года за счет награбленного и средств своих клиентов, банк строил вокруг и в центре города жилые дома, огромные цеха под производство, крупные торговые комплексы. Вообще размах строительства криминальных структур на крови десятков и сотен жертв был настолько велик, что в одном ее звене, в частности, в банке «Горизонт», возникли проблемы – клиенту надо было возвращать деньги, а их у банка не было. И потому, чтобы избежать скандала банкротства, сохранить, так сказать свое лицо, Хайдар решил пойти на крайние меры. Этому способствовало еще одно обстоятельство: его

вездесущие «сыщики» доложили, что Саният, которая закончила пятый предпоследний курс мединститута купила на шестое августа билет в Ленинград. На железнодорожном вокзале, где она приобрела билет на поезд, интересовалась у кассира можно ли этим билетом остановиться в Москве на несколько дней, а потом продолжить путь в Ленинград. Кассир дала соответствующее разъяснение.

Таким образом, Хайдару предстояло решить два вопроса: проблему возврата японцу огромной суммы, которых в банке не было, и ни коим образом не дать Саният возможности встретиться с Сашей в Москве, если он там есть. Для решения второго вопроса у Саният на все время ее поездки, вплоть до возвращения домой, имелся приставленный к ней соглядатай, словно тень. Она, эта тень, должна была, присутствуя рядом оставаться незамеченной, стараться приобретать разные лики, но никогда, ни при каких обстоятельствах не быть разоблаченной. Это грозило «живой тени» превратиться в «мертвую». И исполнение этой роли было поручено миловидному, на первый взгляд, молодому человеку из его же шайки, в котором, надо полагать, умер хороший актер. Он не только знал, куда Саният ходила, он скрупулезно записывал адреса, имена и фамилии людей, когда она посещала общественные и прочие организации. Тень бывала с ней в театрах, в зоопарке, куда Саният однажды сходила, но опоздала. Поистине она стала подлинным отражением ничего не подозревавшей девушки.

Что касается ответа на другой вопрос, то его должен был найти сам Хайдар, ибо никто другой из его банды не мог взять на себя исполнение столь зловеще – хитроумной роли.

За два дня до выезда Саният в Ленинград, из Махачкалы, ранним утром, когда жители столицы рес-

публики видели последние сны, выехала серебристая «Тойота», за рулем которой сидел Хайдар. Нет, ни поездом, ни самолетом он решил не ехать. Согласно разработанному плану выезд Хайдара из города должно было осуществиться никем не замеченным и все сотрудники банка были предупреждены, что «шеф» находится в городе, куда-то отлучился, мол через час-полтора будет, если надо что-то решить, то, пожалуйста, заместитель к вашим услугам. Все должны знать, что Хайдар никуда не выезжал, был или на работе, или дома. Это первое алиби.

В воскресенье, часам к одиннадцати дня, когда Саняет, в сопровождении своей тени, села в поезд, Хайдар звонил «другу» Рокуро Танака о том, что обстоятельства вынудили его прилететь в Москву и поэтому просит принять его дома. Танака был рад звонку «друга» и просил того немедленно приехать к нему и продиктовал Хайдару свой адрес. Однако Рокуро был несколько удивлен, когда через двадцать минут раздался звонок в дверь.

– О, Хайдар-сан, – приветствовал его хозяин, – я думал, что вы звоните из аэропорта и потому не успел сделать заказ в ресторан...

– Ничего страшного, – мягко улыбаясь, Хайдар показывал красивые ямочки на щеках, – решим вначале некоторые деловые вопросы...

– Пожалуйста, проходите, садитесь, – тем временем говорил Танака, приглашая гостя внутрь квартиры.

Обратив внимание, что в квартире никого нет, Хайдар посчитал это хорошим предзнаменованием и решил брать, как говорится, быка за рога.

– Я, уважаемый Рокуро-сан, получив вашу телеграмму, решил сразу решить две задачи: вначале вернуть вам долг, а потом поехать на свадьбу к своему другу в Ленинград, – улыбался Хайдар, открывая

чемодан с деньгами. – Правда, весь остаток средств на вашем расчетном счете я для облегчения привез наличными, это ничего?

– Да, что вы? – удивился хозяин. – Зачем надо было тащить с собой этот груз?! Ну, раз привезли, конечно, я согласен принять и наличными, надо же...

– Расчет я привез тоже в вашу пользу, Рокуро-сан, – говорил Хайдар, показывая хозяину уложенные в чемодане пачки денег. Я не стал взыскивать с вас за обналичивание. Пожалуйста, посчитайте и выпишите чек и на этом закончим деловую часть нашей встречи.

– О, Хайдар-сан, вопреки установившейся традиции, я впервые в жизни сделаю это у себя дома, – сказал Танака и стал считать пачки купюр.

Закончив техническую часть сделки, хозяин оформил ее выпиской чека и, протянув его гостю, удовлетворенно добавил:

– А теперь, Хайдар-сан, разрешите мне сделать звонок в ресторан...

– Очень мило с вашей стороны, Рокуро-сан, – ослепительно улыбался Хайдар и, спокойно положив чек во внутренний карман пиджака, неожиданно выхватил оттуда пистолет с глушителем. – Чемодан оставьте на месте, господин Танака, я такие деньги не привык отдавать...

– Что вы себе позволяете, Хайдар!?! – закричал Танака, надеясь напугать злодея своим криком, и кинулся к телефону, однако тут же последовал щелчок, и безжалостная пуля бесшумно пробила лоб хозяина, чуть выше переносицы, и японец замертво упал почти у ног своего убийцы.

Все еще продолжая держать пистолет в правой руке, Хайдар хотел прихватить чемодан с деньгами другой рукой и сразу же удалиться, как неожиданно из внутренней комнаты, надо полагать, из библиоте-

ки хозяина, с раскрытой книгой в руках вышел Борис Ефимович. Увидев распластанного хозяина на полу, Борис Ефимович в страшном удивлении взглянул на убийцу.

– Хайдар?! – узнал его Борис Ефимович, у которого была поразительная память на лица. – Что вы наделали, сумашедший?!

– Аяй, Борис Ефимович, – с сожалением произнес Хайдар, узнав отца своего бывшего школьного друга, – как некстати вы здесь оказались, – и подняв пистолет выстрелил в ученого.

Выбегая из квартиры японца, Хайдар думал, что все сделал «чисто», что никаких следов не оставил, никто его не видел. Всю дорогу до такси, которое он остановил у метро «Маяковская», его не покидало чувство исполненного долга. Он думал, что главная часть задуманного плана успешно выполнена и ему сейчас срочно необходимо доехать до своей машины, которую он оставил у въезда в столицу, и вернуться домой. Да, домой он, конечно, уедет и доедет. Однако он ошибался. В квартире Рокуро Танака, где он безжалостно убил хозяина и ни в чем неповинного Бориса Ефимовича, его все же видели и этот свидетель, в конце концов, сыграет свою роль. Им оказалась маленькая двенадцатилетняя японка, которая вот уже год как была привезена Рокуро Танака в Москву для оказания помощи в уборке квартиры и приготовлении пищи. Обратив внимание, что разговор двух мужчин пошел уже на высоких тонах, она предусмотрительно незаметно открыла дверцу нижней части встроенного стенного шкафа и спряталась там. Конечно, она видела «гостя» в лицо и услышала последний вскрик Бориса Ефимовича. Видно, именно ее и Бориса Ефимовича своим последним вскриком предупреждал Танака о нависшей опасности.

Доехав до конца Липецкого проспекта в сторону области, Хайдар расплатился с таксистом, прошел через мост и здесь, в небольшой лесной полосе, нашел свой пакет с обувью и курткой. Сменив все это, он прошелся примерно километра два и подошел, к стоящей на обочине, серебристой «Тойоте». Забросив пакет в багажник, с намерением выбросить его через час-полтора, он сел за руль и поехал обратно, обеспечив себе, как он считал, второе алиби.

Через час, когда в квартире установилась мертвая тишина, Хацумомото (так звали девочку-японку) вышла из своего «тайника» и оглянулась по сторонам. Хозяина было не видно и вообще было непривычно тихо. Она шагнула за порог большой прихожей и замерла в ужасе – на полу, в метре друг от друга в луже крови лежали Рокуро Танака и его сосед Борис-сан. Девочка вскрикнула от страха, заскулила, жалобно завывала и в слезах кинулась к входной двери. Дверь была не заперта. Дрожащей рукой она стала звонить к соседям, куда ее несколько раз водил хозяин. Увидев бледную и заплаканную японку, Лариса Марковна поняла, что случилась какая-то беда, но то, что она увидела в квартире соседа, ввергло ее в столбняк. Лариса Марковна вначале вскрикнула, пошатнулась, чуть было не потеряла сознание, но, ухватившись за край стула, удержалась на ногах. Прийдя в себя, она поняла, что говорить с девочкой бесполезно, так как Хацумомото совершенно не знала русского языка. Она подошла к телефонному аппарату и вызвала милицию. Ларису Марковну в эти минуты было не узнать, ибо в этой уставшей, померкшей и бледной, как сама смерть, женщине трудно было признать всегда жизнерадостную, улыбающуюся Ларису Марковну.

– Мама, что с вами? – ужаснулась этой внезапной перемене Оленька, увидев ее, устало опустившейся на стул.

– Ты знаешь, Оленька, – собрав последние силы, сказала Лариса Марковна, – ты не пугайся.., у нашего соседа случилось...несчастье...

– Что, что случилось, мама? – всполошилась Оленька.

– Его...убили..., – проливая слезы, говорила Лариса Марковна.

– Ведь там и отец был...

– И его...тоже, – зарыдала Лариса Марковна, – сейчас милиция придет...– и она окончательно лишившись чувств, сползла со стула.

Дальше все случилось как в калейдоскопе.

В середине вторника в Москву приехала Санянт. В справочном киоске на привокзальной площади, куда по совету знающих людей обратилась девушка, ей за считанные минуты выдали адрес Огненных. Оставив чемодан в камере хранения, Санянт в самом радужном настроении, приехала на метро на известную читателю станцию «Маяковская» и мимо концертного зала имени Чайковского, театров сатиры и имени Маяковского, напрямик направилась по данному ей адресу. Однако, когда она подошла к дому, указанному в адресной справке, ее удивила собравшаяся здесь толпа, а в самом ее центре – милицейская машина.

– Скажите, пожалуйста, – спросила Санянт понуро стоявшую женщину, – что здесь произошло?

Та повернула к девушке заплаканное лицо и уныло произнесла:

– Позавчера убили в собственной квартире японца и нашего сотрудника, известного ученого...

– Не нашли убийцу?

– Ищут, – безнадежно махнула женщина рукой, указав в сторону милицейской машины, – говорят, в комнате оставалась незамеченная девочка, она и общила...

Ничего не подозревавшая Саният решительно направилась к подъезду, подошла к лифту и нажала на кнопку вызова. На площадке четвёртого этажа были две квартиры: у одной стояли два работника милиции, а у другой, нужной ей квартиры номер 147, дверь в которую была приоткрыта, никого не было. Саният негромко постучала, открыла дверь и вошла. В нос ударил запах валерьянки, напомнивший будущему врачу, что здесь недавно кому-то было плохо.

У стола сидела накрытая черным платком, почти неузнаваемая Лариса Марковна, с которой она виделась несколько раз: на родительских собраниях, на школьных соревнованиях по баскетболу, когда та, вместе с мужем, приходила поглядеть на своих сыновей и в дни рождения Саши во время их учебы в старших классах.

– Здравствуйте, Лариса Марковна, я, кажется, не вовремя... – в нерешительности остановилась Саният.

Лариса Марковна подняла на девушку красные, воспаленные от выплаканных слез, глаза и недоверчиво спросила:

– Никак Саният?

– Да, Лариса Марковна...

– Господи, девочка моя, как ты здесь оказалась? – забыв на минуту о своем горе, тихо воскликнула женщина.

– Только что приехала. Что у вас случилось, Лариса Марковна? – вся еще в недоумении спросила Саният.

– Горе у нас, доченька, страшное горе.., – всхлинула Лариса Марковна, – нашего Бориса Ефимовича не стало.., – она непроизвольно поднесла к глазам платочек, хотя, казалось, что выплакала все слезы.

– Мамочка моя! – воскликнула Саният и прослезилась. – Так это Бориса Ефимовича уби...ли? За что?

– Садись, доченька, – Лариса Марковна усадила Саният рядом с собой и рассказала все, что ей было известно об этом, весьма загадочном преступлении, жертвой которого стал совершенно безвинный человек, ее муж.

– Как же он оказался в квартире этого японца? – с удивлением, вытирая слезы, спросила Саният.

– Мы были очень дружны, доченька, ходили друг к другу, как к себе домой. Мой Борис всего себя посвятил Японии, а у нашего соседа большая библиотека и сам был интересным человеком... Вот Борис и заходил к нему..., – Лариса Марковна внезапно умолкла и с интересом посмотрела на девушку, словно только сейчас узнала ее... – Саният, девочка моя, как ты вдруг оказалась у нас, Саша тебе столько писал...

– А где Саша? – вырвалось у Саният, будто она только и ждала упоминания его имени.

– Они далеко..., ничего не знают..., – Лариса Марковна снова всхлинула, – Я тебе после похорон расскажу...

– Ой, Лариса Марковна, и мне вам столько надо рассказать, – Саният печально опустила голову, – а когда похороны?

– Завтра в два часа едем в морг, забираем гроб и едем на Востряковское кладбище. Организацией похорон и поминок занимается наш семейный друг Илья Абрамов, профессор математики, он прилетел два часа назад, сразу, как только я ему сообщила.

– Да, я знаю его. Сын его в нашей школе учился. Если вы позволите, Лариса Марковна, раз уж я волею судьбы оказалась здесь, я тоже приму участие в похоронах? – попросила Саният участливо.

– Что ты, доченька, спасибо тебе. Конечно, – ответила Лариса Марковна взволнованно. – А где ты остановилась?

– Пока нигде, я прямо с поезда...

– А вещи твои где?

– В камере хранения, на вокзале, – ответила Саният смущенно, – родителям я сказала, что еду в Ленинград, а сама решила несколько дней побывать в Москве, хотела найти Сашу...

– Сейчас я тебя познакомлю с женой Ефима, – сказала Лариса Марковна и кликнула в другую комнату, – Оля, Оленька...

Из внутренней комнаты с ребенком на руках вышла симпатичная молодая женщина, так же с заплаканными глазами:

– Что, мама, ты звала?

– Да, Оленька, знакомься, это Саният, они с Сашей и Ефимом дружили и учились вместе в одном классе...

– Ой, Саният, я много о вас слышала от наших мальчиков, – призналась Оленька и горько добавила, третий день вою и место себе не нахожу...

Почувствовав настроение матери, заплакал и младенец. Оля стала его успокаивать.

– Извините, Саният, я отнесу его в другую комнату, что-то он стал капризничать, – и тихо баюкая младенца, пошла к внутренней двери.

– Ты вот что, Саният, поезжай на вокзал и привези свои вещи, останешься у нас, – твердо заявила Лариса Марковна.

– Извините, Лариса Марковна, я лучше в гостиницу устроюсь, – вежливо отказалась Саният, а про себя с горечью подумала: «Зачем я вам, если Саша уже женился и забыл про меня», – но вслух добавила совсем другое, – до меня ли вам сейчас...

– Нет, нет, никакие гостиницы. Поезжайте, через час-другой вернутся и мои посланцы: Илья Шербетович и Екатерина Ивановна, мать нашей Оленьки, – Лариса Марковна с трудом поднялась с насиженного

места и проводила Саният до двери. – Наши разговоры, доченька, долгие, одного – двух дней не хватит... Возвращайся скорее...

Илья Шербетович вернулся удовлетворенным. Ему удалось договориться и в синагоге и на Востряковском кладбище: место захоронения было определено, а раввин пообещал быть на церемонии прощания, освятив ее предусмотренной молитвой. Дело в том, что еще несколько дней назад, задолго до своей насильственной смерти, Борис Ефимович недвусмысленно рассказал жене о том, что уже много раз посещал синагогу в дни праздников: Песах, Шавуот, Суккот, Рош-а-Шана, Иом-Кипур, Ханукка, Пурим, День Независимости и День освобождения Иерусалима, что теперь он в субботу не работает. Лариса Марковна поведала Илье Шербетовичу, что Борис Ефимович, как дитя, радовался своему приобщению к вере отцов и был благодарен ему, Илье, за то, что тот открыл ему глаза на его происхождение.

– Борис как-то признался мне, – рассказывала Лариса Марковна Илье Шербетовичу в первые часы его прилета, – что человеку, какое бы у него было родословное древо, непременно нужны надежные корни, что плохо болтаться листиком на ветру истории, не зная, которая ветка твоя...

Она поведала еще о том, что однажды после посещения синагоги и знакомства со своими соплеменниками, муж убедился, что они его приняли как своего родного, больше того, радовались тому, что число ученых в их рядах с каждым годом растет.

– Все мы когда-то умрем, Ларисочка, – произнес он недавно, после похорон одного из своих соплеменников, – хотелось бы быть похороненным на нашем еврейском кладбище... – Так что, дорогой Илья, мы обязаны исполнить его волю.

Илья Шербетович слушал Ларису Марковну и удивлялся перипетиям человеческой судьбы: в семилетнем возрасте чудом спасается от погрома; полуживой, обгорелый, потеряв память, попадает к доброму, тоже битому судьбой, человеку; усыновляется и принимает новые имя и фамилию; успешно оканчивает школу, институт, становится большим ученым; женится и судьба, вопреки всем трудностям, дарит ему сыновей – близнецов и в шестьдесят пять лет, когда, казалось – бы открывается завеса прошлого и жизнь наполняется счастьем общения с соплеменниками, такая нелепая смерть от руки неизвестного пока маньяка. Недаром говорят, подумал Илья Шербетович, что у еврея нет широкой столбовой дороги, дороги без рытвин и ям, без внезапного града и ливневых дождей, без разбойников и лжедрузей, без постоянного напряжения и страха за будущее... Но и надежды, словно божественного луча, что все будет хорошо: «Э кумеки худоревоз, гьемме хуб мибу».

– Признаюсь, Лариса Марковна, – прервал свои размышления Илья Шербетович, – я без вашего разрешения звонил в Иркутск...

– И что? – встрепелась напуганная жизнью мать.

– Дозвонился. Дежурный вызвал директора, и тот оказался очень милым человеком, сказал, что неделю назад ему звонил.., – голос Ильи Шербетовича скорбно задрожал, – наш Борис Ефимович, расспрашивал о сыновьях, нет ли у них какой нужды, обещал в воскресенье к обеду позвонить и поговорить ... с ними. Однако ни он, ни сыновья его звонка не дождались. Но когда я ему сказал, что именно в воскресенье его не стало, он был крайне озадачен и огорчен. Спросил, сообщить ли сыновьям, но я без вашего позволения не дал согласия.., – и Илья Шербетович впросительно взглянул на Ларису Марковну.

– Правильно сделал, дорогой Илья, им сейчас и так нелегко, – Лариса Марковна в задумчивости опустила вдруг нежданно посеребrivшую голову. – Я потом, через некоторое время, сама им позвоню и сообщу...

– Он сказал также, что Саша и Ефим поступили на третий курс юридического факультета Иркутского Государственного Университета и дал мне номер своего прямого телефона на случай, если его надо будет срочно найти, вот..., – и Илья Шербетович передал Ларисе Марковне маленький листок бумаги. – Да, чуть не забыл, ректор и сотрудники Университета завтра в назначенное время на двух автобусах, с венками приедут к моргу, правда, были несколько удивлены, что хоронить будут на еврейской части кладбища. Я попросил также в синагоге известить о смерти Бориса Ефимовича всех его знакомых и друзей из числа наших соплеменников...

– Спасибо тебе, Илья., – и удивленно добавила, – ты посмотри, Борис и это успел сделать..., – Лариса Марковна снова заплакала.

– В сегодняшней газете опубликованы некролог и многочисленные соболезнования в связи с трагической кончиной Бориса Ефимовича. Вот, возьми, прочти, – и Илья Шербетович протянул Ларисе Марковне свежую газету. – Эта печальная весть распространилась по Москве с молниеносной быстротой и знаешь, судя по откликам людей науки, можно сказать, что жизнь Борисом прожита не зря... Я горжусь своим другом!

Илья Шербетович невольно обратил внимание, как на, совсем еще недавно, гладком челе Ларисы Марковны пролегли морщины, страшной усталостью наполнился ее всегда такой лукавый и веселый взгляд – горе, что годы, бороздки прокладывает.

«Среди смертей есть и такая, от которой ударишь в ладони и запляшешь, – гласит народная мудрость, – но есть смерть, от которой бежишь, как бешеный.» Если смерть пришла, как естественный ход жизни, в глубокой старости, то в этом случае, по поверью горских евреев плакать и убиваться нельзя, дабы не испугать «домового» – хранителя здоровья домочадцев. Наоборот, следует выражать удовлетворение, что родственник прожил долгую жизнь. Однако, когда смерть приходит от преступной руки злодея, в молодости, да еще к человеку не заслужившего такого конца, в селах ли, где проживали горские евреи, или в городах, куда в последнее время они переселились, лица мужчин суровеют, отличаясь мужественностью, как и все горцы, они внутренне дают себе обет – непременно покарать негодяя, или же просят об этом своего Бога, глубоко веря, что он так и поступит.

Похоронили Бориса Ефимовича с почестями и при большом скоплении народа. После того, как гроб опустили в могилу, раввин прочитал Кадиш – молитву произносимую в день траура. Поскольку дети покойного не присутствовали при погребении, то Кадиш прочитал профессор Абрамов Илья Шербетович, близкий друг покойного, сын и внук раввина, великолепный знаток языка Торы. Читал Илья Шербетович проникновенно, хорошо поставленным голосом, будто не читал, а пел. Спел для друга его последнюю песню. Когда мужчины отошли от могильного холмика, как предусмотрено традицией, с цветами, в накинутых на голову черных траурных платках за Ларисой Марковной и взявшие ее под руку с обеих сторон Оленька и Саняят, подошли к могиле и женщины. Тихий, бесшумный, скорбный, женский плач.

Затем все вместе, на нескольких автобусах поехали на поминки, в кафе, как это принято теперь в больших городах.

Вечером того же дня, попрощавшись, улетел в Махачкалу Илья Шербетович, пообещав прилететь на «сорок дней», когда будет установлен памятник. Примерно в это же время уехали к себе домой и родители Оленьки: Сергей Степанович и Екатерина Ивановна, которая в эти дни ходила в магазин и на рынок за продуктами и сама готовила, дабы не утрудить Ларису Марковну и не отвлекать от встреч с теми, кто приходил выразить ей соболезнование. Правда, когда они узнали, что хоронить Бориса Ефимовича будут по иудейской традиции, что умерший относил себя к каким-то, неизвестным им «горским евреям», а отсюда вытекало, что и дети его такие же, Сергей Степанович стал выражать недоумение и тихое непонимание. Еще до похорон они шушукались об этом с Оленькой.

В последующие несколько дней, до самого отъезда в Ленинград, Саният вдоволь наговорила с Ларисой Марковной, отвлекая ее от печальных раздумий о будущем. Лариса Марковна рассказывала ей о том, как Саша мучился, не получая от нее ответа, как дважды ехал в Махачкалу, как даже много позже, когда они уже уехали в Афганистан на службу, звонил и спрашивал о ней, нет ли писем. Саният же поведала, что она писем от Саши почему-то не получала, что родители вначале были категорически против ее дружбы с Сашей, и как они ее закрыли, чтобы она не смогла пойти на проводы на вокзал, как Хайдар обманул Сашу, сказав ему о мнимом сватовстве. Не упомянула Лариса Марковна лишь о том, что Саша и Ефим уже не в Афганистане, что из армии их уволили, что работают они нынче в каком-то охранном предприятии, где не менее опасно, чем на войне. Однако не забыла известить о том, что близнецы заочно поступили на третий курс юридического факультета...

– А что, они собираются уйти из армии? – невольно вырвался у Саният вопрос.

– Не знаю, – ответила Лариса Марковна задумчиво, – видно у них какие-то планы на этот счет. – Я ведь с ними по прямому телефону говорить не могу, у них нет своего телефона... Как только я сумею до них дозвониться, непременно скажу Саше о тебе и через Илью Шербетовича передам тебе номер его телефона. Ты же говоришь, что письма какм-то образом до тебя не доходят?

– Да, это наилучший вариант. Я через пару недель после возвращения схожу к Илье Шербетовичу, можно?

– Конечно, обязательно сходи...

Ни Саният, окрыленная, наконец, что в скором времени будет иметь возможность говорить с Сашей, ни Лариса Марковна, удовлетворенная тем, что говорила с девушкой и поняла, что она не только не забyla Сашу, а наоборот, всем сердцем тянется к нему, не знали, что жизнь готовит им новые испытания, что впереди еще много тревог и волнений.

17

После многочисленных дипломатических и прочих согласований, гроб с телом господина Танака приготовили для отправки на родину на самолете. Ошеломленный и весьма опечаленный внезапной трагической смертью своего шефа, его верный помощник, Таро, сопровождавший Рокуро в Махачкалу, совместно с юристом и бухгалтером фирмы, за все восемь дней до вылета не знали покоя: произвели ревизию остатков товаров на складах и в огромном торговом центре; опечатали и оповестили население через прессу, что фирма, в связи со смертью хозяина, на некоторое время закрывается; проверили остатки денежных средств в кассах и на расчетных счетах, и установили недоста-

чу тех пресловутых двенадцати миллионов, которые хозяин, якобы, получил наличными по чеку. Они не знали, что хитроумный Хайдар предусмотрел и это, уговорив Танака подписать чек не воскресеньем, когда приехал к нему, а в пятницу, так сказать, в рабочий день. Ничего не подозревавший японец, увидев милую, подкупающую улыбку на лице гостя, согласился и на это. Таро, на всякий случай дал запрос в банк «Горизонт» и получил ответ управляющего банка Алиматова А.А., что господин Танака действительно получил остаток в двенадцать миллионов рублей наличными. Мало того, банк приложил к ответу копию чека. Чем лишний раз привели помощника и бухгалтера в недоумение. «Как мог хозяин, – думал Таро, – получить эти деньги в Махачкале, если он туда не выезжал?» Однако, сверив подпись хозяина на копии чека с образцом, пришел к выводу, что да, хозяин, как-им-то, только ему одному известным, путем побывал в Махачкале и получил деньги, а потому не стал подвергать этот факт сомнению; кроме того, они еще и еще раз дотошно расспрашивали Хацумо – уцелевшую девочку в квартире о том, что и при каких обстоятельствах она видела и слышала. И девочка, пережившая эту страшную трагедию, терпеливо, в слезах, отвечала, что убийцу она видела мельком, сквозь щель между полуоткрытой дверью и боковой стойкой дверной коробки, что и Борис-сан и хозяин называли его, кажется, «Хайтак», что если она его увидит, возможно, узнает. Но как не силились следователи, создать сколько-нибудь удачный, словесный портрет убийцы, им не удалось. Получался он расплывчатым, неопределенным, не индо-европейский, но и не японский тип: широколицый, несколько узкоглазый, но не настолько, как у японца; нос малость выпуклый, средний; цвет волос, кажется темный. Сверив с базой из-

вестных криминальных лиц, следователи сходства не нашли ни с одним из них. Кроме того, неплохой знаток японской культуры, что в значительной степени и послужило их сближению и дружбе с хозяином, Таро знал, что имена людей, являясь неотъемлемой частью лексического состава языка, служат, порой, единственным средством отражения их характера. Поэтому, услышав из уст девочки имя «Хайтак», он сравнивал его с японским именем «Хотака» и не верил, что человек с таким благородным именем мог совершить преступление. Но, главное, о человеке с таким именем, насколько ему было известно, ни в Москве, ни где-то в ближайшем окружении хозяина, он не слышал и не знал. Правда, ознакомившись со словесным портретом убийцы, помощнику Танака показалось, что он где-то видел этого человека или он туманно напоминал о ком-то, но все его попытки вспомнить или хотя бы отдалённо вызвать в памяти подобный образ, ни к чему не привели. И он, второй раз усомнившись в самом себе, казалось, вычеркнул из головы эту мысль. Так часто бывает в жизни: робкий, ненастойчивый от природы человек, не только сам не решит поставленной задачи, но отведет от этого и другого.

Между тем у дома на Садово-Кудринском перестали останавливаться друзья и знакомые погибших.

Тело Бориса Ефимовича, как известно, уже было предано земле, а гроб с телом японца готовили к длительному перелету.

Следователи проверяли одну версию за другой и отбрасывали их, все больше склоняясь к мысли, что таким безжалостным способом мог убить только заезжий «гастролер», которого навели на богатого японца кто-то из знающих его людей, а сосед, мол, случайно попал под руку.

Лариса Марковна, проведив Саният, взяла с нее слово, что та непременно по возвращению домой, будет ей звонить, сама твердо решила немедленно позвонить близнецам и рассказать о нелепой смерти отца и обо всем, что произошло в семье в последнее время. Однако, известно, что камень падает на ноги хромоту. Не знала, не ведала эта сдержанная и мужественная женщина, что в след за одной бедой, к ней торопится вторая...

Свое дело делала и пресса. Перед самым вылетом Таро с Хацумомо, которых попросили сопроводить гроб с телом хозяина, в известной центральной газете была опубликована обширная аналитическая статья, с портретами убитых бизнесмена и его соседа – ученого, в которой бралась под сомнение способность следственных органов к раскрытию данного преступления. Купив несколько экземпляров этого номера газеты, Таро, опечаленный предстоящей встречей с родственниками Рокуро Танако, посадил девочку – гейшу в машину и направился в аэропорт.

* * *

В тот день, когда в Москве хоронили Бориса Ефимовича, директор ЧОП(а) в Иркутске Косорук В.М., вызвал к себе одного из братьев-близнецов и, сдержанно улыбаясь, произнес:

– Для вас, Ефим Борисович, есть две приятные новости: первая поступила двадцать дней назад, когда я улетал по вызову в Новосибирск и потому, к сожалению, не имел возможности тогда же вам сообщить о ней, а вторая получена только что, будто специально к первой...

– Какие же, Валентин Михайлович? – улыбнулся Ефим.

– В этом и секрет, Ефим Борисович. Если отгадаете, то получите приз, – загадочно ответил директор.

– Интересно... Думаю, что родители и жена каким-то образом узнали где мы находимся и сообщили о рождении сына..., – не пряча счастливого блеска в глазах, уверенно ответил Ефим, – так, Валентин Михайлович?

– Уже теплее, – также обрадовано ответил руководитель и добавил, – а вторая?

– Думаю... звонил Лядов, больше некому..., – ожидающе сказал Ефим и взглянул на Валентина Михайловича.

– Совсем тепло, молодец! – похвалил его директор. – Да, он хочет передать тебе договор на строящуюся квартиру, и потому просил срочно приехать к нему в офис. Очень рад, от души и поздравляю! Вообще, должен сказать, он доволен тобой и твоей службой, так держать. Но это не все, вот тебе обещанный приз, – и Валентин Михайлович протянул Ефиму красивый дорогой радио телефон. – Таких сегодня в нашем городе четыре, завезли из Японии, но два из них у нас: один у тебя, другой у меня. Поздравляю! Теперь ты можешь звонить и говорить не только с Лядовым, но и с кем тебе захочется...

– Спасибо, Валентин Михайлович, это очень дорогой подарок, – растроганно сказал Ефим и сердечно пожал протянутую директором руку. Потом, попрощавшись, кинулся к выходу.

Обрадованный столь великой щедростью судьбы, Ефим хотел вначале поделиться всем этим с братом, но не застав его в квартире, вышел во двор, сел на служебную машину и попросил водителя отвезти его к Лядову. Тот встретил его радушно, усадил за стол и улыбнувшись спросил:

– Сказал тебе Валентин Михайлович по какому поводу пригласил, в выходной день не дал отдохнуть?

Ефим согласно кивнул и улыбнулся.

Лядов открыл сейф и извлек из него тоненькую серую целлофановую обложку для бумаг и протянул Ефиму.

– Вот здесь договор на покупку не двух, как я говорил вначале, а трехкомнатной квартиры. И знаешь почему? – вдруг весело спросил Лядов.

Ефим вопросительно взглянул на Лядова.

– Да потому что я сегодня утром узнал от Косокурова В.М., что у тебя действительно родился сын, и тут же послал юриста и переделал договор. – Лядов, радостный встал, подошел к Ефиму, обнял его и сердечно произнес, – поздравляю, Ефим Борисович, здоровья вам всем и счастья в новой квартире!

Ефим растрогался от такой братской встречи и вручения прямо-таки царского подарка:

– Спасибо, Алексей Сергеевич, вы меня по-царски одарили!

– Я это сделал с дальним прицелом, Ефим Борисович, – усаживая его за стол, широко улыбаясь, говорил Лядов. – Во-первых, что бы ты назад, в сторону Москвы не смотрел. Теперь Иркутск должен стать для тебя и твоего сынишки родным; во-вторых, честно, по-мужски говорю, ты мне по-душе, лучшего помощника мне не надо; в-третьих, твой пример заразителен, может и мне закусить удила и жениться?!

– Во было бы здорово, – радостно воскликнул Ефим и встал со своего места, – ловлю вас на слове, Алексей Сергеевич, буду шафером на вашей свадьбе...

– И братом, и другом, а значит и шафером, – согласно, улыбаясь, сказал Лядов и добавил, – но пока, суть да дело, мы отметим твой праздник, пойдем в другую комнату, там тебя сюрприз ждет, – и загадочно улыбаясь, Лядов повел Ефима в соседнюю комнату.

За царский накрытым столом, кроме работников фирмы Лядова, сидели Саша и директор ЧОП(а) Ко-

соруков В.М., которых Лядов приказал привезти как только Ефим приехал к нему.

– Уважаемые друзья!, – Поднял тост Лядов, в бодром и радостном настроении, – у нашего сотрудника и общего друга Ефима Борисовича Огнина сегодня радостный день: нам и ему стало известно, что у него родился сын – будущий гражданин города Иркутска и одновременно он получил, как называли раньше, ордер на трехкомнатную квартиру в строящемся доме. По секрету вам сообщу, что дом обещают сдать через три месяца. Давайте все вместе, стоя, с полными бокалами и возгласом «Виват» поздравим его с этими счастливыми событиями!

Прозвучало громкое многоголосое: «Виват!», после чего, в течение часа были еще поздравления и добрые пожелания покрасневшему от выпитого Ефиму. Саша обнимал брата, и ничуть не меньше чем он, радовался за него. Впервые в жизни, без всякой зависти он чувствовал себя обойденным. И когда уже собирались расходиться, Лядов попросил Ефима задержаться и рассказал о предложении какого-то его давнего «кореша» сыграть завтра, в середине дня, в пейнтбол. Лядов протянул Ефиму план местности, правильнее сказать, огороженного лесного массива, где предстояло провести встречу.

Просмотрев план местности, где предстояло завтра играть, Ефим в недоумении взглянул на Лядова и спросил:

– Где этот массив расположен?

– На окраине леса, в пяти верстах от завода по переработке слюды, – ответил Лядов улыбаясь, – мы уже там играли в прошлом году...

– Необходимо бы поехать и посмотреть, Алексей Сергеевич, – озабоченно сказал Ефим, – время нынче беспокойное, надо быть осторожным...

– Не трусь, Ефим Борисович, – улыбнулся Лядов, – а поехать..., давай сейчас и поедем, – и направился к выходу.

В дороге молчали, Где-то минут через тридцать на высокой скорости приехали к огороженному лесному массиву, где, по словам Лядова, они в прошлый раз играли в пейнтбол. Дощатая изгородь для злоумышленника, конечно, особого препятствия не представляла. Но с учетом того, что с двух сторон будут стоять судьи, которые контролируют соблюдение игроками правил игры, а так же снуют игроки той и другой команды, то вероятность перелезть на площадку незамеченным незначительная. Правда в том случае, если тот, кто собирается это сделать, заранее все не предусмотрел, поэтому Ефим осматривая штабной шалаш, недовольно спросил:

– Вам, Алексей Сергеевич, эта игра очень нужна?

– Ефим Борисович, что за вопрос?– улыбнулся снова Лядов. – Я уже дал согласие, на кону крупные бабки..., я своего кореша знаю давно, на него можно положиться...

– Кроме вас двоих еще кому-либо известно о завтрашней игре?– не унимался Ефим.

Лядов задумался.

– Нет, кроме того, мы договорились вдоль всей изгороди усилить охрану, – добавил он, – да не волнуйтесь вы, Ефим Борисович.

– Не хотелось бы испытать, Алексей Сергеевич, еще одно покушение, как на прошлой неделе, – задумчиво проговорил Ефим. – Тогда ведь чудом спаслись, помните?

– Ну и что? Всю жизнь прятаться нельзя, Ефим, – обняв своего телохранителя за плечи, ответил Лядов. – Волков бояться, в лес не ходить.

– Это так, Алексей Сергеевич, но береженого Бог бережет, – как-то по взрослому ответил Ефим. – Тот кто на вас покушался на прошлой неделе, Алексей Сергеевич, так просто не успокоится... Мы, конечно, его малость утихомирили, однако место это слишком открытое и не стоит снова испытывать судьбу...

– Судьба, Ефим Борисович, постоянно играет с нами, – улыбнулся снова Лядов, – и пока она слава Богу, нас не подводила... Не волнуйся, все будет хорошо...

Ефим посмотрел на улыбающегося Лядова, задумчиво опустил голову и направился за ним к машине.

В эту ночь Ефим спал плохо: долго ворочался, стонал, будто кто-то прокалывал пятку левой ноги, а к утру приснился сон, будто ему вырвали пару зубов и из десен полилась кровь... Молодым несвойственно задумываться над снами, они к утру о них вообще забывают.

* * *

В тот же день, когда Таро и Хацумо поднимались в самолет в аэропорту Шереметьево, в Махачкалу прилетел следователь прокуратуры, который вел дело по убийству гражданина Японии – Рокуро Танака и советского ученого Огнина Бориса Ефимовича. Ему предстояло побывать в банке «Горизонт» и поговорить с его управляющим Алиматовым Алиматовичем о том, каким образом господин Танака, не выезжая из Москвы, поскольку ни с одного аэропорта он в тот день, когда был выписан чек, не вылетал, мог получить деньги в банке. Следователя встречал работник прокуратуры Дагестана и управляющий банком Алиматов.

Надо сказать, что предстоящий прилет следователя всполошил председателя совета акционеров банка, а фактически его хозяина, Хайдара Мурадова

не на шутку. Успокаивало лишь то, что его выезд из Махачкалы в сторону Москвы ни накануне убийства, ни в дороге туда и обратно – на постах ГАИ под его фамилией не регистрировалась, а «Тойота» была перекрашена в серебристый цвет за два дня до выезда и номера были автомашины из Нальчика, хозяин которой год назад погиб в автомобильной катастрофе на Крестовом перевале. Как ни странно, машина эта снята с учета не была.

Хитроумный Хайдар и его сообщники предусмотрели в своем зловещем плане и такой вариант. Теперь, когда стало известно о прилете следователя, надо было подготовить сотрудников банка, которые фактически эту операцию провели документально, но, как известно, без самого господина Танака. Человек под видом Танака, фотографию которого Хайдар размножил и дал работникам банка для ознакомления, вначале подошел к охране, и как все другие клиенты, получающие свои сбережения, прошел к управляющему, на имя которого пришло требование от Танака по почте, здесь на требовании была поставлена резолюция к операционистке, которая, оформив все необходимые документы и, убедившись в подлинности чека и паспорта господина Танака, передала их в кассу, где клиенту были отпущены деньги, которые он уложил в чемодан и покинул банк.

Если мол возникнут вопросы:

– Сопровождал ли господина Танака кто-нибудь?

Охрана при входе и внутри зала в один голос должны сказать:

– Нет, не было...

– Как вел себя господин Танака?

Операционистка и кассир должны ответить:

– Он торопился, говорил, что его ждет машина и он должен куда-то ехать...

– Не было ли на его лице признаков страха ли волнения?

Но всей этой репетиции вначале не потребовалось. Следователь принялся за проверку, прежде всего, наличия денежных средств в банке вообще, словно, до приезда сюда, он уже с кем-то говорил и кое-что узнал о состоянии банка. Затем, когда он убедился, что в банке на данное число в наличии было более пятнадцати миллионов (хитроумный Хайдар, по совету опытного банкира в прошлом, предусмотрел и это), проверка следователя пошла по тому самому сценарию, которая была разыграна здесь заранее. И он уехал, как говорится, несолоно хлебавши. Правда, справедливости ради следует сказать, что на душе опытного следователя осталось ощущение какой-то «прилизанности», разыгранной «комедии», лучше сказать, натянутости. Но при отсутствии фактов вины банка эти ощущения, так сказать шестое чувство к делу не пришьешь. Лишь, много позже, когда, по стечению обстоятельств, пришлось вернуться к этому эпизоду, он понял, что шестое чувство его все же не обмануло.

* * *

Будучи в Ленинграде, уже в последние дни своего пребывания, Санянт купила номер центральной газеты, в которой автор довольно скрупулезно рассматривал работу следственных органов по поводу нашумевшего убийства в столице и тщетности их попыток раскрыть его. Читала она статью очень внимательно и ее поразило в ней два обстоятельства, мимо которых она не могла пройти. Прежде всего, это то, что бизнесмен – японец, за два дня до своего убийства, непонятно каким образом побывал в Махачкале и получил двенадцать миллионов рублей в банке «Горизонт», хозяином которого, как она знала наверняка,

был небезизвестный Хайдар Мурадов. «Отец утверждает, подумала Саният, что за внешней его добротой и порядочностью скрывается страшный человек». Она вспомнила, как в последний раз, перед самым ее отъездом в Ленинград, отец с матерью за чайным столом снова, в который раз напомнили, чтобы она всячески избегала встреч с Хайдаром, что он очень плохой, лучше сказать злодей, что они даже подумывают об обмене квартиры, дабы не встречаться не только с ним, Хайдаром, но и с его родителями.

Второе и самое главное, на что она обратила внимание Саният, журналист приводил в статье заявление девочки – японки, которая видела убийцу своими глазами, и что обе жертвы называли его «Хайтак». «Мамочка моя!– подумала девушка, – Неужели это Хайдар? Но как он оказался в квартире японца, откуда он его знал?» Эти вопросы все больше занимали Саният и она искала на них ответы. Правда журналист писал далее, что следователь, побывав в Махачкале, расследовал все аспекты данного вопроса и вины банка и его работников не установил. «Девочка – японка, не знающая русского языка, – думала тем временем Саният, – могла последние буквы этого имени не слышать или просто-напросто не понять...»

Саният боялась даже думать о том, чтобы каким-то образом расспросить обо всем этом Хайдара. Отец предупреждал ее, что всякие разговоры с Хайдаром по поводу его преступной деятельности для собеседника чреватые. Поговорить с отцом на эту тему она тоже не решалась, так как он сразу догадается об ее пребывании в Москве и тогда она потеряет всякое его доверие. Нет, этого тоже делать нельзя. И Саният всю дорогу только об этом и думала, и пришла к единственному выводу: будучи у Ильи Шербетовича, не

только расспросить его о вестях от Ларисы Марковны, а значит и от Саши, но и рассказать ему о своих предположениях.

Да, Саният не переставала думать о Саше, вопреки всем и всему, продолжала его любить. Она не сумела этого скрыть от Ларисы Марковны, которая, даже убитая горем, поняла это и сделала для себя единственно правильный вывод: помочь и сыну, о чувствах которого к этой милой, очаровательной девушке она знала, и самой Саният, которая все эти дни только о нём и говорила, чтобы они нашли, наконец, друг друга на всю жизнь, и любой ценой помешать этому, как назвала его Саният нежеланному и противному Хайдару, ещё раз оторвать её от Саши.

Теперь, когда она знала адрес и телефон его семьи и у неё оставалась, кроме любви и веры в него, надежда, что в скором времени встретит и его самого, Саният, словно окрепшая после болезни птица, расправила свои крылья и приготовилась к длительному полёту. Вера помогала ей выстоять, надежда, чтобы найти выход из трудной ситуации, а любовь – продолжать жить.

* * *

В минуты природных катаклизмов звери забывают о взаимной вражде и группируются, оцетинившись на стихию. Угрозу, которая нависла над ним, а значит и над всей его сворой, которая в последнее время превратилась в обширную стаю, почувствовал и Хайдар. Прочитав газеты, где журналисты приводили всё новые и новые факты в деле по нашумевшему убийству, он понимал, что если кто –нибудь из знающих людей сопоставит его имя с именем, о котором говорит девочка-японка следствие непременно выйдет на него. И имея в запасе некоторое время, он принимает необхо-

димые меры предосторожности. Прежде всего, разобрал и разбросал по многочисленным ремонтным мастерским, которых за последние несколько лет стало хоть пруд пруди, «Тайоту». Стал меньше ездить по городу на своём «Мерседесе», а предпочёл бывшее в употреблении «Жигули». Кроме того, сам за руль не садился. Перестал ездить в рестораны, приглашать в свой шикарный дом проституток, друзей и соратников по грабёжам и убийствам, на некоторое время затих, как будто его не стало. Правоохранительные органы обратили внимание, что в городе резко сократилось количество преступлений.

В тот же день, когда вернулась Саняйт, её «живая тень» представила Хайдару подробный отчёт о том, что она останавливалась в Москве, была в доме №... на Садово-Кудринской и по существу там прожила несколько дней. Облачившись в чёрный платок, под руку с неизвестной Ларисой Марковной, принимала участие в похоронах какого-то учёного Огнина Б. Е., которого убили. Потом уехала в Ленинград, остановилась в гостинице, побывала во множестве музеев, в Планетарии, в Кунсткамере, ездила в Петродворец любовалась его фонтанами и парками. Ни в гостинице, ни в городе, а также в вагоне поезда, ни с кем не встречалась. Единственное её занятие было чтение книг и газет.

«Если она прочитала газету, в которой рассматривалась деятельность следственных органов по убийству, то она может сравнить имена и насторожиться», подумал Хайдар и решил проверить свои подозрения. Он ждал её почти три-четыре часа. И когда Саняйт вышла погулять в центральный сквер около дома, Хайдар, как из под земли, вышел ей навстречу:

– О, Саняйт, здравствуй! – приветствовал девушку Хайдар и улыбнулся, показав красивые ямочки на щеках. – Давно тебя не видел, где ты пропадаешь?

«Небось, всё знаешь, – подумала Саният, с внутренним возмущением – твои ищейки за мной по пятам ходят.., а может, и ездят...» И насторожилась.

– Я была в Москве и Ленинграде и привезла очень много впечатлений призналась девушка и сделала вид беспечной гуляки.

– Что ты говоришь?! Если бы я знал, непременно поехал бы тоже, – как будто с сожалением произнёс Хайдар и добавил, – давно ни в Москве, ни в Ленинграде не был...

«Почему ты мне это говоришь? – мысленно спрашивала Саният этого красивого хищника, что ты мне хочешь внушить? И почему мне? Почему? Что тебя напугало, что ты меня дожидался?» Одно было ясно, что Хайдар хочет о чём-то узнать. Девушка поняла, что надо любой ценой заговорить о чём-то другом.

– Хайдар, это правда, что к нам приехали артисты Московской эстрады? – будто только об этом и думала, неожиданно спросила Саният.

– Да, завтра они дают концерт в Русском театре, – нашелся Хайдар и предложил – Может, сходим? Я возьму билеты...

– Завтра? Какая жалость, я завтра приглашена на день рождения подружки, – с сожалением ответила Саният и, хотя была осведомлена обо всём этом, намеренно спросила, – а что, они у нас только один день?

– К сожалению, да, послезавтра они уедут в Нальчик, – неудовлетворённо ответил Хайдар и неожиданно предложил другой вариант. – Хочешь, поедем в Нальчик и там сходим на их концерт?

– Какой ты молодец, Хайдар, но я как ты понимаешь, этого сделать не могу, – с видимым сожалением сказала девушка и добавила – До свидания. Извини, мне надо идти.

– Жаль, – сказал Хайдар и хотел тоже пойти в обратную сторону, но остановился и добавил: – Может, встретимся, Саният, а то ты совсем исчезла?

– Через несколько дней начало учебного года, – словно разочарованно сказала Саният, – теперь уж совсем свободного времени не будет. Ну, пока.., – и ушла.

Конечно, своему сыщику Хайдар не мог сказать о том, что его насторожило в его отчёте. Однако причин для беспокойства у него прибавилось, и теперь он не спускал с девушки глаз, установив за ней почти на весь день наблюдение. Соглядатаю было дано строгое указание: знать о том, с кем она встречается и по возможности установить, о чём они говорят. Дело дошло даже до того, что была сделана попытка прослушивания их квартирного телефона, однако рабочие, производившие на чердаке дома ремонтные работы, неосторожно задели этот «тайный» провод и оборвали его. Теперь, не вызвав подозрения, попасть на чердак снова было невозможно, так как даже в первый раз соседи обратили внимание, что туда лазят какие-то сомнительные люди.

Доложили Хайдару и о том, что Саният ходила в дом профессора Абрамова, правда, о чем они говорили было неизвестно. Но то, что студентка, возможно по чьей-то протекции, обратилась к преподавателю ВУЗа, подозрений не вызывало, хотя узнай он о том, что они знакомы и встречались в Москве на квартире убитого ученого, это бы его крайне насторожило. Однако, спросив Илью Шербетовича о вестях из Москвы и, получив отрицательный ответ, девушка не решилась рассказывать ему о своих подозрениях и быстро ушла. Поразмыслив некоторое время, Саният решила сходить на почту, позвонить Ларисе Марковне домой и спросить нет ли известий о Саше и как та себя чувствует, но повременила это делать сама, так как боялась слежки, ибо

какая-то тень постоянно преследовала ее. Девушка попросила это сделать близкую подругу, тем более вопросы, которые она должна была задать Ларисе Марковне, ничего секретного не содержали. Подруга извинилась, сказав, что сама Саният позвонить, по известным ей причинам не может, но очень волнуется за них. Однако Лариса Марковна положительного ответа не дала, пообещав в скором времени позвонить.

Что же касается Хайдара, то предчувствие его все-таки не подвело. Всю неделю чуть подсказывало ему, что надо ожидать каких-то неприятных неожиданностей, что действительно случилось как раз в тот день, когда он оставил Саният и, не зайдя на работу, поехал домой. Не успел он переодеться и сесть за накрытый домработницей стол, как кто-то, кого он не ждал, позвонил в ворота.

– Мы из прокуратуры, – заявили в домофон, – откройте, пожалуйста...

Хайдар открыл калитку в воротах. Вошли трое: двое из них представили удостоверение работника прокуратуры республики, а третий – сотрудника ГАИ.

– Что вам угодно? – недружелюбно спросил Хайдар, с твердым намерением выдворить их немедленно со двора.

– Вот, знакомьтесь, ордер на обыск, – один из работников прокуратуры протянул Хайдару бумагу, – однако, пока они будут искать серебристую «Тойоту», я бы хотел с Вами поговорить, Хайдар Омарович.

Хайдар подошел к белому пластмассовому столу, поставленному в беседке, сел на такое же белое кресло и предложил незваному гостю:

– Садитесь, раз уже пришли...

– Спасибо, – также холодно ответил представитель закона, – скажите, Хайдар Омарович, где Вы были последние 10 дней?

– Ха..., – ухмыльнулся Хайдар, – на работе и дома, – а сам удовлетворенно подумал: «Хорошо, что я всех предупредил, даже домработницу... Один уехал несолоно хлебавши. Так же уйдете и вы...»

– Кто подтвердит это? У вас есть свидетели? Опишите по дням: с кем встречались, где и примерно в какое время...

– Вначале скажите, в чем меня обвиняют? – спокойно, не теряя самообладания, спросил Хайдар. – А потом я отвечу на ваши вопросы...

– Вы подозреваетесь в убийстве. Это все, что я на данном этапе могу вам ответить.

– Я, в убийстве..?

– Да, вы, Хайдар Омарович! – выделяя каждое слово, ответил следователь и добавил, – Пока подозреваетесь...

– Что ж, пожалуйста, постараюсь вспомнить, – и начал писать.

В это время к следователю подошли двое других, которые обошли весь двор, гаражи, где стоял «Мерседес» и старенькие «Жигули», на котором в последнее время ездил хозяин и один из них развел руками и доложил:

– Ничего нет, Сиражутдин Ахмедович...

– Хорошо посмотрели?

– Да, – в один голос отаешили те, кто шарили по двору.

– Скажите, Хайдар Омарович, – обратился следователь, которого назвали Сиражутдином Ахмедовичем, у вас есть еще другие автомашины, серебряная «Тойота», например?

– Нет, других нет, а серебряной «Тойоты» и в помине не было, – спокойно ответил Хайдар.

– Как же так, Хайдар Омарович, – заметил следователь. – Вот, например, автоинспектор Калкаев ут-

верждает, что в прошлый четверг, на рассвете, когда он дежурил, вы выехали из Махачкалы на северную сторону?

– Да, мне так показалось, – не твердо подтвердил автоинспектор.

– Может ему померещилось? – обезоруживающе улыбнулся Хайдар, показав красивые ямочки на щеках. – Не мог он меня видеть, он ошибся.

– Да, кажется, я ошибся, – признался автоинспектор, – это был не он...

За то время, пока Хайдар, вспоминая проведенные последние 10 дней, неторопливо заполнял уже пятую страницу, вернулись ни с чем и проверяющие.

– Вот, кажется, все, что я помню, – сказал Хайдар и передал следователю заполненные листки.

– Вы помните, что в четверг и в пятницу прошлой недели были на работе и дома, так? – обратился следователь к Хайдару. – Что скажет по этому поводу ваша домработница?

– А вы спросите у нее, – спокойно и уверенно ответил Хайдар и кликнул в открытую дверь дома, – Маржанат, подойди к нам!

Из дома вышла женщина лет 30–35 и подошла к мужчинам.

– Вас зовут Маржанат? А фамилия ваша какая? – спросил следователь.

– Кадырова Маржанат.

– Скажите, пожалуйста, Маржанат Кадырова, в последние 10 дней Хайдар Омарович, вот, хозяин этого дома, куда-нибудь уезжал? – выделяя каждое слово спросил ее следователь.

– Десять дней? – переспросила женщина, подумала немного и твердо сказала, – Нет, уважаемый, утром уезжал на работу, а в обед приходил обратно, потом опять уходил на работу и снова возвращался домой.

– Прямо примерный семьянин, – с сарказмом заметил следователь. – Он же молодой человек, неужели никуда не ходил?

– А зачем? – в свою очередь спросила домохозяйка и добавила, – К нему иногда друзья приходили, один или два раза и девушки были. Но одно знаю точно: ночью спал дома, утром уезжал на работу, а вечером возвращался. Нет, никуда не уезжал, уважаемый...

«И на работе сегодня все в один голос заявили, что все 10 дней Хайдар Омарович был в своем кабинете, если не считать одного или двух часов, когда он по делам службы куда-нибудь уезжал.» – подумал следователь и тоже пришел к убеждению, что подозрения на Хайдара Омаровича не обоснованны, лучше сказать ошибочны.

Извинившись перед хозяином дома, проверяющие уехали, оставив его в полной прострации. Хайдар понимал, что не предусмотрел он все эти моменты заранее, его бы ничто не спасло. Не уберечься бы ему и от грозящей беды еще и потому, если бы люди, которые его окружают на работе и дома не подтвердили его алиби. «Но ведь это...люди, – подумал Хайдар и горько ухмыльнулся, – достаточно мне лишь одного из них обидеть, как он побежит к этому самому следователю и все выложит... Поэтому надо быть начеку, хотя бы на несколько месяцев, пока все не уляжется...»

Людям свойственно надеяться на лучшее, но редко кто задумывается, что сказано: «Твори добро и не делай зла – каждому воздается по его деяниям».

18

В последний день августа 1987 года Иркутск, как и вся страна, жила в ожидании нового учебного года. Как всегда, взяв своих детей за руку, из магазина в

магазин сновали родители, большей частью, матери – одиночки, в поисках школьной формы, истрепавшегося за год портфеля, всевозможных учебников, дневников, тетрадей и других школьных принадлежностей, главным образом, для первых – четвёртых классов, не забыв при этом, купить букет цветов для учителей. Так уж устроен человек, пока не припрёт, он не торопится.

А в середине этого же дня, в назначенное время, два, теперь уже известных бизнесмена, два «кореша», обременённых тяжкими грехами прошлых лет: поборами, грабежами и убийствами и накопившие за счёт этого огромное состояние, вместе со своими командами из семи человек собрались в лесном массиве, на специально отведённой площади в 4 квадратных километра, для игры в пейнтбол. Если для членов обеих команд это была игра в «войнушки», то для их хозяев – развлечение, способ выпустить накопившийся в крови адреналин. Кроме того, победитель в этом развлечении получал у противника в качестве вознаграждения 50 тысяч «баксов».

Как говорится, всё новое – это давно забытое старое, только в новой одежде. И пейнтбол – не исключение. Он пришел к нам сравнительно недавно на смену уличной игре быстроногих мальчишек провинциальных городков, которая называлась «красный» и «синий», только без ружей (маркеров) и стрельб. Красные и синие лоскуты, привязанные к деревянным электрическим столбам на улице, легко заменяли флаг той или другой команды, который за счёт скорости и хитрости бегуна доставался победителю. Теперь, за короткий срок, пейнтбол стал популярным и приобрел многочисленных любителей. И судя по тому, что игра эта, без особых финансовых затрат, давала организаторам, главным образом, руководителям компаний активно

работать с коллективами, сочетая отдых и работу, она завоевала сердца даже тех, кто предпочитал малоподвижный образ жизни.

С большой охотой стали играть в пейнтбол и охранные структуры, поскольку он легко выстраивал реальную боевую ситуацию. И делали это потому, что пейнтбол создаёт условия стрессовой ситуации и у игроков отрабатывается понимание взаимовыручки без причинения друг другу физического ущерба.

Лядов и его «кореш» разыграли какая команда и на какой стороне поля будет играть и договорились, что «бойцы» Алексея Сергеевича наденут камуфляжную форму зелёно-серого цвета, а противник – форму синюю. Приглашенные двое судей и инструктор привычно провели инструктаж, предупредив лишний раз: обязательно носить защитные маски на игровом поле и пристрелочных зонах, категорически не стрелять в зайчиков, белочек, птичек, судей и пораженных игроков, а также в противника с расстояния менее 5 метров и в открытые участки головы. При выходе с поля маркер (ружьё) надо ставить на предохранитель.

Сколько бы раз игроки не участвовали в подобных состязаниях, инструктор посчитал своим долгом проверить готовность маркеров к стрельбе и наличие в фидерах шаров. Шарики (пули) в них с экологически чистой растительной краской, которая легко смывается с одежды водой, а желатиновая оболочка растворяется. После такой тщательной и показательной работы, командам было дано разрешение разойтись на исходные позиции. Судьи стали на разделительной полосе с обеих сторон игрового участка и игра началась.

Задача каждого «бойца» – захватить флаг противника и доставить его своему командиру, а для это-

го надо «уничтожить» большую часть живой силы противника и пробраться в его штаб – в шалаш – укрытие от дождя, где хранится символическое знамя противника.

Переодевшись в камуфляжную форму, Ефим стал у шалаша и осмотрелся. Он должен был в прямом и переносном смысле, охранять командира. Но какое-то чувство неудовлетворённости, лучше сказать, грозящей опасности не покидало его со вчерашнего дня. Его крайне тревожило, что здесь, в этом густом лесу, за каждым кустом, любой наёмный убийца может чувствовать себя вольготно и оказаться тот киллер, которому неделю назад не повезло в другом месте, Лядову бы не сносить головы. И поэтому Ефим осмотрел в радиусе 100 метров все кусты и деревья до самых макушек, просмотрел все места вдоль изгороди, где мог затаиться враг, чтобы совершить своё подлое дело. Он не мог позволить, чтобы по его недосмотру случилась беда, чтобы не дай бог, убили человека, который проявлял к нему отеческую заботу.

Однако охоту за Лядовым вёл не наёмник, не человек, который продал свою душу из корысти, нет. Это был сравнительно молодой человек, лет тридцати пяти, который ценой невероятных усилий создал в Слюдянке, районном центре Иркутской области, небольшое уникальное предприятие по выпуску слюдяных электрических конденсаторов, которые изготавливались из отходов слюдообрабатывающей фабрики. Сказать, что молодой человек вложил в это дело всё, что имел, значит, ничего не сказать. Он продал квартиру, которую оставила ему мать после своей смерти, продал все её драгоценности, даже библиотеку свою, которую с любовью собирал всю жизнь. И всю выручку от этих продаж вложил в своё производство. Можно сказать, что созданное им предпри-

ятие, где работали не просто труженики, а соратники, сподвижники по общему делу, стало смыслом его жизни. И вот, когда предприятие встало на ноги, и стало приносить плоды, как посаженное и выращенное дерево, к нему пришли посланцы Лядова – банда головорезов, которые поставили условие: либо жизнь, либо переписать своё детище на имя одного из негодяев этой своры.

После многих поисков и расспросов молодой человек нашел местонахождение Лядова и пришел к нему. Тот сидел на мягком диване ипил коньяк.

– Ну? – многозначительно произнёс хозяин.

– Алексей Сергеевич, – представившись обратился он к Лядову, – я знаю, вы можете и убить и помиловать. Я вложил в своё предприятие всё своё состояние. Отобрав его у меня, я остаюсь без средств к существованию, по-существу, нищим. Прошу вас, не делайте этого. Вы без этого предприятия не обеднеете, как говорится, одним меньше, одним больше, а для меня – смысл жизни..

– Я тебя выслушал, – процедил Лядов во хмелю, – тебя никто с предприятия и не гонит, работай, будешь получать неплохую зарплату...

– Но ведь это моё предприятие, – резонно возразил молодой человек, – вы отобрали его у меня...

– Скажи спасибо, что не отобрали и жизнь, – «хотя надо было сделать и это», – подумал Лядов.

– Как?

– А вот так. Было... и сплыло, – ухмыльнулся Лядов злорадно, – а теперь убирайся, и чтобы тебя я больше не видел!

И молодой человек «убрался», с твёрдым намерением восстановить поправную справедливость. Он исчез, однако за год после этого разговора при загадочных обстоятельствах были убиты все, кто один за

другим становились «хозяевами» этого предприятия. Лядов рвал и метал, нанял шайку ищеек на поиски убийцы, стал подозревать своих конкурентов и на этой почве устраивал разборки, но найти «мстителя» не сумел. Мало того, уже в четвёртый раз он сам чудом уходил от возмездия, теряя от рук «мстителя» своих громил. «Мститель» стал тенью Лядова и последний раз он сохранил свою жизнь лишь благодаря Ефиму, которого «мститель» просто пожалел, разузнав о нём подробнее.

Сегодня случайно узнав от одного из членов банды «Кореша» о предстоящей игре, «Мститель» решил покончить с Лядовым навсегда. Для совершения акта возмездия он выбрал такое место, разглядеть которое было недоступно даже самому опытному телохранителю. Он видел со своего тайника как Ефим разглядывал вокруг шалаша все кусты и деревья, видел в оптический прибор как тот беспокоится за своего босса, не ведая, что на совести этого зверя в человеческом облике, море крови ни в чём не повинных людей. И что акт, который он совершит сегодня, самый справедливый, ибо к этому взывают души тех, которых он погубил.

Лядов неожиданно оказался на прицеле «Мстителя» и тот готов был нажать на спусковой крючок, если бы Ефим, сам не зная того, не закрыл его своим телом.

«Ну что ты делаешь?! – в сердцах возмутился «Мститель» и остановил выстрел. – Что ты лезешь под пулю, неразумный? – мысленно спрашивал он Ефима, – Не надо подставляться за этого паскуду!...»

Конечно, Ефим этих предупреждений не слышал. Мало того, он не знал и того, что жизнь Лядова в эти секунды висела на волоске. Все действия, все мысли Ефима были направлены на то, чтобы сберечь своему

несговорчивому шефу жизнь. Он постоянно чувствовал опасность. Нельзя сказать, что Ефим не слышал о «геройствах» Лядова в недалёком прошлом – осведомителей хватало. Всё же последующие поступки Лядова, в том числе и в отношении лично его, своего телохранителя, говорили за то, что шеф не совсем ещё потерянный человек.

Однако Лядов снова оказался на прицеле «Мстителя» и тот нажал на спусковой крючок. И в те же доли секунды, когда между Лядовым и пулей оставались метры, Ефим поднялся со скамеечки и повернулся к нему лицом, видно, хотел шефа о чём-то спросить, как пуля сразила его в самое сердце. Он, не успев даже охнуть, словно скошенный упал на землю.

– Ах ты, напасть какая! – в сердцах недовольно воскликнул «Мститель». – Теперь я убийца! – И следующую пулю без всякого сожаления послал прямо в лоб Лядову...

Лишь через полчаса «бойцы» «Кореша», оказавшись в шалашике противника, обнаружили два окровавленных трупа и подняли тревогу.

Весть эта ошеломила весь город, особенно шпану, у которой Лядов ходил в «авторитетах». Всполошилась и милиция, по указанному адресу немедленно была направлена следственно– экспертная группа. Директор «ЧОПа» Валентин Михайлович Косоруков, отправив к месту гибели Ефима руководителя группы, сидел в кабинете бледный и в состоянии крайней протрации... В биографии его организации это был первый случай, когда от руки наёмного убийцы погибал сотрудник. Этот многоопытный человек не мог взять в толк, не мирилось его сознание с тем, как человека – носителя добра, полного сил и надежд, ещё вчера улыбавшегося от выпавшего на его долю счастья и удачи, по воле какого-то маньяка, одержимого

несбыточной идеей уничтожения зла, уже нет в живых, убили вместе с тем, кто ходил по земле и сеял это зло. Перед его воображением стоял живой Ефим, румяный от выпитого, довольный от даров, радостный от известия о рождении сына, красивый не только лицом, но и всей атлетической фигурой, и Валентину Михайловичу не хотелось, чтобы это видение, этот прекрасный образ навечно исчез. Он был в раздумьях, как довести эту трагическую весть до брата – близнеца, который наверняка почувствовал в эти минуты об убийстве брата – до матери, ещё совсем недавно потерявшей мужа и не до конца выплакавшей слёзы утраты, до жены, которая родила сына и совсем недавно была замужем за любимым человеком, а теперь вдруг, в одночасье, стала вдовой. А – ах! – а пособить нечем. Недаром говорят, что горе ищет терпеливого, а больному сердцу горько и без перцу. В этот момент в кабинет директора влетел бледный, запыхавшийся, возбуждённый Саша:

– Валентин Михайлович, что с Ефимом?

– Вам уже сообщили? – невольно вырвалось у директора.

– Что сообщили? – вскричал Саша вопросительно, – Говорите скорее...

Директор понял, что Александр Борисович ещё ни о чём не знает, а просто – напросто беду с братом почувствовал и потому, опустив уставшую от раздумий голову, тихо произнёс:

– Садитесь, Александр Борисович, беда приключилась у нас...

– Что, какая беда, не мучайте, Валентин Михайлович? – усаживаясь, спросил Саша.

– Ефим сегодня с Лядовым уехал на игру пейнтбол..

– Да, знаю.., – ответил Саша, предчувствуя неприятные вести.

– Так вот, там...убили Лядова, чтобы он провалился, и...Ефима Борисовича...

– Убили Ефима? – не поверил Саша.

– Да, – печально ответил директор.

Саша схватился за голову и горько, навзрыд заплакал. Только Ефим смог бы понять состояние брата – близнеца, поскольку всё это время с утра до самой смертельной секунды опасался неожиданных неприятностей, тревожился за жизнь того, кого ему предстояло охранять. Именно эти опасения, эти его тревоги невольно передавались брату – близнецу. И вот почему Саша ходил сегодня сам не свой, возбуждённый, сверх меры нервный, болезненно-раздражительный.

– Где он сейчас, Валентин Михайлович? – спросил Саша через несколько минут.

– Отвезли в морг, – удручённо ответил Косоруков, – думаю, что после обследования разрешат его похоронить..., надо бы домой сообщить, Александр Борисович. Вы сообщите или мне позвонить?

– Я по.. про..бую, – дрогнувшим голосом сказал Саша.

– А я займусь подготовкой похорон, – Косоруков встал со своего места, подошел к Саше и по – отцовски обняв его тихо добавил, – будь мужественным, Саша. Что делать, сынок, век долг, всем полон: и радостью и горем тоже...

* * *

В то самое время, когда Саша в глубокой печали шел на телеграф, чтобы сообщить матери и Ольеньке скорбную весть, которая терзала его сердце и душу, к зданию городского отдела внутренних дел подошел сравнительно молодой мужчина с зачехлённым ружьём за плечом и попросил дежурного провести его к начальнику.

– По какому вопросу? – спросил его дежурный капитан милиции.

– Передайте, что пришел убийца, – решительно заявил посетитель, в котором трудно было заподозрить сумасшедшего.

– Вы что, ненормальный? – недоверчиво спросил капитан и внимательно посмотрел на посетителя.

– Наоборот, нормален сверх меры, – спокойно ответил «Мститель» и добавил, – так ведите меня к начальнику... – И сняв ружьё с плеча, протянул его капитану.

«Мстителя» провели к генералу.

– Как ваша фамилия, имя и отчество и что вы хотели мне сказать? – спросил начальник.

«Мститель» назвал свои данные и добавил:

– Сегодня я, товарищ генерал, убил по моей и его неосторожности одного человека, поэтому я здесь..., готов за свою вину предстать перед законом.

– По моему сегодня вы убили не одного, а двоих, – поправил его генерал, – а до этого, как нам известно, в течение последнего времени убили ещё четверых людей Лядова. Так?

– Нет, товарищ генерал, сегодня я убил по неосторожности только одного человека – телохранителя, а остальные... вместе с Лядовым – это нелюди, звери в человеческом обличье, от которых надо очищать общество, где живут настоящие люди.

Генерал смотрел на обросшего, неухоженного «Мстителя», и прочёл в его глазах столько горечи, многодневных мучений, что невольно содрогнулся.

– Я ведь к Вам пришел, товарищ генерал, потому что Вы – честный, порядочный человек, не чета многим сотрудникам милиции, которые продались «Лядовым» и прочим «корешам». Прошу Вас, возьмите на контроль мое дело, – заявил «Мститель».

«Да, смел и горд этот доведённый до отчаяния русский парень, – невесело подумал генерал, – таким как раз всегда нелегко, их бьют, вместо того, чтобы беречь, у них отнимают последнее, вместо того, чтобы помочь. Ах, Родина моя, куда ты идешь? Как вылечить тебя от тяжкой болезни..?»

На телеграфе Саша заказал Москву и с волнением ждал приближения минуты, когда он должен сообщить о страшной трагедии, которая произошла сегодня в его жизни.

– Огнин! Пройдите в четвёртую кабину, – раздался в репродукторе голос телефонистки. Саша вздрогнул, ещё больше побледнел и торопливо направился к кабине.

– Сашенька, ты? – услышал он родной голос матери. – Здравствуй, сынок! Что вы так долго не давали о себе знать? Мы тут издёргались от ожидания, с трудом нашли вас...

– У нас были проблемы, мама, извини, пожалуйста, – стараясь оттянуть страшную минуту, ответил Саша, – думали, наладим свои дела и позвоним.

– Почему не сразу поехали домой? Нечего вам там делать! – выговаривала Лариса Марковна сыну, – работа найдётся и в Москве, сынок. Мы тут одиноки без вас и внучок ждёт отца...

О смерти Бориса Ефимовича она в последнюю минуту решила не говорить сыну, мол, успеется.

– Да, мама, ты права. Я и сам скучаю по вам, – говорил Саша, подбирая слова.

– Ну так садитесь и приезжайте, а то беспокойно на душе, всё о вас думаем, – отвечала Лариса Марковна, – кстати, где Ефим, почему он не звонит? Мы почти месяц назад через вашего директора сообщили ему о рождении сына, что с ним?

– Ефим, мама.., тяжело ранен, – не сумев сдержаться, заплакал Саша.

– Как ранен? – испуганно вскричала мать, – не томи, Саша, говори, что с Ефимом, что значит тяжело ранен? Как сейчас? Мне приехать?..

– Нет, мама, – плача отвечал Саша, – всё очень плохо...

– Да, говори же, как плохо?

– Ефим сегодня..... умер, – произнёс Саша и, не сдержавшись, окончательно зарыдал.

– Умер? – чуть не теряя сознание, вскричала ошеломлённая мать. – Саша, ты сказал, что Ефим умер?

– Да, мама, нет нашего Ефима...

Лариса Марковна, потеряв сознание, сползла на пол и выпустила из рук телефонную трубку. Увидев лежащую мертвенно-бледную свекровь, из другой комнаты выбежала Оленька и кинулась к ней оказать помощь. Однако в трубку кто-то кричал. Оленька, уложив Ларису Марковну на диван, подняла трубку и услышала знакомый голос Саши.

– Саша, это ты?

– Да, Оленька, что с мамой?

– Она потеряла сознание. Что случилось, что ты ей сказал? – испуганно вскричала молодая женщина, почувствовав недоброе.

Деверь плакал он не мог говорить.

– Саша, что с Ефимом? Говори же! – встревоженная она кричала в трубку.

– Ефима убили...

– Что? Что ты сказал?..

– Ефима убили...

Оленька вначале остолбенела, потом у неё помутился взор и, тяжело хватаясь за стул, спинку дивана, ручку двери, в полубморочном состоянии подошла к

своей кровати и, упав на неё, навзрыд заплакала, словно на неё напала трясучка.

– Господи, Ефимушка, за что тебя, любимый? – полушепотом разговаривала она с воображаемым мужем. – Как же так, ты, такой сильный, дал себя убить? Как же ты мог оставить нас с сынишкой, которого ты так и не увидел? Что молчишь? Как же я буду теперь без тебя, одна? Н ..е..т, Ефимушка, я не могу тебя вечно ждать, не уходи!...

* * *

Горожанам стало известно, что убийца сам пришел в милицию и признался в своём преступлении и поэтому уже на третий день Ефима разрешили хоронить. Провести его в последний путь пришли все сотрудники ЧОП(а) с женами и друзьями, отдать дань уважения ему пришли и многие работники Лядова, которых покорили мужество и преданность Ефима.

– Все мы пришли в этот мир, чтобы уйти. Из родника бессмертия ещё никому не удалось испить, да и нет этого родника, – начал свою речь Валентин Михайлович на траурном митинге, когда гроб с телом Ефима поставили на край могилы. – Однако смерть всегда нежелательна и неожиданна, тем более, когда умирает молодой человек, полный сил и устремлений. Полёт Ефима Огнина, замечательного друга нашего, мужественного в делах и словах своих, оборвался на взлёте. Сегодня, когда вся страна знает, что война в Афганистане – позорная страница в истории нашей Родины, что смерть тысяч сынов наших – дань прожорливому Молоху, а не необходимость, Ефим Борисович Огнин – молодой офицер, выпускник престижного высшего военного училища, первым заявил командованию, что он не будет стрелять в женщин и детей народа, который защищает свою Родину,

отказывается принимать участие в этой бессмысленной бойне. Так мог поступить только настоящий патриот, только мужественный сын своего народа. Он ушел от нас рано, не увидел даже сынишку, который родился больше двух месяцев назад. Но в нашей памяти и в сердцах наших всегда будет жить светлый образ Ефима Борисовича Огнина, внука легендарного генерала Великой Отечественной войны.

Мужчины стояли, понутив головы, пряча повлажневшие глаза, несколько женщин плакали, вытирая слёзы модными в то время расшитыми носовыми платками. Помимо воли, не пряча скупых мужских слёз, плакал и Саша. Вот сейчас, когда гроб с телом опустили в могилу, когда оркестр исполнил траурный марш, когда опустившись у маленького холмика с крестом, он окончательно понял, что у него нет теперь брата, нет родного любимого им человека, который послушно, будто старшему, подчинялся всему тому, что он говорил, Саша устало, словно раненая птица, припал к земле губами. Он бы ещё продолжал оставаться у могилы брата, если бы к нему не подошел Косоруков:

– Пойдём, Саша, нам надо кое-что решить, да и помянуть надо нашего Ефима.

Саша повернулся к Косорукову и спросил:

– Валентин Михайлович, где здесь можно заказать могильный камень из мрамора?

– Памятник что ли? – переспросил Косоруков и сам же ответил. – Мы уже заказали, через три дня будут устанавливать.

– Спасибо, Валентин Михайлович, – сердечно сказал Саша и добавил – Я хочу сказать, что для оплаты за памятник у меня есть деньги..

Косоруков взял Сашу за локоть и по-отечески, направляясь к выходу из кладбища, сказал:

– Наше предприятие, Саша, имеет достаточно средств, чтобы взять на себя эти расходы, так что не думай об этом...

После поминок Косоруков пригласил Сашу к себе в кабинет и спросил:

– Ты звонил домой?

– Да, Валентин Михайлович, правда, не сдержался.., – ответил Саша, – мама, кажется, потеряла сознание.

– Как ты узнал об этом?

– К телефону подбежала Оля, жена Ефима, – вспоминая свой разговор с ней, Саша виновато опустил голову, – кажется и ей стало плохо, но дальше я ни с кем говорить не мог...

– Они тебе ничего не сказали? – допытывался директор, вспомнив о разговоре с каким-то их родственником или другом семьи, когда тот рассказал о смерти их отца.

– Нет, не успели.., а о чём они должны были мне сказать? Вы что-то темните, Валентин Михайлович? – заподозрив директора в чём-то, спросил Саша. – Я вам честно скажу, мы с Ефимом много раз говорили о том, что возможно, там, дома, что-то случилось..., но ведь они бы нам дали знать...

– Вот и ладно, оставим это. Каковы твои планы на будущее? – спросил директор напрямик. – От меня ничего не таи, я лишь помочь хочу...

– Думаю сделать так: послезавтра, после установки Ефиму памятника, сообщить в институт о его гибели, написать Вам заявление об уходе с работы и поехать домой...

– И немедленно об этом сообщить матери, – сказал Валентин Михайлович и добавил, – одобряю и даю своё благословение...

– Хочу ещё, кроме этого, по приезду передать Оленьке документы на квартиру Ефима и его деньги, пусть сама решает, что делать с ними...

– Согласен и хочу., – не успел директор закончить свою мысль, как зазвонил телефон.

– Да, слушаю Вас, кто? Лариса Марковна? Здравствуйте. Да, Лариса Марковна, сегодня похоронили. Выражаю Вам искреннее соболезнование...

Наступила недолгая пауза. Видно было, что на той стороне линии о чём-то непрерывно говорили. Наконец, в разговор вступил директор:

– Да, Лариса Марковна, я понимаю...Конечно, приезжать не надо, завтра устанавливаем памятник , а Саша берёт расчёт и возвращается в Москву, домой. Да, да, Вы не ослышались. Да он и сам здесь, передаю ему трубку.

– Мамочка, здравствуй. Как ты себя чувствуешь? Слава богу. Да, мама, через несколько дней я буду дома. Не волнуйся, нет всё хорошо. Что? Саня приехала? Она что, замуж вышла? Нет?! Хорошо. Если она позвонит, скажи ей, что я скоро приеду домой...Да, мама, береги себя. Как Оля? В больнице? Уже лучше? А папа, почему он сам не звонит? Болит? И как давно? Ладно, до свиданья, целую вас!

Положив телефонную трубку на рычаг аппарата, Саша ненадолго задумался. В раздумьях был и директор: «Значит мать и на этот раз не решилась сказать сыну о смерти отца. Что ж, мудрая женщина и мужественная...».

«Саня всё же нашла нас., а я начал было думать, что изменила мне... Молодец, моя хорошая! Я, конечно, понимаю, что родители заставляли её выбросить из головы школьного друга и хотели выдать замуж «за своего», а она., значит любит меня... И я

её люблю...» – все эти мысли пронесли в его голове в течение одной – двух минут.

Тем временем Валентин Михайлович встал со своего кресла, подошел к задумавшемуся сотруднику и, обняв его за плечи, уверенно сказал:

– Закончу свою мысль. Так вот, я хочу сказать тебе, Саша, что я горжусь тем, что служил с двумя замечательными братьями, мужественными сынами моей большой Родины.

19

Поезд Хабаровск – Москва ещё за версту, известив о своём приближении коротким и громким гудком, замедлил ход и подошел к железнодорожному вокзалу города Иркутска, вопреки ожиданию, в установленный час. Хотя время было полуденное, на станции, кроме нескольких старушек, которые торговали сушеными грибами и рыбой, безделушками из дерева и слюды, почти никого не было. Лишь у девятого купейного вагона толпились несколько человек – это сотрудники ЧОП(а), во главе со своим директором Косоруковым, тепло, сердечно по-братски прощались с Сашей Огниным, уезжавшим в Москву, домой. Больше всех не желал этого расставания Андрей Олегович Богатырёв, старший группы, который за короткое время привязался к немногословному, не по возрасту умному, деловому и дружелюбному Саше, увидев в этом молодом человеке себя самого, так лет 15 назад. Несмотря на молодость и выпавшие на его долю невзгоды, Саша ещё больше окреп, раздался в плечах и всем своим атлетическим видом напоминал Андрею Олеговичу, погибшего в Афгане брата.

– Ты вот что, Саша, – по-братски обнимая его, говорил Андрей Олегович, – если что не так, возвращайся. Не скрою, не говорил тебе об этом, мне было

приятно с тобой работать и жить рядом. За могилой Ефима я буду приглядывать, не волнуйся. Удачи тебе, брат!..

Все стали прощаться. Ещё раз пожав руку Саше, Валентин Михайлович сказал:

– Вещи Ефима мы завтра отошлём багажом. Помни, мы всегда с тобой...

– Спасибо вам всем! – поднявшись в вагон крикнул Саша, и когда поезд тронулся, махнул всем рукой и пошел к своему купе.

Вторым пассажиром в купе оказался японец лет 35-ти, чем-то напоминавшем ему соседа по московской квартире, Рокуро-сан. «Да нет, не может быть, – подумал он, – мне кажется, все они друг на друга похожи».

– Здравствуйте, по-японски сказал Саша и улыбнулся, а по-русски добавил, – меня зовут Саша.

– О..О! – приятно удивился японец и на сравнительно нормальном русском добавил, – меня зовут Хикару. Вы говорите по-японски?

– К сожалению, нет, – ответил Саша. – Наш сосед в Москве – японец и мы научились у него двум-тремя словам. В Москву едете?

– Да, – ответил японец дружелюбно.

– Вот и хорошо, вдвоём не скучно будет..., – сказал Саша и предложил, – сейчас обеденное время, друзья дали мне в дорогу целую сумку припасов, давайте обедать...

– Очень хорошо, – охотно согласился сосед, – только нас ещё двое, в соседнем купе...

– Так пригласите и их, – предложил Саша.

– Спасибо, Саша-сан, Вы очень любезны, – ответил Хикару и, подумав, добавил, – я думаю, пусть лучше они там обедают...

– Как вам будет угодно, Хикару-сан, – согласился Саша и стал раскладывать на столике съестное: колбасу, сыр, варёные яйца, свежие помидоры, огурцы, большой каравай хлеба.

– Девочка, которая в соседнем купе, конечно, нам бы помогла порезать, почистить, разложить всё это.., – говорил японец, но все это делал сам, – но иногда хочется и самому попробовать, не так ли?

– Да, вы правы, я тоже люблю накрывать на стол, – обратив внимание на ухоженные руки японца, заметил Саша – «Видно из людей состоятельных и нечасто этим делом занимается сам», – подумал он, однако от него не ускользнуло, что кисти рук японца ловкие, пальцы крепкие и сильные.

Ели молча.

– Я бывал во многих странах мира, – съев очередной ломтик помидора, сказал Хикару, – и в каждой из них жители хвалят свои овощи. Как вы думаете: по привычке это или действительно где-то они вкуснее? – спросил Хикару и вопросительно взглянул на Сашу.

– Честно говоря, не знаю, – ответил Саша, – мне, например, вот эти вот помидоры кажутся самыми вкусными...

Хикару поддержал шутку и улыбнулся

– А сейчас будем пить чай, – с какой-то торжественностью сказал японец и потянулся к красивому китайскому термосу, спрятанному под полкой, – у нас над чаем, как говорят русские, колдуют, – и стал наливать в чашки.

Саша отпил глоток и, вспомнив что-то, воскликнул:

– Какая прелесть! Такой же чай я пил из рук нашего соседа Рокуро – сан!

– Как вы сказали? Как вы назвали вашего соседа? – изменившись в лице, спросил японец.

– Рокуро – сан.., – ответил ничего не понимающий Саша.

– Рокуро Танака? – снова спросил японец.

– Да, Хикуру-сан, он наш сосед, вы его знаете? – в свою очередь ещё раз удивился Саша поразительному сходству Хикару и Рокуро.

– Ваша фамилия Огнин? Вы сын Бориса Ефимовича Огнина? – продолжал допытываться японец, не отвечая на поставленный вопрос.

– Да, я Саша Огнин, сын Бориса Ефимовича..

– Удивительно! И тем более удивительно, что вы ничего не знаете – не веря такому стечению обстоятельств, спросил японец и пытливо посмотрел на Сашу. – Неужели вам не сказали?

– Да говорите же, Хикару-сан, что произошло? Чего я не знаю? – почувствовав недоброе, спросил Саша.

– Извините, Саша-сан, удивился ещё больше японец, – где вы были, почему вы ничего не знаете о событиях, которые произошли в Москве?

– В прошлом году мы с братом окончили Высшее военное училище и были направлены на службу в Афганистан. Случилось так, что вот уже чуть больше года мы, как говорится, из огня да в полымя.... На нашу беду почти шесть месяцев назад мы оказались в Иркутске... и вот теперь еду домой... Так, скажите же, что случилось, Хикару-сан?, – вырвалось у Саши напоследок.

– Что ж, вижу, человек вы, хотя и молодой, но прошли, как говорят у вас, сквозь огонь и воду, – начал японец ответ на вопрос Саши, – да, прошли через многие испытания и это известие встретите мужественно...

Саша понял, что дома, в Москве, с отцом случилась большая беда. Он догадался об этом ещё в тот день, когда спрашивал у матери об отце, а она уходила

ла от ответа. Теперь и этот японец, очень похожий на их соседа, Рокуро Танака, говорит трагическими загадками. И хотя сердце его разрывалось от неизвестности, торопить японца не стал.

– Так вот, дорогой Саша–сан, – снова продолжил свой рассказ японец, – я действительно старший брат Рокуро Танака, вашего соседа, и еду в Москву в связи с тем, что его... убили..., – голос японца дрогнул, чуть повлажнели глаза и он опустил голову.

– Как?! – воскликнул ошеломлённый Саша. – Как убили? За что?

– Сейчас я дам вам газету, в которой об этом написано, – устало произнёс японец и, протянув руку под подушку, извлёк газету. – Почитайте, потом я отвечу на все ваши вопросы.

Развернув газету, и, увидев на второй полосе портреты отца и Рокуро Танака, Саша в страшном недоумении посмотрел на японца и, заметив его кивок, мол, читай, стал читать огромную статью под заголовком: «Кто убил ученого? Когда кончится произвол?»

Итак, если всего неделю назад весть об убийстве брата пронзила его сердце острым кинжальным огнём, отчего оно продолжает кровоточить и ныть и сейчас, то тогда ему было неизвестно, что ещё раньше, больше месяца назад, ещё один злодей, ещё один зверь в человеческом облике лишил жизни его отца. Эта мысль, вложенная в черные, страшные строчки газеты, которую он сейчас держал в руках, обжигая их своей неприкрытой правдой, тискалами давила его отяжелевшую голову, отчего вдруг нечем стало дышать и сердце готово было разорваться. Лишь осознание того, что во много раз тяжелее было матери и Оленьке, которые стали свидетелями этой чудовищной трагедии, придало ему сил и Саша, смертельно побледнев, откинулся на мягкую спинку купейной полки.

«Мамочка моя родная, вот почему ты всё время уходила от ответа!» – подумал он.

Встревоженный его состоянием Хикару потрогал Сашу за плечо, и когда тот открыл глаза, участливо спросил:

– Саша–сан, как вы?

– Как будто ничего.., – устало ответил Саша и участливо добавил, – вам, Хакару-сан, тоже было нелегко, когда узнали...

– Да, Саша–сан, для обеих наших семей всё это стало большим несчастьем... – ответил японец, – а для меня..., – голос его снова дрогнул, – мы с братом были очень дружны, я любил его, как никого другого и никак не могу прийти в себя...

– Да..а.., – сокрушенно погладил голову Саша, словно говорил японцу, что ему знакомо это чувство.

– Не скрою от тебя, Саша–сан, я еду, чтобы найти убийцу родных и дорогих нам людей, – глаза японца дико заблестели и он решительно добавил, – убийца должен понести наказание!

– Я с вами согласен, Хикару-сан, – сказал в ответ Саша, – он – наш враг и враг должен быть уничтожен!

– Поэтому мы должны удвоить свои усилия и найти злодея, Вы согласны? – спросил японец, ища у Саши поддержку.

– Конечно, приедем в Москву и в зависимости от результатов расследования составим свой план, – ещё раз согласно заявил Саша и отпил глоток остывшего чая, – после того, что я пережил, я обязан это сделать.

– Очень хорошо, Саша – сан, – удовлетворённо заметил японец, – но извините меня, пожалуйста, за то, что надоедаю.., когда вы зашли в купе мне показалось, что вы были чем-то очень расстроены..., что у вас ещё случилось?

Саша поставил на столик чашку с недопитым чаем, посмотрел на соседа по купе каким-то смертельно усталым взглядом, затем опустил в задумчивости голову и, не поднимая её, глухо произнёс:

– Неделю назад, Хикару-сан, убили моего брата–близнеца..., я еду после его похорон.

– Как? За что? – выкрикнул японец, словно в него выстрелили из-за спины.

– Он был телохранителем одного богатого, в прошлом совершившего много зла, негодяя – удручённо объяснил Саша, – в Ефима, брата моего, убийца стрелять не хотел, сам того не зная, брат закрыл своим телом хозяина, но потом убили и его.

– Откуда это известно? – спросил Хикару, – убийцу поймали?

– Нет, он пришел в милицию сам и во всём признался..., – ответил Саша, – но брата уже не вернуть...

Японец встал, взволнованно открыл дверь купе, выглянул в коридор, словно ему нечем было дышать, потом снова прикрыл, закрыл глаза, словно обдумывал какое-то важное дело, снова открыл их... В его немало повидавших глазах стояли слёзы.

– Саша – сан, ты и я потеряли братьев, нам их теперь никто не вернёт, лишь их души витают вокруг, призывая отомстить за них. – Японец устремил свой взор к Саше. – Я прошу тебя, стань моим братом, а я ...стану твоим! Отец говорил мне, что такое братство священо!

Саша встал со своего места и от всего сердца обнял японца, как обнимаются давно не видевших друг друга родных человека.

– Твой отец – мудрый человек, Хикару-сан, теперь он и мне будет отцом, – сказал Саша, продолжая стоять в обнимку с японцем, рядом с которым казался богатырём. – Расскажи, пожалуйста, как Вы научились говорить по-русски?

– Хорошо, я расскажу..., – Хикару сел напротив Саши, – но начну я пожалуй с деда нашего, Нобу Такаки. В конце двадцатых годов он попал с рыбаками на север Сахалина, да так и остался там. Было это где-то в районе Катангли, недалеко от нефтедобычи. Здесь из нефтяных колодцев хозяина за хорошую плату вручную ведрами вычерпывали нефть. Через год он познакомился на острове с русской девушкой Софьей, дочкой сосланного сюда «несогласного», редкой красавицей, и они влюбились друг в друга. Софья, бабушка наша, жива по сей день, дед же умер в прошлом году. И скажу я вам, русским языком он владел лучше любого местного жителя. Через год родился мой отец, потом ещё четверо: два сына и две дочери. И в семье все хорошо говорят на русском и японском. Дед, хотя и был рыбаком, но очень любил читать книги, интересовался историей, литературой и географией. Эту свою любовь к русскому языку прививал и детям. Вот почему для всех нас он стал родным, языком нашей бабушки Софьи, которая хорошо говорит и на японском.

– Как же вы потом оказались в Японии? – полюбопытствовал Саша.

– Дед рассказывал, что даже в военные годы его семью никто не трогал, мол, хоть и японец, но обрусевший. А когда через десять лет после войны отношения между нашими странами улучшились, деду разрешили уехать в Японию. Мне тогда было уже четыре года. Отец же наш, Такаши-сан, преподаёт в одной из Токийских школ...русский язык. Его приглашали и в высшие учебные заведения, и в органы безопасности, но он всем отказывает. Да, Такаши-сан – большой друг России и пропагандист идеи дружбы и братства между нашими странами. Я горжусь своим отцом.

– Представляю, какую боль испытали вы все, потеряв Рокуро–сан..., – удручённо и с горечью произнёс Саша. «А мама с Оленькой?» – тут же пришло ему на ум.

– Да, Саша – сан, он собирался... жениться, – голос японца снова дрогнул, но взяв себя в руки, он неожиданно спросил. – У тебя есть фотография Ефима?

– Да, Хикару–сан, я сейчас достану свой альбом, – с готовностью ответил Саша и полез на полку за чемоданом.

В этот момент постучали в дверь купе.

– Да! – ответил Хикару.

– Это я, Таро, – сказали за дверью, – можно к вам войти?

– Вы поели? – спросил Хикару.

– Да, – был ответ.

– В таком случае заходите, я вас познакомлю с Саша–сан..., моим соседом..., – сказал Хикару и открыл дверь.

Вошла тоненькая девочка, Хацумоно, и помощник Рокуро, Таро, которого Саша мельком видел у соседа по квартире. Познакомились и, убрав со стола чашки и остатки пищи, расселись. Хацумоно села рядом с Сашей, а Таро – с Хикару. Стали рассматривать фотографии альбома. На первой странице красовалась фотокарточка Саният. Таро о чём-то спросил Хикару на японском языке.

– Да, он знает, я ему обо всём рассказал..., – ответил Хикару по-русски.

– Эта девушка, Саша–сан, была на похоронах вашего отца, она из Махачкала, где Вы раньше жили? – спросил Таро.

– Да, Таро–сан, у вас хорошая память, – похвалил Саша японца.

– А этот – Ефим, мой..., – голос Саши дрогнул, но он быстро взял себя в руки, – брат...

– О..о.., – удивился Хикару, – ваша копия, – а...да.., вы же говорили, что близнецы...

Продолжая рассматривать снимки, Хацумоמו вдруг издала какой-то восклицательный звук, типа «Ай – а!» и пальцем указала на снимок, сделанный полароидным фотоаппаратом. Это была фотокарточка, которая была сделана по просьбе Хайдара, когда Саша приезжал в Махачкалу на поиски Саният. Хацумоמו стала взволнованно говорить по-японски и пальцем указывала на этот самый снимок, где рядом с Сашей у шикарного «Мерседеса» был изображен Хайдар.

– Кто этот человек? – спросил Хикару, – девочка утверждает, что именно он убил моего брата и вашего отца ...

Тем временем фотокарточку внимательно разглядывал Таро. Он силился вспомнить имя этого человека, который смотрел со снимка улыбающимися глазами и очень напоминал того, кто встречал их в аэропорту Махачкалы, когда они с хозяином прилетали туда.

– Это Хайдар, мой школьный товарищ, – ответил Саша, – он, кажется, управляет банком...

– Хайдар! Хайдар! – стала выкрикивать девочка, о чём-то быстро рассказывая. Потом она ладонями прикрыла лицо и заплакала.

– Да, его зовут Хайдар, – окончательно вспомнил Таро и добавил, – он работает председателем банка в Махачкале, откуда должны были перечислить остатки денежных средств со счёта брата. Те самые 12 миллионов рублей, которых не оказалось в кассе его предприятия после убийства...

Всё это Хикару перевёл Саше, а вот слова Хацумомо его ошеломили.

– Ты знаешь, Саша–сан, о чём говорит девочка? – спросил Хикару, будто спрашивал не Сашу, а самого себя. – Она утверждает, что видела, как этот Хайдар сперва выстрелил в брата, а потом на этот звук из другой комнаты с книгой в руках пришел Борис Ефимович и, увидев убийцу, узнал его и воскликнул: «Хайдар!» Ваш отец, что, знал этого негодяя?

– Да, он в период учёбы несколько раз бывал у нас, – ответил Саша, вспоминая о Хайдаре то, что ему рассказывал Марк.

– Что ж, наша задача значительно упрощается, брат, – задумчиво заключил Хикару и добавил, – видимо, придётся менять маршрут?

– Но без суеты и соблюдая все предосторожности, – разумно предложил Саша, когда Таро и Хацумо ушли в своё купе, – дело в том, что этот человек, если взять во внимание то, что мне о нём известно, очень опасен: замешан в грабежах, разбоях и убийствах. Ему сейчас нет и 25-ти лет, однако он ворочает миллионами, самая большая его мелочь вот этот «Мерседес», на котором он иногда ездит. У него обширная сеть агентов, другими словами бандитов, которые не только выполняют его указания, но и охраняют его.

– Я согласен, брат, – утвердительно сказал Хикару, – судя по тому, как он до мелочей предусмотрел в своём злодействе всё, что ваша поли., извини, милиция по сей день топчется на месте и потихоньку начинает об этом забывать, надо полагать, что подобные преступления для него не новы и он умеет к ним тщательно готовится...

– Мало того, он очень хитёр и коварен, – добавил Саша, – поэтому о нашем появлении в Махачкале никто не должен знать...

– Кстати, тебе известно, что из Сызрани, в связи с ремонтом дороги, мы поедem на Москву не через Саранск и Рязань, а через Саратов, Волгоград и Воронеж?

– Да, я об этом знаю, – подтвердил Саша и добавил, – поэтому в Волгограде мы должны покинуть поезд и пересесть на автомашину, с таким расчётом, чтобы в Махачкалу приехать в начале ночи...

– Вопросов много, Саша–сан, и нам без скрупулезного плана не обойтись, – задумчиво заключил Хикару, – возьми листок и набросаем его в общих чертах.

Саша взял бумагу и авторучку, но неожиданно обратился к японцу с вопросом, который вертелся в его голове с первой минуты их разговора:

– Как мы, Хикару–сан, не имея оружия пойдём к этому негодяю? Он же будет вооружен с ног до головы?

– Кое-что у меня есть, а огнестрельное нам не понадобится, – уверенно ответил японец, – нам шум поднимать нельзя...

– Но как? – удивился Саша.

– Об этом мы ещё поговорим, брат, – пообещал японец, – время терпит...Давай лучше обдумаем и запишем наш план...

Через три дня, когда поезд подъехал к Волгоградскому вокзалу, четверо пассажиров покинули купейный вагон и с вещами направились в гостиницу. Устроились скоро: Таро с дочкой – так была представлена худенькая двенадцатилетняя Хацумомо – в одном номере, а Саша и Хикару – в другом. Организационные вопросы в городе должен был решать Саша, дабы не вызывать всевозможных подозрений.

Вахтёр драматического театра, куда приехал Саша в первую очередь, назвал ему имя гримёра театра и сообщил заодно, что тот у себя в гримёрной и малость навеселе. Им оказался шестидесятилетний мужичок с ноготок, который был под шафе и, естест-

венно, за щедрую плату, не спрашивая даже для каких надобностей, согласился продать «режиссёру» студенческого театра три комплекта грима с костюмами, согласно размерам и характеристике образов. Мало того, он приложил ко всему этому тюбики красок, пачку пудры, клея для усов и ресниц и прочей гримёрной фурнитуры. А затем, слегка пошатываясь, в добром расположении духа, взял поклажу на руки и проводил гостя к выходу из театра.

Теперь, когда первая часть задачи была решена, Саша направился к автобусной станции, где в ожидании клиентов протирали штаны таксисты. Но даже при таком дефиците клиентов, желающих ехать в Махачкалу не оказалось.

– Ты, мил человек. сходи во..он туда, где ларёк, там лаваша продают, там спроси Лёшку–шабашника, – подсказал Саше один из таксистов, – у него новенькая «Волга», так он поедет. На нашей рухляди далеко не уедешь...

Лёшку–шабашника Саша нашел. Им оказался молодой мужчина, лет сорока, шустрый весельчак, который бегал вокруг машины и протирал её со всех сторон. Выслушав желание клиента, он тут же назвал цену, дав понять, что такие поездки ему не впервой. Услуга оказалась дорогой, но торговаться в задачу Саши не входило. Взяв небольшой аванс, водитель пообещал в точно назначенное время подъехать к указанной гостинице.

Таким образом, был решен и второй вопрос, однако предстояло самое трудное и щекотливое дело – дозвониться до Марка, в Махачкалу, и попросить его узнать адрес нового дома Хайдара и никому, ни одной живой душе, в том числе и Саният, не говорить о его приезде, естественно, пообещав удовлетворить потом его любопытство. И Саше повезло. Марк оказался до-

ма и был весьма обрадован звонку друга, мало того, пообещал в строгой тайне узнать всё, что требовалось Саше, и ждать в назначенное время его звонка.

– Марк, дорогой, еще раз прошу тебя никому, даже дома, – предупредил его Саша, – это может быть опасно...

Зная, что Саша не любит многословия и задуманное им предприятие, видимо, крайне опасное, Марк пообещал другу соблюдать все меры предосторожности. Кроме того, совсем недавно он узнал от вернувшейся из Москвы Санянт о трагической смерти Бориса Ефимовича и о том, что она принимала участие в его похоронах.

– Не волнуйся, Саша, всё будет нормально..., – ещё раз пообещал ему Марк.

Таро своим умением превзошел самого «гримёра». Он мастерски загримировал сперва Хацумома так, что она своими тёмными, хотя малость и суженными глазами, светло-каштановыми волосами и бровями и в национальной одежде дагестанки вполне могла сойти за местную девушку, а Хикару и самого Таро никак нельзя было отличить от ногайцев – представителей одной из народностей Дагестана, проживающих главным образом на границе трёх республик: Дагестана, Ставрополя и Чечни. Вместе и в одиночку они уже несколько раз мелькали в холле гостиницы и у администратора не вызвало подозрений, когда утром следующего дня они сели в подъехавшую машину и покинули город.

* * *

Санянт уже четвёртый раз звонила Ларисе Марковне в Москву, но дважды на звонки никто не отвечал, что её крайне удивило, в третий раз трубку взяла чем-то опечаленная Оленька, которая заявила, что

Ларису Марковну положили в больницу и даже не поинтересовалась кто звонит, а уже в последний раз, четыре дня назад, она, наконец, услышала в трубке убитый голос Ларисы Марковны.

– Ой, Саняйт, доченька, – отвечала она на вопрос о Саше, – да, Саша звонил, только горе у нас, родная, большое горе..., – и стала плакать.

– Лариса Марковна, что ещё случилось? – встревожилась Саняйт, подумав, что случилась беда уже с Сашей.

– Е..фи..ма на..ше..го у.. би.. ли, – рыдая, говорила Лариса Марковна.

«Мамочка моя! – с горечью подумала Саняйт. – Да что же это такое? Напасть какая-то...»

– Как это случилось, Лариса Марковна? Говорите, у меня сердце разрывается? – кричала она в трубку, так как на той стороне слышали плохо.

– Не знаю, доченька, – отвечала Лариса Марковна, продолжая плакать, – Саша звонил..., он скоро приедет... и узнаем...

– А где Оленька? – спросила Саняйт, чтобы выразить ей соболезнование и отвлечь женщину от горестных дум.

– Ребёнка вывела на улицу, плачет, спасу нет..., видно, чувствует миленький, что ли...шил...ся от...ца, – снова дрогнул голос этой мужественной женщины.

Не сказала Лариса Марковна, что сегодня утром у неё впервые случился с Оленькой разлад. Она вновь и вновь заговорила с невесткой о том, что внуку, которому уже исполнилось три месяца, надо было дать имя. И поскольку нет теперь дорогого любимого Ефима, то, если Оленька не возражает, мальчика надо бы в честь деда и отца назвать Ефимом. Однако Оленька, которая всё это время ждала вестей от мужа, чтобы согласовать с ним имя первенца, так этого

и не дождалась. Мало того, навеки потеряла его в самом расцвете жизни. Трагические события, связанные с именем, хотя и именитого деда, а также отца, закрали в душу матери сомнения в правильности выбора свекрови, ибо каждое имя несёт в себе какую-то необъяснимую энергию, влияющую не только на его характер, но и на судьбу. Кому, как не матери, считала Оленька, дано право выбрать лучшее имя своему ребёнку, если она кормила его своей грудью, заботилась о нём не зная устали.

– Нет, мама, Ефим, в нашем случае, трагическое имя и я таким именем его называть не буду, – решительно возразила Оленька, – я предлагаю назвать его Мироном и надеюсь, что он будет добрым и трудолюбивым, верным своему слову человеком, под стать своему имени.

– Что ты, Оленька, у нас в семье должно сохраниться имя Ефима, – в слезах возразила Лариса Марковна.

– Оно и сохранится, не принимая возражений, проявила характер Оленька, – он будет называться Мироном Ефимовичем.

Видя, что невестка непреклонна, Лариса Марковна примирительно произнесла:

– Хорошо, будем звать Мироном...

И вот теперь Оленька со своим Мироном ушла погулять на улицу.

– Крепитесь, дорогая Лариса Марковна..., – сказала Саня и сама заплакала, – я поз..во..ню через не..де..лю...

– Хорошо, доченька, не плачь, что теперь делать..., – собрав остатки мужества, говорила Лариса Марковна, успокаивая девушку.

Несколько дней Саня ходила на занятия, слушала лекции, но мысли её были с Сашей. Она проси-

ла Всевышнего, чтобы он сохранил его, сберёг, не дал, чтобы с ним случилось несчастье. Саният любила Сашу, несмотря ни на что: на козни Хайдара, нежелание родителей, на перипетии судьбы, которая в течение пяти лет ни разу не дала им возможности встретиться. Любовь не бывает прошлой, она или есть, или её не было. Никакой ни второй, ни третьей любви не бывает! Всё может случиться, на пути любви могут встать всевозможные преграды: могут разойтись мосты, когда влюблённые сердца окажутся на разных его концах; ей может помешать чужая воля, наговор, беспринципность и даже случайность. Могут пройти годы, но любовь не исчезнет. Она ляжет ещё одним пластом в недра памяти и покажется, что забылась, словно и не было её никогда. Но неожиданная встреча, случайный взгляд с грустной улыбкой воскресят в памяти милые черты, из недр памяти поднимутся залежавшиеся пласты и вдруг вспышкой озарятся улыбки, поцелуи, нежные прикосновения и лучезарные взгляды...Люди! Берегите любовь, она, как и мать, человеку даётся однажды!

Вернувшись из Москвы, Саният всё чаще стала задумываться над зловещей ролью Хайдара в смерти Бориса Ефимовича и его соседа. Она вновь и вновь перечитывала газеты, в которых говорилось о каком-то «Хатаке», допускала мысль, что этим «Хатака» мог быть Хайдар, но связать это событие с деятельностью последнего в Махачкале не могла. Хотя считала, что Хайдару ничего не стоило приехать в Москву и совершить зло. Поделиться же своими соображениями с кем-нибудь она не решалась, если не считать Марка своего и Саши – школьного друга, с которым встретила через несколько дней после поездки.

– Ты знаешь, Саният, – признался ей Марк, – в один из приездов Саши я рассказывал ему о нашем

непродолжительном школьном товарище Хайдаре, о том, что в городе о нем говорят как о бандите с большой дороги и, надо думать, банк, где он командует, не на сказочном блюдечке ему достался. А вот признаюсь тебе, ни по его умению вести себя, ни по доброжелательной, симпатичной улыбке, которой он одаривает многих, сказать о нём что-то плохое трудно. Вот и думаю, или он великолепный мастер перевоплощаться, или никакой он не злодей, хотя такой дом и такая машина как у него, не бандитским путём иметь нельзя...

– Вот и я о том же. Хайдар уже не один месяц преследует меня, его ищейка с миловидным женским лицом стала моей тенью. Он думает, что я об этом не знаю. Даже мои родители, которые спали и видели меня невестой Хайдара, узнав о нем что-то настолько преступное, дьявольское, сказали мне, чтобы я сторонила его. Однако Хайдар, эта хитрая лиса, ластится, готов лечь у моих ног...

– Что ты говоришь? – удивился Марк, но потом мудро добавил. – Однако его надо опасаться, Саният...

Выслушав предупреждение Марка, Саният вспомнила, как вчера на пути к автобусу, который шел из института в направлении ее дома, она неожиданно встретилась с Хайдаром. Как всегда, тот появился внезапно, в самое время, когда она не успела к остановке и автобус ушел.

– Привет, Саният! – поздоровался Хайдар и по-свойски предложил, – садись, подвезу...

Саният села на предложенное переднее сиденье.

– Ты, как всегда, вовремя, словно поджидаешь меня, – улыбаясь, но настороженно сказала она, повернувшись к Хайдару лицом.

– Тебя, Саният, я готов не только ждать, но и всегда быть рядом, – горячо ответил Хайдар, пряча от

девушки взгляд, – ты же знаешь, не будучи навязчивым, я давно мечтаю о том времени, когда мы могли бы быть вместе, твоя мать, как мне известно, этого очень хочет...

По-существу, это было первое признание Хайдара и именно оно насторожило Саният.

«О..о.. вот ты о чем.., – подумала Саният испуганно, – знал бы ты, что мои родители не только не велят с тобой встречаться, но даже и разговаривать с тобой. Однако говорить тебе об этом нельзя...»

– Что ты имеешь в виду, Хайдар? Ты же знаешь, что мы с тобой словно брат и сестра, и больше этого никак не может быть...

«Говори, говори, голубка.., – ухмыльнувшись, думал тем временем Хайдар, – я, конечно, твою болтовню выслушаю и даже сделаю вид, что принимаю твои рассуждения, но в самые ближайшие дни, вот также как сейчас, посажу тебя в машину и независимо от твоего желания, затащу в постель... Вот тогда я посмотрю, что ты запоешь... Ты, милая моя, стала лакомым кусочком и я тебя никому не отдам...»

Однако вслух сказал совсем другое:

– Конечно, Саният, если разобраться, мы даже больше, чем брат и сестра... Я думал, что мое желание встретит твое понимание...

– Нет, Хайдар, честно говоря, я об этом еще не думала, – мягко, но как-то решительно заявила Саният, – сейчас для меня главное всего закончить институт, получить диплом врача...

«Значит, я в твои планы не вхожу.., – рассуждал Хайдар, – и не только в твои, но и твоих родителей... О ком же ты мечтаешь? Неужели о Саше? Нет, его я, кажется, от тебя отвалил... Может быть появился Кто-то другой? Нет, я бы об этом знал... Ничего, еще несколько дней можешь помечтать... А вот когда я

тебя схвачу за роскошные волосы и уволоку к себе, вот тогда ты хоть мечтай, хоть ори, хоть плачь, тебе ничто не поможет..., я возьму твое красивое тело..., оно мое, а свое я никому не отдаю...»

Вслух же сказал, не похоже на себя, миролюбиво:

– Для меня, Саният, главное, чтобы ты была счастлива. За столько лет, что мы знаем друг друга, я свыкся с этой мыслью и поэтому буду рад исполнить любое твое желание... Вот мы и подъехали... До свидания, Саният, прошу тебя помнить, что у тебя есть близкий человек, не меньше чем брат, готовый быть рядом по первому твоему зову...

– Спасибо, Хайдар, и за то, что подвез, и за добрые пожелания, – улыбнувшись, сказала Саният и покинула его машину.

Не предполагала Саният, что после этого, казалось, любезного и доброжелательного разговора с хищником, над ее головой нависнет страшная угроза, которая бы положила конец всем ее мечтаниям и поломала ей жизнь, если бы милосердная судьба, ранее не особенно баловавшая ее, на этот раз, решительно махнув своим могучим крылом, не отвела от нее опасность. Хотя чувство риска, сгустившихся туч, какого-то дискомфорта после встречи с Хайдаром не оставляло ее. И именно оно, это чувство, при последних словах Марка, всколыхнуло в ней это воспоминание.

– Да, ты прав, Марк, я как раз сейчас об этом подумала, – призналась Саният и неожиданно добавила, – помнишь, ты рассказывал, что Хайдар сказал Саше о моем сватовстве, чтобы отвести его от меня? Так чему теперь удивляться, если он таким подлым путем действует и в других делах?

– Да...а, – задумчиво произнёс Марк.

– Как ты думаешь, если о моих подозрениях поделится с Ильёй Шербетовичем? – неожиданно высказалась Саният. – Он был самым близким другом Бориса Ефимовича...

– Не торопись, Саният, – посоветовал Марк, – ты говорила, что скоро в Москву возвращается Саша, ведь он, узнав об отце, покоя милиции не даст?

– Думаю, да, – ответила Саният – хорошо, подождём до возвращения Саши...

* * *

Все это время не имел покоя и Хайдар. При всей своей изобретательности и предусмотрительности, все же он допустил промах. Надо было тогда осмотреть квартиру этого Танака всю и эту девочку-японку найти и прибить. Оказывается, она его видела и фоторобот оказался почти похожим на него. Слава Аллаху, имя, произнесенное этим... Борисом Ефимовичем, она расслышала плохо.

Однако состояние дискомфорта не покидало его долго: и тогда, когда работник российской прокуратуры рылся в бумагах банка, и потом, когда пришли свои прокуроры и дотошно искали белую «Тойоту» и ее водителя. А ведь автоинспектор узнал его, но почему-то потом засомневался. Сколько было моментов, когда его жизнь висела на волоске. Если бы этот автоинспектор не засомневался, если бы только он сказал работнику прокуратуры, что это он был за рулем «Тойоты», Хайдар был готов извлечь из тайника пистолет и пристрелить обеих. А дальше... Да, без содрогания об этом эпизоде он вспоминать не мог.

Все это время и внутри его дома, и у ворот дежурили его вооруженные охранники. Лишь три дня назад, успокоившись окончательно, он снял охрану. Хватит прятаться и вести тихий образ жизни, поду-

мал он, пора дать телу блаженство, а душе – свободу. В конце концов, жизнь дается не дважды. И Санятку пора прибрать к рукам. Если не согласится добровольно, заставим, на худой конец насилую, а потом сама захочет... ха...ха... Что-то и отец ее нос отворачивает, а раньше «Сынок, как дела?» спрашивал. Мать же, эта худая жердь, готова была сама лечь, сука. «Хайдарчик», «дорогой», подарки брала, а сейчас с моими не общается и не здоровается. Подождите, будущие родственнички, ха...ха... вы у меня еще запоете... Интересно, кто их информаторы...

Эти мысли неслись в голове Хайдара не от успокоения. Для мерзких людей нет ничего приятнее как мстить за свое пигмейство и ничтожество. Нередко его посещали и голоса тех, которых он немилосердно убивал и мольбы насилуемых юных женщин. И если потом они угрожали разоблачением, расстреливал из своего любимого бесшумного пистолета без сожаления. Раньше с ним этого не было. Его не мучила совесть, не тревожили сны. Он оправдывал свои злодеяния тем, что они были не столь существенными и обусловлены необходимостью. Однажды один зажиточный горожаннин, которого грабили волки его стаи, смело взглянул на него и сказал:

– От крови, что льешь, бандит, кровью харкать будешь! – плюнул на него и всей пятерней нанес удар по красивому лицу.

Хайдар вытерся и выстрелил в него в упор – бестыжему одной оплеухи мало.

Ни один человек, совершивший зло, не был счастлив, ибо зло возвратимо. На смену спокойствию приходит нервозность, трезвость сменяется пьянством, в котором и Хайдар стал искать эликсир покоя. Дом его по вечерам снова стали посещать женщины легкого поведения, а в перерывах разрабатывались планы но-

вых разбоев. За ненадобностью, он выпроводил и до-родную домработницу, которая свою роль сыграла превосходно, а посему – щедро вознаграждена.

В этот вечер пятницы, когда муэдзин пропел с минарета традиционную молитву, которой Хайдар, как всегда не придавал никакого значения, он отпустил миленькую продавщицу цветов, которая была пропитана затхлым запахом модных импортных букетов, совершенно лишенных чудесного аромата местных цветов, потом пультом закрыл ворота и стал дожидаться управляющего банком Алиматова, с которым они вели в такие дни беседу о делах, пили чай и до позднего часа играли в нарды. Часов в семь, как и ожидалось, пришел и он.

Легкий ветерок с Каспия после изнурительной жары августа обещал в эту сентябрьскую ночь отдохновения и прохлады. Со стороны рынка, на Батырая, в открытое окно хайдаровского особняка проникали тонкие ароматные запахи дынь из Чарджоу и селения Нюгди, желтой, как шафран, айвы и всевозможных пряностей. Возможно так казалось, ибо всех этих фруктов вдоволь было в огромных хрустальных и фарфоровых вазах на столе. Состояние идиллии и безмятежности господствовало здесь, словно жизнь – не бурный поток страстей, не время в своей быстротечности, а штиль в океане... И такой останется в будущем?!

Не видел Хайдар, что ангел смерти Азраил кружит над его головой, кружит в раздумьях...

20

Лёшка – шабашник подъехал к Махачкале, как просили пассажиры к 7 часам вечера. Остановив свою «Волгу» за два километра до северного поста ГАИ, он выпустил Сашу и Хикару, которые направи-

лись к остановке автобуса, откуда автобусы едут к северной автобусной станции столицы республики, расположенной в конце проспекта Калинина, близ городского кладбища, а сам отвёз Таро и Хацумото (отца с дочерью из Терекли-Мектеб – так было решено называть их в дальнейшем) на улицу Батырая, где помог им разгрузить вещи. Туда же, после того как выполнят ряд организационных вопросов, подойдут Саша и Хикару.

За это время Саша связался с Марком по телефону, и поскольку у него был ключ от квартиры Огненных, попросил Марка сходить туда и ждать его там сколько бы ни пришлось, естественно, предупредив мать, что задержится у какого-нибудь друга, а может быть и заночует у него. После этого Саша и Хикару поехали к дому Хайдара, памятуя о предупреждениях Марка, что Хайдар в настоящее время наружную охрану снял, собак у него нет, а вот что там внутри двора с охраной, ему узнать не удалось.

Осмотрев высокий, четырехметровый забор особняка, Хикару поцокал языком, мол, не фига себе отгрохал бандит «изгородь», небось боится таких же, как сам. Выбрали самый темный, неосвещенный с улицы участок забора и решили подойти сюда где-то к полночи.

– Извини Хикару – сан, – спросил Саша своего названного брата, – у нас же нет никакого оружия?

– Есть, – спокойно ответил японец.

– Где?

– Вот в моей сумке, – и показал на небольшой кожаный мешочек в руках.

Открыв, Саша обнаружил в нём: «кошку» – небольшой якорь с тремя лапками; моток верёвки из крепкого волокна; три охотничьих ножа, похожими на те, которыми пользуются спецназовцы в Афгане,

по три пары перчаток из тонкой ткани и несколько чёрных масок, которые в обиходе тех же вышеназванных подразделений.

– Ты где их взял, брат? – впервые за все эти дни назвал Саша японца братом. – Ты считаешь, что этого достаточно?

– Купил в Хабаровске, когда прилетели из Токио, – ответил он удовлетворённо. – Я тогда ещё подумал, что можем оказаться в подобной ситуации. Что же касается вопроса, достаточно ли всего этого, думаю, что да, тем более, что нас теперь три бойца, а е два, как было раньше...

– Ты думаешь, что Таро–сан тоже боец? – недоверчиво спросил Саша.

– Ещё какой! – воскликнул Хикару. – Пять лет назад он был чемпионом Японии по дзюдо и мастерски владеет метанием ножей и звёздочек. Это наш Рокуро–сан в своё время уговорил его переехать за хорошую плату в Москву, к нему на работу. У него малость грамоты не хватает, а боец он – первоклассный...

– Можно ли тебя спросить, брат, чем ты занимаешься у себя на родине? – вежливо спросил его Саша.

Хикару ненадолго задумался, а потом, доверительно взяв Сашу за локоть пошел вперед и признался:

– За те дни, что мы были вместе я понял, что ты умеешь держать за зубами язык и в нужное время быть бесстрашным и решительным, поэтому не скрою от тебя, брат, имей в виду, только от тебя.., что я боец отряда особого назначения, как у вас – спецназ... Взял отпуск, чтобы найти убийцу наших близких и воздать ему должное...

Хикару остановился. Повернулся к Саше лицом и, взглянув ему прямо в глаза, сказал:

– Теперь, брат, я хочу сказать тебе, что то на что мы пойдём через час-полтора крайне опасное, я бы даже сказал смертельно-опасное дело. Готов ли ты пойти на это?

– Да, брат, – твёрдо, не отворачивая взгляда ответил Саша.

– Спасибо, брат, я другого ответа и не ждал, – обняв Сашу, ответил Хикару. – но звёзды на небе говорят, что у нас всё будет хорошо и злодей понесёт заслуженную кару. – И японец, соединив ладони, вознёс их к небу.

Подошли они к Таро и Хацумото как раз тогда, когда те начали терять терпение. Наняв такси, Саша быстро поехал к себе домой и разгрузил немалый багаж. К счастью, в эти несколько минут ему никто из соседей и знакомых не повстречался. Не было и Марка.

Таким образом, в назначенное время к особняку Хайдара как бы мимоходом, подошли четверо неприметных людей и стали к неосвещённой части забора. Оглянувшись, Хикару быстро привязал к «кошке» верёвку и, бросив её на забор, потянул к себе. «Кошка» намертво вцепилась в забор. Привязав к ремню ножны Хикару надел перчатки, и не теряя времени, взобрался на забор, перетащил верёвку на внутреннюю сторону и тихо спустился во двор. Надел маску.

На тускло освещённой лестничной площадке сидел здоровенный парень – амбал, видно, один из головорезов хозяина, слушал национальную музыку и пил чай. При всей неожиданности ситуации, он мог оказать серьёзное сопротивление, поэтому Хикару решил не рисковать. Разбежавшись, он бросился вперед и так ловко и сильно ударил ребром ладони громиле в болевую точку шейной части, что тот, не успев даже охнуть, свалился со стула и на несколько

часов вышел из строя. Хикару отошел от огромной туши и оглянулся по сторонам. Лишь музыка из приёмника нарушала тишину. Во дворе никого не было. Он посмотрел с края окна на игравших в холле. В ярко освещённом помещении лица двух игроков были отчетливо видны. Поэтому Хикару бесшумно отошел и крадучись направился к калитке, которая закрывалась и открывалась с пульта, расположенного внутри дома. Обученному всем этим премудростям японцу, не составило особого труда таким образом вывести из строя систему сигнализации, что калитка открылась, не издав ни звука.

Саша, Таро и Хацумото, которые с нетерпением ждали этой минуты, облегчённо вздохнули быстро вошли во двор. Оставив Сашу, на всякий случай, у выведенного из строя охранника, Хикару потянул за собой Хацумото и Таро к окну, чтобы показать ей Хайдара (он полагал, что один из двух играющих хозяин) и лишний раз убедиться в своих подозрениях. Хацумото, взглянув на улыбающегося Хайдара, побледнела, закрыла рот рукой, чтобы не вскрикнуть и быстро быстро покачав головой, а потом показав рукой, дала понять Хикару, что тот, который в данный момент смеётся и есть убийца.

Теперь предстояло завершить последний этап операции. Они усадили Хацумото на белый пластмассовый стул во дворе, рядом с охранником, который находился в состоянии глубокого сна, а сами, все трое тихо открыли входную дверь и в масках, неожиданно окружили Хайдара и управляющего банком «Горизонт» Алиматова. Те вначале чуть не потеряли дар речи, прекратили игру и уставились на незваных гостей.

– Кто вы, чёрт возьми!?! – Воскликнул пришедший в себя Хайдар и встал.

– Сидеть! – приказал Саша и приблизился к своему кровному врагу. – Советую тебе не рыпаться, а отвечать на наши вопросы.

– Чем правдивее ответишь Хайтак, или как тебя ещё зовут, тем быстрее душа твоя улетит в ад, – вмешался в разговор Хикару и тоже приблизился к Хайдару.

«А-а, – подумал Хайдар, – этот – не русский, неужели японец – один из людей Рокуро Танака осенило его. – Как же они вышли на меня? Девочка? Да, только она.

В этот момент, воспользовавшись тем, что его оставили один на один с Таро, Алиматов вскочил со своего места и кинулся на него, прихватив со столика тяжелую хрустальную пепельницу. Однако, не успев сделать взмаха своим опасным орудием, как Таро выхватил нож и бросил его в нападавшего. Нож вонзился несчастному прямо в сердце и он упал как скошенный.

Теперь Хайдар понял, что эти люди пришли к нему не шутки шутить, надо что-то предпринять.

Что вы делаете. За что вы убили этого безвинного человека? – озабоченно спросил он пришельцев и сделал два шага к антикварному комоду, где он прятал пистолет.

Дорогу ему преградил Саша и снял маску.

– Саша? – удивился Хайдар. – Друг мой, что за комедию вы здесь разыграли, я ничего не понимаю?

– Остановись, если не хочешь, чтобы тебя убили также, как твоего помощника! – строго предупредил он Хайдара и предложил. – Видишь мы безоружны. Отвечь мне, за что ты убил моего отца и Рокуро Танака?

– Что за глупости, я их не убивал, – сказал Хайдар с такой непосредственностью, что если бы здесь стояли не те, кто его хорошо знают, а другие – они бы поверили, что он ангел, спустившийся с небес.

– Перестань врать хоть бы сейчас, гад! тебя опознала девочка, которая находилась в квартире в момент твоего злодеяния, – говорил Саша спокойно, словно вбивал в Хайдара гвозди. – Она и сейчас здесь, поэтому ответь на мой вопрос, за что ты убил моего отца и прекрасного человека, брата того, который приехал сюда за тысячи километров, чтобы задать тебе этот же вопрос?

Хайдар видел, что никакого оружия ни у Саши, ни у этого японца нет. Значит, решил он, надо потянуть время, разыграть комедию, признаться, что это произошло не преднамеренно а случайно. Самому же потихоньку двигаться к комоду, достать пистолет и прибить этих глупцов, которые пришли угрожать ему безоружными.

– Что ж, я расскажу. Аллах свидетель, что я не виноват, – начал Хайдар свою исповедь, – наш банк должен был вернуть Рокуро Танака – нашему клиенту 12 миллионов рублей. Он потребовал это письменно. Мы сразу, по первому требованию это сделать не могли. Тогда он приехал в Махачкала и потребовал немедленно с ним рассчитаться. Нам ничего не оставалось, как собрать и по его чеку вернуть указанную сумму. Он забрал деньги и уехал. И что вы думаете? Через три дня он потребовал такую же сумму ещё раз, – плёл Хайдар в своё оправдание, – заявив, что никаких денег он не получал. Я ответил, что у нас есть чек с его подписью, на котором чётко указано, что он эту сумму получил. Он потребовал переслать ему копию этого чека. Мы сделали то, что он просил. И тогда он заявил, что у нас есть другие его чеки и если их сравнить, то мы сразу поймём, что это подделка. Сверив, я убедился, что этот человек нас обманул, подсунул нам липовый чек, а я поверил ему.

При этом Хайдар так жестикулировал, делал шаг то вперёд, то назад, целенаправленно продвигаясь к комоду, и так правдоподобно всё говорил, что можно было диву даваться его актёрским способностям.

– Что мне оставалось делать? – вопрошал он, делая ангельское лицо. – Я поехал в Москву, к нему на квартиру, в надежде, что он не станет разорять мой банк, в ответ на моё гостеприимство, в его предыдущий приезд. Однако он меня встретил холодно, не стал даже разговаривать и фальшивый чек не поменял на настоящий. Мало того, стал угрожать мне пистолетом, чтобы я немедленно покинул его квартиру. Я не из робких десятков, мало того, что меня это оскорбило, я не на шутку разозлился и кинулся отнимать у него пистолет. И в этой борьбе пистолет случайно выстрелил и попал в него...

– Прямо в лоб? – с сарказмом заметил Хикару.

– Да, но я не стрелял в него, – горячо продолжал Хайдар, почти оказавшись около комода – его последней надежды.

– Допустим всё так и было, – сказал Саша так простодушно, будто поверил всем этим выдумкам, – А кто же тогда убил моего отца?

– Это чистое невезенье. Я хотел было взять один чек из чековой книжки господина Танака и уйти, как из другой комнаты неожиданно появился Борис Ефимович. Он стал на меня кричать, что я убил безвинного человека, что он сейчас вызовет милицию, что он меня знает...

Хайдар упёрся о комод, будто устал от рассказа и волнения. Он думал над тем, как неожиданно для его преследователей открыть ящик и извлечь спасительный пистолет, терпение, не такие они простаки, чтобы прийти сюда без оружия, особенно тот, который убил Алиматова, он зорко глядит за каждым моим

шагом и, видимо, первым надо выстрелить в него. Терпение...терпение. Надо продолжать морочить им головы.

– Не мог же я ни за что влипнуть, вот и пришлось выстрелить в него. Чтобы вы мне поверили, я покажу вам тот самый липовый чек, из-за которого я попал в эту историю...

При этих словах Хайдар вытянул ящик комода, хладнокровно схватил уже заряженный пистолет и направил его сперва на Таро, но тот молниеносно выбросил вперёд руку и в горло Хайдара вонзился широкий охотничий нож перерезав ему гортань. Второй же нож, выброшенный Хикару в ту же секунду, до самой рукоятки вошел ему в спину, достав замершее сердце злодея.

Достав ключи из кармана уже бездыханного Хайдара и ножи из его тела, они обшарили весь дом и в одной из комнат, которая должна была стать со временем кабинетом, в стене, за большой дорогой картиной известного художника нашли сейф, в котором, кроме мешочка драгоценностей, кулёчка бриллиантов, сотен пачек долларов лежал чёрный чемоданчик – дипломат, о котором говорила Хацумото, с украденными 12-ю миллионами рублей, принадлежащих Рокуро Танака.

В то время, когда Хикару и Таро были заняты сейфом и его содержимым, Саша подошел к столу, на котором в красивой рамке стояло фото Саният, – предмет вожделения Хайдара, а рядом пачка писем и телеграмм, адресованные им Саният. «Вот кто крал мои письма и почему Саният не получала их», с горечью подумал Саша и собрав их вместе положил в карман.

Кроме своего, никто из присутствовавших на эти богатства, спрятанные в сейфе не позарились. Ушли

удовлетворённые, что к злодею возвратилось зло, что души безвинно ушедших посылали с небес сигналы о своём успокоении. А Хикару опустившись на колени во дворе, молился, то и дело соединяя ладони и поднимая их к небу. «Каждому по заслугам его воздастся».

Затем спокойно сняли с забора «кошку» с верёвкой, развязали её и снова сложили в мешочек, вытерли и промыли ножи, а затем зачехлили их, сняли перчатки и маски, чтобы положить всё это вместе в тот самый мешочек, который, совершив долгое путешествие, выполнил поставленную перед ним задачу, чтобы по желанию хозяина в костре цыгана–кузнеца сгореть и исчезнуть навсегда.

На квартиру Саши они пришли к двум часам ночи, ибо идти пришлось недолго. Марк не спал, он согрел чай и стал угощать ни о чём не спрашивая. Пить и есть никто не хотел. Хикару, Таро и Саша зашли в другую комнату и почти час говорили.

– Саша-сан, брат мой, – Обратился к нему Хикару. – то, ради чего я сорвался и приехал, свершилось. Потеряв брата, я приобрёл другого. Благодарю Великого Создателя нашего!

Он соединил ладони и воздел их к небу.

– Могу я попросить тебя ещё об одном?

– Да, брат я слушаю тебя, – ответил Саша.

– Возглавь фирму в Москве, пусть имя моего брата не умрёт вместе с ним, Таро–сан будет тебе помощником, – он взял листок бумаги и авторучку и набросал на нём несколько номеров телефонов. – Если она будет приносить доходы, часть из них по своему усмотрению пошлешь бабушке Софье или отцу. В квартире, где раньше жил брат пусть теперь живёт Таро-сан и Хацумото. Помогите им, пожалуйста, в

оформлении. Передай мои приветы и добрые пожелания маме и Оленьке.

– Он встал со своего кресла, подошел к окну, согнул колени и минуту молился, привычно сложив ладони. Закончив молитву, он снова обратился к Саше:

– Я поеду обратно и вам советую немедленно уезжать, через час-два проснётся охранник. Попроси Марка найти такси, чтобы отвезти нас до автостанции. Если удастся, я поеду в Волгоград, а оттуда обратным поездом в Хабаровск, а Вы – в Москву.

– Хорошо, брат, – ответил Саша после того, как отправил Марка за такси, – Но, я никогда подобным делом не занимался...

– Уверен, что справишься. У тебя есть верный помощник и друг, прошу тебя, береги его..., Хикару обнял Сашу и так недолго они постояли вместе.

Марк вернулся с такси. Быстро загрузили машину.

– Марк, друг мой дорогой, скоро ты обо всём догадаешься сам, – обратился Саша к другу, когда они остались вдвоём. – Я тебе позвоню, а , возможно, скоро приеду и сам. Еду в Москву, через два дня передай Саняту, что я уже в Москве, пусть позвонит. Спасибо тебе!

– Он обнял по братски Марка и вышел из квартиры.

На автовокзале даже в три часа ночи было оживлённо. В поисках такси для поездки в Волгоград, Саша снова наткнулся на Лёшку-шабашника

– Вот это да, – Воскликнул тот весело, – небось опять обратно?

– Да, вы угадали, – ответил Саша, улыбаясь, – повезёшь?

– Какой хабар, – ответил Лёшка-шабашник, – с радостью. Где вещи?

Быстро загрузились и тронулись в путь.

* * *

К четырём часам утра в доме Хайдара проснулся охранник – предутренний озноб вынудил того проснуться несколько раньше, чем предполагал Хикару. Магнитофон был включён, но музыки слышно не было. Значит, кончилась кассета.

Который час? – подумал он и, взглянув на часы, ужаснулся – 4 часа. Он спал прямо на земле. Что же с ним произошло? Он встряхнулся окончательно. В окне дома продолжали светить люстры. Неужто играют? Охранник подошел к окну ближе и заглянул внутрь квартиры. Алиматов почему-то лежал на полу, а хозяина не видно. Присмотревшись, он с тревогой обратил внимание на позу лежащего и какие-то пятна вокруг. Охранник открыл входную дверь и вошел в холл. В одной луже крови лежал Алиматов, в другой – хозяин. Оба были мертвы. Схватившись за голову и зарывав от беды, свалившейся на его голову он подбежал к телефону и набрал другого авторитета из команды Хайдара...

Через час около двадцати машин братвы остановились у особняка. Суд был недолгим: охранник проспал, хоть он молился и божился, что его «выключили», что эта кровавая расправа – дело рук другой группировки, с которой у них недавно схлестнулись интересы. Однако, решили они, надо сообщить милиции.

В милиции долго судили да рядили, что способ, каким проникли в дом и убили банкиров не похож на известные в республике, что всё было сделано профессионально тонко и грамотно, что даже, если это был заказ другой бандитской группировки, то киллерами были не местные, а со стороны. Никаких следов «на поле боя не было оставлено, однако, если быть че-

стными до конца, то работники правоохранительных органов и не хотели никаких следов. Слава о бандитском прошлом убитого Хайдара набила оскомину и они в какой-то степени, были удовлетворены тем, что если законным путём не удалось его утихомирить, если он каждый раз ускользал от законной кары, то теперь это сделали за них коллеги по разбою.

Однако, независимо от желания или нежелания кого-то следствие продолжалось и в протоколах дознавателей появлялись всё новые и новые данные. Так, например, по следам на заборе было установлено, что для преодоления забора использовались «кошка» и верёвка, волокна которой не похожи ни на одно из используемых верёвок на ближайших фабриках на расстоянии более 1000 километров. Далее, на шее амбала – охранника, которого Хакару одним ударом уложил на длительную спячку, криминалист обнаружил чёрную ниточку, природу которой так и не сумели определить. А таких широких ножей, которыми убили Хайдара и его помощника, как установило следствие, ни в одном магазине даже соседних республик не продают. Данные экспертизы были высланы во все управления внутренних дел страны, но положительных отзывов так и не поступило. Видно, принадлежности из мешочка Хикару были приобретены не в Хабаровске. Дальновидный японец предусмотрел и это.

Таким образом, следствие зашло в тупик и дело, обрастая новыми, несущественными фактами, пылилось и откладывалось в сторону. Таких преступлений, которые годами не раскрывались по той или иной причине, в стране становилось всё больше и больше, пока случайное происшествие или преступление не проливало свет на забытое.

Другое дело – молва. Часть горожан, судьбы которых коснулась банда Хайдара, не скрывала удовлетворения и лишней раз убеждалась в извечной истине о непрременной наказуемости зла, в божественной справедливости. Другая же часть, не знавшая о грабежах и насилиях этих разбойников, которые на крови многих ни в чем не повинных людей строили себе особняки и огромные производственные корпуса, выражали сожаление по поводу этой трагедии. Что тут судить и гадать?! О людях речь идет: они сами творят себе богов, они же – сбрасывают с пьедесталов вчерашних кумиров. Такова жизнь в своей противоречивости, многообразии, подъемах и падений, необъяснимой загадочности.

У каждого человека в жизни бывает два имени: одно, которым его нарекли родители и с которым его хоронят, второе же – то, которое остается среди людей. Это имя его деяний – добра и зла, которые он при жизни совершил. Это имя ходит за его гробом (маафе) в день его похорон, это имя надолго или нет остается с людьми в качестве осуждения или любви. Если человек был добрым и отзывчивым, о его смерти сожалеют, если же вредным и злым, о нем говорят, что лучше бы он умер еще в утробе матери. Все остается людям...

Саният и весь их дом услышали о случившемся утром того же дня, когда братва через своего посланца известила отца и мать Хайдара об убийстве сына. Сперва были крик и плач обезумевшей матери, затем быстрые сборы и отъезд.

«Каким образом, – думали – гадали несведущие горожане, – в большой охраняемый особняк Хайдара пробрались убийцы и выпустили в него целую обойму?» С каждым часом это трагическое известие обрастало новыми данными, чтобы к концу дня превратиться в правдоподобную легенду.

«Этого следовало ожидать, – подумал Магомед, отец Саният, с горечью, – сколько бы преступная веревка ни вилась, все равно конец ей будет... – не бывает так, чтобы тень дерева не повернулась на ствол».

«Прав был, как оказалось, мой Магомед, что уберег дочку от этой беды, да отведет Аллах от нас свои напасти», – подумала мать Саният и прослезилась, все же Хайдар вырос на ее глазах.

При всем том, что Хайдар не оставлял ее без своего «внимания», Саният не могла не признать, что он не причинил ей особого вреда. Отвадил ухаживающих молодых людей неподобающим, лучше сказать, нечеловеческим образом – да, видимо, очень хотел, чтобы она была к нему благосклонна; преследовал ее в автобусе, в кино, на прогулках, в поездках – где угодно, да, но никогда не навредил, не ущемил ее достоинства при людях. Наоборот, всегда был любезен. Дарил подарки. Хотел, чтобы она была с ним и ни с кем больше. При этом подлым путем отвадил от нее Сашу. В нем, в этом безжалостном молодом человеке, со свирепым тигром уживался мягкий зверек. Однако Саният не знала, что в самом скором времени ее ожидали страшные беды, что терпеть и дальше ее отчуждение Хайдар был не намерен. Слава богу, она этого не знала. А потому, как и все соседи по Ому, она накинула на голову черный платок и вместе с отцом и матерью вечером, после занятий, ходила к окутанному в траур особняку, куда приходили выразить соболезнование знакомые и близкие люди. Мертвые сраму не имут.

По всему двору, тут и там, кучковались женщины. Спрятав губы за край платков, одни из них шепчутся о чем-то, другие плачут, третьи, более близкие, помогают убирать двор, расставляют скамейки, чтобы хотя бы часть людей могла сесть, выполняют дру-

гие поручения, выражая таким образом свое расположение к одетой в траур и убитой горем матери. Особо выделяется небольшая группа одетых в черные костюмы молодых людей, которые, насупившись, подозрительно разглядывают всех посещающих траурный дом в эти часы незнакомцев, кои молча стоят и уходят через некоторое время, выражая подобным образом свое сочувствие. Невдомек этим молодым людям, что необязательно выражать свои чувства словами, вслух, что горцы в минуты печали веками свою скорбь передавали друг другу горестным молчанием.

Саният – теперь уже не вчерашняя школьница. Через несколько месяцев она получит диплом врача и смерть видела не только в период практики в больницах, и на операционном столе, после того как больного или искалеченного в аварии не удалось спасти, но и в анатомичке, когда выдавший виды эскулап, что называется, на «живом» примере учит студентов уму-разуму. Саният понимает, что смерть – это уход в небытие. Что Хайдар не будет теперь докучать ей своими ухаживаниями, не даст указание своему помощнику устроить за ней слежку, не станет мешать ей увидеться с Сашей... Вспомнив сейчас о нем, Саният снова вернулась к своим подозрениям по поводу убийства Бориса Ефимовича и показаниям японской девочки-свидетельницы, назвавшей убийцу «Хайтаком», и фотороботе, который был вывешен в Москве. Судя по разговорам, что здесь витает убийство, которое произошло здесь прошлой ночью – какое-то замысловатое. Совершенное не своими, не с целью ограбления. Отец рассказывал по пути сюда, что милиция нашла в доме сейф, набитый несметным богатством, что правду люди говорили ему о грабежах и насилиях Хайдара и его команды. Только те-

перь отец открыл ей, что узнал о Хайдаре такое, что не поддается никаким описаниям, что он, порой диву давался тому, что человек в 23 года может столько натворить.

Саняет снова вернулась к своим подозрениям. Не могли ли убить Хайдара, а заодно и его подручного – управляющего банком, оказавшегося в это время в доме, родственники или друзья того японца – соседа Ларисы Марковны, в компании с которым убили и отца Саши? Они могли выследить и покарать убийцу, ибо японцы – народ боевой и обиды, нанесенной им незаслуженно, никому не прощают...

Эти же мысли не покидали Марка с утра, как только весть об убийстве Хайдара стала достоянием отдела криминальной хроники телевидения. Проснувшись в квартире Саши он согрел чай, сел позавтракать захваченным из дома бутербродом, и включил телевизор. Марк невольно вздрогнул. Он вспомнил рассказ Саняет об убийстве отца Саши в квартире соседа-японца, о ее подозрениях на Хайдара, о вчерашних пришельцах с девочкой, очень похожей на японку, и двух других мужчинах в гриме, правда, неплохо говоривших по-русски. Чутье подсказывало Марку, что молниеносный приезд и отъезд Саши и его спутников каким-то образом могли быть связаны с этим вчерашним убийством, что опасность, о которой предупреждал Саша, наверняка была связана с трагической миссией этих пришельцев. И последние слова Саши, что о цели его приезда он расскажет ему в следующий раз, а может быть он и сам в скором времени обо всем узнает. Марк, раздумывая, все больше приходил к пониманию того, что данные о доме Хайдра, которые он передал Саше по его просьбе, а также смерть Хайдара и приезд Сашиных друзей, непременно связаны друг с другом. Тем более,

что Саша не хотел, чтобы о его приезде в Махачкалу стало кому-либо известно, даже Саният, о встрече с которой он мечтал все эти годы. «Я тебе позвоню, а возможно скоро приеду и сам. Еду в Москву..., передай Саният, что я уже в Москве, пусть звонит...», – это были слова Саши перед расставанием и они лишний раз говорили за то, что подозрения Саният были не беспочвенны...

21

Уже в поезде Волгоград – Москва Таро рассказал Саше о состоянии их торгового центра и о том, что Хикару оставил ему все изъятые у убийцы 12 миллионов рублей с тем, чтобы часть из них немедленно перечислить поставщикам запчастей в Японию, выплатить долги по зарплате продавцам, бухгалтеру, юристу и другому обслуживающему персоналу, а также на текущие расходы. Таро не преминул ознакомить Сашу-сан со своими обязанностями, из чего теперь уже новый хозяин, Саша-сан, понял, что Таро выполнял при Рокуро большой объем работы: по контролю за ведением кассовых операций; своевременной поставкой запчастей и их наличием на складах, которых было три; занимался ответами на письма покупателей, обращаясь к хозяину лишь за подписью или в силу крайней необходимости. А вот вопросами заключения договоров на изготовление и поставку запчастей занимался, мол, сам хозяин, советуясь в том или ином случае с Таро. Как выяснилось, именитый в прошлом японец занимался и вопросами организации безопасности торгового центра, расположенного недалеко от площади Восстания. Что касается вопросов переоформления фирмы на Сашу и квартиры покойного Рокуро на Таро, то Хикару обещал срочно, по своему приезду домой, прислать соответствующие

документы, поскольку свидетельства на право собственности при отъезде из Москвы с гробом, Таро захватил с собой и оставил их у Такаши – отца Рокуро. Таким образом, они решили открытие торгового центра не откладывать до получения от Хикару необходимых бумаг и оформления их в соответствующих инстанциях. Было решено также, что Таро-сан тоже сразу перейдет в квартиру Рокуро, так как Хацумомо предусмотрительно была прописана там.

Итак, после всего пережитого, Саше предстояло провести новую борозду на нераспаханном поле жизни. Господи, сколько их уже было! На долю двадцатидвухлетнего молодого человека выпало столько несчастий, что окажись на месте Саши кто-нибудь другой, впору было согнуться под их тяжестью, упасть и не встать. Но ни Саша, ибо в нём сидела непоколебимая вера в собственные силы, в любых обстоятельствах не терять бодрости духа, воли к сопротивлению, в нём сидел оптимист, который не боится страданий, а вопреки ним переживает их и побеждает. Именно эти качества увидел в нём умудрённый Хикару, когда понял, что Саша относится к числу тех немногих людей, высшим отличием которых является молчаливое упорство в преодолении самых жестоких препятствий.

Саша был в раздумье. Как помочь маме и Оленьке в этот самый трудный период их жизни? Как сгладить остроту их переживаний так, чтобы ещё больше не ранить их переболевшие сердца? Мамошка моя! Как мы порой бесшабашны, расточительны и невнимательны к матерям, пока они с нами и дарят нам своё тепло и ласку, и пока, в конце концов, не теряем их навсегда. Мы не ценим родник, пока он не иссякнет. Саша понимал и другое, что теперь, когда у матери кроме него одного в целом мире нет близкого

и родного человека, он не имеет права оставить её одну. Эта мысль придала ещё большую уверенность в том, что он поступил правильно, дав согласие своему японскому брату Хикару, продолжить дело Рокуро. Да, он сделает всё, чтобы дело, заложенное Рокуро, продолжало процветать, чтобы от деятельности его, Саши, была польза не только отцу Такаши, но и бабушке Софье, к которым он, бог даст, полетит вместе с мамой и... Саният. «Саният, милая Саният! Прости меня, что был рядом с тобой и не мог тебя повидать и сказать тебе, что я никогда не забывал тебя», – мысленно говорил Саша со своей возлюбленной, которую никогда вслух так не называл, но так думал. По телефону, даже в горькой печали своей, мама не забыла сказать Саше, что приезжала Саният и была с ней целую неделю, не упомянув лишь о том, что так же, как и сама, всё это время не снимала с головы траурного черного платка. А Марк, верный друг, никогда не говорил о дружбе, но в нужную минуту всегда оказывался рядом, подставляя Саше своё плечо, и он говорил, что Саният принимала участие в похоронах отца. Скоро Саният позвонит...

Марк в последнюю встречу всё сделал, как его просили, всю ночь не смыкал глаз, встретил и провёл Сашу и его друзей, и ни о чем не спросил. Конечно, теперь он обо всем догадается, но никогда никому не скажет, даже у себя в семье. Марк – кремень, на которого можно положиться, как на самого себя. Из всего класса Саша почему-то в друзья выбрал лишь Марка, и если бы его спросили почему, он бы не сумел ответить. Кто знает, почему из многих в друзья мы выбираем лишь одного, ибо раз сделавшись другом, надо стараться оставаться им навсегда, потому что одинаково плохо не иметь друга и менять друзей. Дружба – не услуга, за нее не благодарят.

За этими раздумьями время пролетело настолько стремительно, что для Саши стало полной неожиданностью, когда диктор радиовещания поезда сообщил, что через полчаса поезд подъедет к столице – Москве. Стали быстро собираться. Саша еще раз убедился в собранности Таро, в его умении в считанные минуты выбрать и сделать самое главное, оставляя второстепенное напоследок. Если, мол, не успеет, то невелика беда. «Хорошо, что сразу не расстанемся, – подумал Саша, – все вместе едем по одному адресу».

Дверь открыла поседевшая, осунувшаяся мать. Увидев стоявшего в дверях Сашу, она охнула и кинулась обнимать сына.

– Сашенька, дорогой мой, наконец-то, – причитала она, в обнимку ведя его в квартиру. – Мы уже все глаза проглядели, сынок, а тебя все нет и нет...

– Мамочка, родная, я и сам торопился, а поезд не идет, а ползет..., – говорил Саша, обнимая любимую, теперь уже и единственную, самого близкого ему человека. – Теперь я уже с тобой разлучаться не буду.

– Ой, хорошо-то, Сашенька, – снова прослезившись, говорила Лариса Марковна, не выпуская сына из объятий. – Устала я ждать...

У порога в другую комнату, вся в слезах, стояла с ребенком на руках Оленька. Увидев ее, Саша остолбенел. Он хотел броситься и обнять невестку, однако оставить прильнувшую к нему мать не мог.

– Мамочка, дай я с Оленькой поздороваюсь, – отстранился он от матери и кинулся к невестке, обнимая её и сынишку.

– Здравствуй, Оленька, я вернулся о..один, не су..мели мы сберечь Ефима, – теперь уже вместе плача, говорил Саша. – Прости меня...

– Ты-то причём, Сашенька, – рыдая, отвечала ему невестка. – Скоро Мирончик спросит папу, а что я ему отвечу? – и Оленька снова зарыдала.

Мальчик некоторое время во все глаза смотрел на плачущих мать и дядю, а потом и сам заплакал.

Саша взял плачущего племянника на руки, прижал к себе и стал успокаивать:

– Ну, ну, не плачь, богатырь, в жизни всякое бывает, брат, – сказал Саша, и у его глаз стала заметна первая морщинка мудрости.

Когда все успокоились от волнений и тягостных, мрачных воспоминаний, Лариса Марковна рассказала сыну подробности смерти отца в квартире соседа и поделилась с ним, что следствие зашло в тупик и убийцу так и не нашли. Между тем и Саша поведал матери, что в пути в поезде оказался в одном купе с помощником соседа Таро-сан и девочкой, Хацумомо, которая в момент трагедии спряталась в квартире, о чем писали в газетах. Что они сейчас в соседней квартире. Обо всем остальном Саша решил пока ничего не рассказывать матери, так как не следует торопить события.

Поскольку ни мать, ни Оленька не расспрашивали его о причинах их ухода из армии, видно, умудренные единой болью, они в первый же день решили не обременять его тяжелыми воспоминаниями. Саша благоразумно и сам об этом ничего не говорил, будто там, позади, ничего и не было. Единственное, что беспокоило Ларису Марковну в настоящее время, это его учеба.

– Сашенька спросила она между делом, – мне ваш Валентин Михайлович говорил, что ты поступил учиться на юридический, как теперь?

– Документы свои я забрал, – тут же ответил Саша, – переведусь на юридический сюда.

– Да, кстати, Оленька, я привез кое-какие бумаги Ефима, распакуюсь, и я тебе их передам... Они очень нужные и важные. На его имя в строящемся доме есть 3-х – комнатная квартира, кроме того, вашему сынишке ЧОП до его совершеннолетия будет выплачивать пособие. Есть еще его деньги и кое-что...

Оленька опять расплакалась. И в этот момент позвонил телефон. Подняла трубку Лариса Марковна.

– Да, я, – ответила она, – ой, Саняйт, доченька, здравствуй. Да, Саша приехал. Спасибо, доченька. Да, я ему сейчас передам... Саша, это Саняйт звонит, подойди, сынок...

Саша обрадованно взял трубку:

– Саняйт, здравствуй, да, я, наконец, дома, я рад слышать твой голос, просто счастлив...

– Саша, милый, я так много должна тебе сказать..., – говорила Саняйт на другом конце связи. – Поверь, я ни одного твоего письма не получала...

– Я знаю..., – Саша опомнился, но было поздно, ибо в ответ тут же последовал вопрос Саняйт:

– Как, каким образом?

– Я догадался, Саняйт, и мама сказала..., – Саша пришел в себя. – Мне Хайдар говорил, что ты вышла замуж..?

– Это все его выдумки, – ответила Саняйт и добавила, – мне никто не нужен, Сашенька.... Да, кстати, его уже нет...

– Кого? – Саша спросил, будто ни о чем не знал.

– Хайдара, – ответила Саняйт, – его убили...

Саша хотел сказать, что туда ему и дорога, но промолчал, однако после небольшой паузы спросил:

– Ты когда могла бы приехать в Москву? Как твоя учёба, ты ведь в этом году заканчиваешь?

– Летом следующего года, а приехать...даже не знаю.., – Санянт задумалась. Просить родителей дать ей денег на поездку ей не хотелось, хотя душа её рвалась туда, к Саше... – А ты сам приехать не можешь?

– О, Санянт, я мечтаю об этом, очень хочу.., – вырвалось у Саши признание, – я вот решу свои вопросы и дам тебе знать. Кстати, как тебе позвонить?

– Я лучше сама позвоню, хорошо? А когда ты смог бы? – спросила Санянт в надежде, что это произойдёт скоро, что Саша найдёт возможность выбраться хотя бы накануне Нового года, после первого семестра...

– Я постараюсь, Что-нибудь придумаю, – Саша ненадолго задумался, – нам нужно о многом поговорить, Санянт...

– Ой, Саша, как я долго ждала хотя бы услышать твой голос.., – призналась девушка, ничуть не стыдясь этого.

– И я тоже, Санянт, – признался он. – сейчас я забыл обо всём, что свалилось на меня...

– Саша, что с Ефимом случилось? – вспомнила Санянт запоздало.

– Об этом ещё успеем, тебе я всё расскажу, обещаю. Только очень жди.., – не то попросил, не то признался Саша в своей верности.

– Всю жизнь, Сашенька, всегда.., – ответила Санянт так, словно впервые призналась ему в любви.

– Если будет что-то срочное, – вдруг вспомнил Саша, – я передам тебе через Марка, он твой и мой верный друг. Ты же видишь его иногда?

– Да, Саша, ты прав, Марк – прекрасный человек и настоящий друг. Через пару недель я позвоню снова. Поцелуй за меня маму и Оленьку. Саша я так рада и счастлива, я... тебя целую, до свидания, береги себя...

– Я об этом мечтаю дорогая, – тихо ответил он, но эти слова прозвучали в его сердце, как звон колоколов, что раздались в эти минуты из церкви недалеко, на Красной Пресне.

Для Саши и Таро начались будни. Прежде всего, Таро представил Сашу-сан всем работникам торгового центра, которые были рады, что после вынужденного отпуска их деятельность будет продолжена. Ещё больший восторг был вызван выплатой заработной платы. Правда небольшое замешательство вызвало у сотрудников сообщение Таро о том, что с сего дня хозяином и генеральным директором является Саша-сан – Александр Борисович Огнин. Лишь юрист фирмы набрался смелости и после того, как остался в кабинете один на один с Сашей, спросил, не является ли он сыном того самого учёного Бориса Ефимовича Огнина. На что Саша одобрительно удовлетворил любопытство законоведа. А когда через 10 дней поступили от Хикару все необходимые документы, право на владение Сашей всего торгового предприятия было оформлено официально. В эти же дни, как говорится, не без скрипа, квартира покойного Рокуро перешла в собственность Таро-сан. Тогда же Саша сделал вывод, что в свое время Рокуро Танака, этот мудрый и предусмотрительный человек, проделал огромную работу, чтобы впоследствии ни у кого не возникло желание подвергнуть сомнению его право на собственность, а договор аренды помещения под торговый центр был заключен на 49 лет, без права арендодателя расторгнуть его в одностороннем порядке и с правом арендатора по истечении указанного срока выкупить его без очереди – первым. Как будущему юристу, все эти процедуры, которые он провел совместно с юристом фирмы, послужили хорошим уроком на будущее.

Хорошим подспорьем делу оказались и деньги, оставленные Хикаро. За перечисленные в первые же дни деятельности денежные средства, из Японии начали поступать уведомления, что в адрес фирмы отправлены контейнеры с запчастями. Торговля в магазине шла бойко, когда по указанию Саши-сан были вывешены списки запчастей, которые через неделю поступят в продажу, заявки покупателей в «ящике заявок», что раньше тоже не практиковалось, увеличились. Так Саша-сан все быстрее и увереннее входил в жизнь теперь уже своего торгового предприятия.

На заочное отделение юридического факультета Сашу приняли сразу на 2-й курс, на что он, честно говоря, и не рассчитывал. Ректор, хорошо знавший Бориса Ефимовича по совместной работе, посоветовал Саше в течение месяца – полутора сдать «хвосты» с таким расчетом, чтобы к зимней сессии быть готовым к сдаче зачетов и экзаменов по программе. Поэтому Саше пришлось приналечь и наряду с работой успешно сдать недостающие в зачетной книжке экзамены и зачеты и, таким образом, по вечерам ходить на лекции по тем предметам, где лекции читали самые лучшие преподаватели. Естественно, ехать в такое загруженное время в Махачкалу он не мог и потому воспользовался возможностью позвонить другу.

– Марк, здравствуй, – приветствовал его Саша, – слушай меня внимательно: прежде чем ты будешь меня о чем-то спрашивать, скажу, что меня приняли на юридический, на 2-й курс. Естественно, были «хвосты» по 4-м предметам, которые пришлось изучить и сдать за полтора месяца. Хожу на лекции, на носу зимняя сессия. Мне эту сессию надо сдать так, чтобы не быть в числе слабеньких, а еще хуже – в отстающих. Я так не умею. Поэтому найди Саня и

скажи ей, что при всем том, что мечтаю приехать и увидеть ее, сделать это в ближайшие 2–3 месяца не могу. Она скоро мне позвонит, и я ей тоже об этом скажу. Однако я вышлю на твое имя денег, чтобы Саня купила билет на самолет и на зимние каникулы прилетела в Москву. Уговори; пожалуйста, ее взять эти деньги. Ты всегда умел помогать мне, прошу тебя сделать еще раз. Есть возможность?

– Да, Саша, не волнуйся, – ответил Марк искренне.

– Спасибо, я не сомневался, – сказал Саша душевно, вложив в эти слова всю полноту своей искренней благодарности – теперь я слушаю тебя...

– Саша, я обо всем догадался, – сказал Марк и перевел дух. – Молодцы, я горжусь тобой и твоими друзьями. Он и его прихвостни давно заслуживали этой кары. Я даже знаю, почему ты это сделал, хотя здесь об этом не догадываются.... При встрече скажу подробнее. Санятка – молодец, о своих подозрениях она мне говорила, а я тогда не сумел связать одно с другим...

– Ты ей не говорил, что я был?

– Нет, Саша, конечно не говорил. Она хоть и рада, что избавилась от него, но никак не возьмет в толк, кто мог это сделать...

– Ничего, когда-нибудь я сам ей обо всем расскажу, – сказал Саша и неожиданно спросил, – где ты устроился на работу?

– В Министерстве сельского хозяйства республики, – ответил Марк, – взяли меня и еще одного с другого факультета.

– Ты доволен? – спросил Саша.

– Да, – признался Марк.

– Молодец, я поздравляю тебя! – искренне поздравил друга Саша. – Если я тебе скажу, где я сейчас работаю, ты ахнешь...

– Можешь сказать? – зная характер друга, спросил Марк.

– Нет, сейчас нет, – улыбнулся Саша, – при встрече, Марк, я тебе обо многом расскажу...нам ночи не хватит...До свидания, друг мой, до скорой встречи!

В один из холодных воскресных дней последнего месяца осени, купив большой букет цветов, Саша с матерью поехали на кладбище, к отцу. Редкие посетители, – женщины в черных платках, мужчины в маленьких черных или белых кипи – которые шли им на встречу или рядом вдоль надгробных камней, ни своей одеждой, ни ритуалом не походили на те, с которыми ему пришлось познакомиться раньше. Сашу крайне удивило еще и то, что на могиле отца стоял не крест и даже не камень с высеченным на нем крестом, как у Ефима, а шестиугольная звезда, которую он видел лишь один раз на еврейском кладбище в Махачкале, когда хоронили девятиклассника из их школы, которого убили какие-то варвары, когда он ночью возвращался со школьного вечера домой.

– Мама, прости меня, пожалуйста, но почему на памятнике отцу высечена шестиугольная звезда, он что, был еврей? – положив цветы на могильную плиту, обратился к матери удивленный сын, в глазах которого блеснули слезы.

Лариса Марковна вытерла набежавшие на глаза слезы, хотя думала, что выплакала их навсегда, и взглянула на сына в недоумении. Как же так? Как случилось, подумала она, что ни Борис за пять лет, как узнал о своем прошлом, ни я – мать, ни разу не рассказали детям о том, каковы корни нашего родословного древа. Лариса Марковна поняла, что именно здесь, у могилы отца, у памятника этого святого человека, о чьей поразительной доброте продолжают

говорить его друзья, сослуживцы и студенты, она обязана ответить сыну на его удивленный вопрос.

– Да, Сашенька, твой отец, был горский еврей, как Марк – твой школьный друг, как верный папин друг Илья Шербетович. Он был счастлив, когда узнал о своем прошлом, стал ходить в синагогу, изучать иврит – древнееврейский язык, приобрел многих друзей из своих единоверцев и соплеменников, с которыми в праздники молился в едином хоре во славу Бога нашего. И за полгода до своей смерти просил похоронить его на еврейском кладбище, словно чувствовал.., – Лариса Марковна, успокоившись было, снова заплакала.

– Более подробно, Сашенька, я расскажу тебе дома, но здесь, у могилы твоего отца, я не имею права не сказать тебе, сынок, что я, твоя мать – по бабушке тоже еврейка, о чём твой отец до нашего разговора о его прошлом меня никогда не спрашивал.

– Значит ли это, мама, что я тоже еврей? – спросил Саша, пораженный рассказом матери.

– Да, сын, так и есть.., – подумав, ответила Лариса Марковна убежденно и добавила, – и тому, о чем ты узнал сейчас, надо радоваться, ибо человеку, Сашенька, какое бы у него не было родословное древо, нужны верные и надежные корни, плохо болтаться листиком на ветру жизни, не зная, которая ветка твоя. Так считал твой отец, сын, таково его было последнее желание.

Вечером того же дня Лариса Марковна рассказала Саше то, о чем известно читателю. Лишь чувство горькой утраты не оставляло ее ни тогда, когда, обняв теперь уже единственного сына, она поведала ему все, чего ранее не знал, ни потом, все годы, которые были отпущены ей Богом.

Однако, жизнь есть чередование черных и белых углов, как в шестиконечной звезде величайшего мудреца и философа царя Давида, середина которой окрашена в цвет белый. Каждым углом своим она подсказывает верующему, что если жребий твой упал сегодня на черный угол и у тебя пошла полоса невзрения и невзгод, бед и несчастий, то ни в коем случае не падай духом, не хнычь и не унывай, не убивайся, а борись и не унижай своего достоинства – все образуется, в следующий раз жребий твой непременно упадет на белый угол и придет к тебе радость и счастье, обилие и благополучие, но опять же – не кичись, человек, не гордись больше меры, не считай себя пупом земли, докой и всезнающим, ибо придет время, что ты снова попадешь на черный угол. И – такова жизнь, которая, как белая середина шестиугольника, бесконечна.

Так и в семье Ларисы Марковны. Дела у Саши на работе пошли ещё более успешно, и он сумел отправить в Японию отцу Такаши и бабушке Софье долю первых прибылей своего предприятия. Под Новый год всем работникам фирмы выплатил к зарплате премию. По итогам первого семестра он, Саша Огнин, как в былые времена в училище, оказался в числе студентов, сдавших все экзамены на отлично. И вчера получил от Саняты известие, что она послезавтра прилетит в Москву.

К этим известиям добавилось еще одно – из Иркутска. Андрей Олегович Богатырев сообщил, что дом, в котором выделена квартира Ефиму, сдан в эксплуатацию. Больше всех эта весть взволновала Оленьку, она вся ушла в себя, будто обдумывала какую-то жизненно-важную задачу. На следующий день она попросила Ларису Марковну присмотреть за

Мирончиком, а сама поехала к родителям. Не возвращалась она долго, словно, не дай Бог, там что-то случилось, но вернулась удовлетворенная и успокоенная, как ученик, который решил трудную задачку или поэт, нашедший нужный образ.

За Саняет в аэропорт Саша поехал на «Гойоте», которую Хикару–брат подарил ему в знак особой благодарности. Саша волновался, он не знал, как изменилась Саняет, хотя мать утверждала, что девушка расцвела как цвет абрикоса по весне. Но Саняет превзошла все эти сравнения. Перед Сашей стояла самая красивая девушка в мире. Забыв о своем чемодане, она бросилась Саше навстречу, и они обнялись и целовались, как жаждущий набрасывается на долгожданную воду родника.

– Саняет, милая, как я долго ждал этой минуты, – не выпуская девушку из объятий, говорил Саша на ухо любимой. – Я люблю тебя.

– Ой, Сашенька, милый, я тоже люблю тебя, – отвечала Саняет, пряча счастливое лицо на широкой груди возлюбленного. – Как долго мы шли к этому часу...

Забыв обо всем на свете – о людях, которые шли рядом и улыбались, о цветах, которые Саша держал в руке и никак не мог вручить любимой, о чемодане Саняет, который кем-то был подобран и поднесен ближе к ним – они говорили друг другу самые ласковые слова, снова и снова смотрели друг другу в сияющие от счастья глаза и в который раз целовались. Наконец, опомнившись, Саша вручил Саняет цветы, подобрал ее чемодан, и они в обнимку направились к выходу, где их поджидала машина.

Всю дорогу они говорили о планах на будущее: о том, что после окончания института она приедет в

Москву, и они поженятся; что ее родители, наконец, дали согласие на их брак, при условии, что свадьба и бракосочетание будут по установленным обрядам; что жить они будут с мамой – Ларисой Марковной; что поскольку она учится на гинеколога, они вместе будут просить маму, чтобы она помогла Саният работать в той же больнице, что и она. Не стесняясь водителя, они продолжали целоваться, как юнцы, которые только что научились целоваться и почувствовали их сладкий вкус. Ни Саша, ни Саният не хотели выпускать друг друга из объятий, пока машина не подъехала к дому. Взяв Саният под руку, Саша помог ей зайти в лифт, и они вместе оказались на четвертом этаже. Здесь уже Саният вспомнила о том, что живущих в этой квартире дважды за короткий срок потрясла смерть, и малость умерила пыл. Однако Лариса Марковна, эта мужественная мать, встретила Саният такой любовью, таким вниманием, что девушка сама также сердечно отозвалась на этот зов и бросилась ей в объятия.

– Саният, доченька, какая ты стала красивая, разглядывая девушку, восхищалась Лариса Марковна, – мой сын знал, кого полюбить... – добавила она, взглянув на сына.

– Да, мама, я люблю Саният, – признался матери Саша.

– И я люблю Сашу, – устыдившись своего признания, – сказала Саният, – и я родителям своим сказала об этом...

– И что? – невольно вырвалось у Ларисы Марковны.

– Примирились, – сказала девушка, ожидая новых вопросов, однако Лариса Марковна благоразумно от них отказалась.

– Так прими душ, доченька, ты с дороги, и будем ужинать, – мягко скомандовала Лариса Марковна и провела Саният в ванную комнату. – У тебя есть сменное белье, а то я мигом...

– Есть, мама, – вырвалось у Саният случайно, и она обняла Ларису Марковну, – можно я Вас буду так называть? Я такая счастливая сегодня...

– Конечно, доченька, я полюбила тебя сразу..., я тоже счастлива сегодня..., ну, пойду, – она поцеловала Саният и вышла из ванной.

За то время, что Лариса Марковна говорила в ванной с Саният, из своей комнаты вышла Оленька и обратилась к Саше:

– Саша, у Вас есть телефон Андрея Олеговича?

– Какого Андрея Олеговича? – не сразу сообразил Саша, занятый своими мыслями.

– Богатырева, что прислал из Иркутска телеграмму, – уточнила Оленька.

– А..., да, да, – понял Саша и извлек из кармана маленький блокнот. – Вот, записывай, – и продиктовал ей номер телефона своего друга Андрея Олеговича.

– Спасибо, Саша, я хочу туда позвонить, – призналась она.

Из ванной вышла Лариса Марковна, и разговор Саши с Оленькой прекратился.

– Оленька, доченька, давай накроем на стол, поужинаем все вместе, – предложила Лариса Марковна, – я там кое-что приготовила...

– Да, мама, пока Мирон спит, я помогу, – ответила молодая вдова и принялась вместе с Ларисой Марковной накрывать на стол. – Потом я хочу Вам кое-что сказать...

– Что, что за секреты, Оленька, мы с тобой не чужие, я слушаю тебя, говори, – попросила Лариса Марковна невестку.

– Не сейчас, мама, перед сном я поделюсь с Вами, – ушла Оленька от ответа и стала нарезать хлеб, класть на стол свежие огурцы и помидоры, квашеную капусту и прочее, потом вдруг добавила, – я на полчаса отлучусь и вернусь..., – и, надев плащ, вышла.

После душа Санянт выглядела потрясающе, и Саша не сводил с нее восхищенного взгляда. А Лариса Марковна, любясь девушкой, призналась:

– Я очень рада твоему приезду, доченька, прямо бальзам на сердце...

– Спасибо, мама, – ответила она благодарно. – Это все Марк, он и уговорил меня и билеты купил. Он твой настоящий друг, Саша...

– Я это знаю и ценю, Санянт, – ответил Саша.

– Билеты купил? – удивилась Лариса Марковна и добавила, – ему надо деньги вернуть, Саша...

– Да их Саша и прислал ему, чтобы купить билеты, – улыбнулась Санянт.

– Ах, вот оно что, – сообщила мать и с любовью посмотрела на сына. – Ты, доченька, за то время, что будешь здесь, купи себе кое-что, у него деньги есть. Пусть раскошелится для своей невесты...

– Мама, что Вы говорите? – стала стыдиться Санянт, – у меня все есть...

– Так уж и все?! – Лариса Марковна ласково обняла девушку. – Раз я говорю, что деньги у него есть, значит знаю. А ты, сынок, не жмотничай, – шутливо подтрунивала она над сыном, – такая красавица и одеваться должна красиво, справишься?

– Постараюсь, мамочка, – также шутливо отвечал сын, радуясь, что к матери возвращается ее прежняя манера пересыпать речь шутками...

– Ой, мама, вы меня просто вогнали в краску, – также улыбаясь, отвечала Санянт, радуясь, что на смену тучам и печали в квартиру вселяется просвет.

За полчаса до завершения ужина вернулась Оленька с каким-то тайным блеском во взгляде. Она наскоро поела и пошла к проснувшемуся сыну.

Саша предложил Саният выйти погулять перед сном.

– Я покажу тебе нашу улицу, она очень красива ночью, площадь Восстания, где стоит одно из сталинских высотных зданий, спустимся к Зоопарку, – рассказывал Саша, соблазняя любимую на прогулку.

– Ой, я давно мечтала сходить в Зоопарк, – восхищенно призналась Саният, – да, я согласна...

– В Зоопарк ходим завтра, в это время от уже закрыт, – пообещал Саша и они пошли гулять.

С ребенком на руках из своей комнаты вышла Оленька.

– Мама. Я должна Вам кое-что сказать, – обратилась она к Ларисе Марковне.

– Что случилось, Оленька, ты сегодня взволнованная какая-то? – заметила свекровь.

– Да, мама, я решила уехать в Иркутск, – заявила Оленька, опустив голову.

– Что? – переспросила Лариса Марковна, не поверив своим ушам.

– Днем я была у родителей и сообщила им о том, что в Иркутске есть 3-х – комнатная квартира Ефима, значит, жить есть где, работу найду, Мирончика отдам в ясельки...

– Что, у тебя здесь нет квартиры? – спросила Лариса Марковна, понимая, что невестка здесь действительно оставаться не может. Уехать, устроить свою жизнь она, конечно, должна, а вот как быть с внуком?

– Дело не в квартире, мама, – стараясь не обидеть эту добрую и отзывчивую женщину, говорила Оленька, – Вы же понимаете. Я должна устроить свою

жизнь, Ефима мне никто не вернет, – слезы невольно полились из ее глаз, – для меня уехать, поменять обстановку крайне важно, иначе я ... не выживу. Мне надо сына вырастить, я должна....

– Может быть, ты оставишь ребенка? Он еще мал для таких путешествий, – убеждала Лариса Марковна Оленьку, но сама была уверена, что невестка ребенка не оставит.

– Нет, мама, я его не оставлю, – вежливо отказалась Оленька, – не настаивайте на этом, мы каждый год будем приезжать и навещать вас...Благословите нас, мамочка, я Вас люблю.., – она снова заплакала, – я купила билет на поезд, мы завтра уезжаем, нас будут встречать...

– Так сразу, неожиданно, – всполошилась Лариса Марковна, – как же ты так решила?

– Когда-то надо было решиться, мамочка, – ответила Оленька, – Вы не будете на меня сердиться?

– Нет, милая, да благословит вас Бог! – сказала Лариса Марковна и добавила, – мы вас завтра проводим.

Часа через два вернулись счастливые Саният и Саша.

– Саният, доченька, ты не возражаешь, если мы поспим в моей спальне? – спросила Лариса Марковна дорогую гостью.

– Нет, мама, я посплю здесь, на диване, – вежливо отказалась Саният, – я люблю перед сном почитать, а Вам надо отдохнуть...

– Пусть будет так, – согласилась Лариса Марковна, – завтра решим по-новому...

– Как? – не понял Саша.

– А это тебя не касается, – заявила мать категорически, – твое место в библиотеке, тебе уже постелено. Иди спать...

– Есть, товарищ генерал, разрешите идти? – четко, по-военному обратился он к матери, при этом подмигнув Саният.

– Ступайте и нечего подмигивать, мне сверху видно все, ты так и знай, – поддержала Лариса Марковна шутку сына. – Иди, иди, нам надо с доченькой моей застелить диван, раздеться и лечь, не будет же она при тебе раздеваться...

Саша ушел в библиотеку и лег спать, правда, еще долго был под впечатлением жарких поцелуев любимой.

На следующий день Саша, Саният и Лариса Марковна отвезли Оленьку с Мироном на вокзал. Подъехали и родители Оленьки: Екатерина Ивановна и Сергей Степанович. Проводы были быстрыми и грустными. Ларисе Марковне казалось, что вместе с Мирончиком она лишилась части своего истерзанного материнского сердца. Что делать, и к этому надо привыкать, к каким только ранам не привыкает человеческое сердце.

Теперь в комнате Оленьки и Мирона спала Саният. Целыми днями Саша возил ее по Москве: в рестораны, в театры и в концертные залы. Саша показал Саният место своей работы и она долго и от души смеялась, когда господин Таро обращался к нему на японский манер «Саша-сан», и как не менее уважительно обращались к нему другие работники. И девушка поняла, что выказываемое уважение к Саше не напускное, не, так сказать, должностное, а чисто человеческое, и это ее радовало вдвойне.

Не жалел Саша денег на покупки для Саният подарков. Он следил за каждым ее взглядом и если чувствовал, что вещь ей понравилась, тут же покупал, несмотря на протесты любимой.

За день до отъезда Саният, Саша в полночь в одних трусах и майке пробрался в ее комнату и застал девушку читающей.

– Ты все еще не спишь? – спросил он и прилег рядом с ней. – Ты не возражаешь?

– Нет, Сашенька, но... – не успела Саният договорить, как Саша накрыл ее рот долгим поцелуем.

Он неистово целовал ее шею, грудь с упругими сосками, плоский живот, исследуя ее бедра...

– Саният, милая, любимая, – шептал он ей жарко дыша и трепетно прижимаясь к ней.

– Я хочу тебя, слышишь..?

– Да, любимый, слышу, – отвечая на его ласки, говорила Саният и тут же пресекала его действия. – Сашенька, остановись, прошу, не мучай меня, выслушай.., – и почувствовав, что Саша прекратил свой напор, продолжила, – я без пяти минут врач и не ханжа, я люблю тебя до умопомрачения и тоже очень хочу тебя... Но я хочу также до свадьбы остаться верной своим традициям и не омрачить ожидания моих родителей... Я приду к тебе в ночь свадьбы никогда, никем нетронутой и буду принадлежать тебе... Ты можешь исполнить эту мою просьбу?

– Да, любимая, прости, – Саша поцеловал ее еще раз. – Спокойной ночи, родная, пойду.., – и ушел.

Эпилог

В июне 1988 года Саният с отличием окончила медицинский институт и получила диплом врача-гинеколога, а через 2 месяца в одном из ресторанов Москвы состоялась свадьба Саши и Саният, на которую приехали Магомед и Патимат – родители Саният и тётя Сакинат. Приехали и друзья семьи Огниных – Илья Шербетович и Диночка Абрамовы. Свою верность ещё раз подтвердили Марк и его невеста Ал-

лочка. Из далёкого Иркутска прилетели Андрей Олегович Богатырёв и Оленька, которые пока своих отношений между собой не афишировали, но и спрятать счастливого взгляда, обращённого друг к другу, не могли. Из страны Восходящего Солнца прилетели Хикару – брат, Такаши – отец, и бабушка Софья. Обряд бракосочетания был выполнен тут же в ресторане в наскоро сооружённой из шелков и мелких конструкций хупе, где благообразный раввин по обычаю отцов благословил союз молодых, вручил им кетубо (свидетельство), и, согласно еврейским законам, объявил их мужем и женой. Для большинства присутствующих обряд этот стал полной неожиданностью. Родители Саняйт – Магомед и Патимат, да и тётя Сакинат были удивлены этим непредвиденным обстоятельством. Принадлежность Саши и его семьи к горским евреям душа Магомеда встретила без сопротивления, ибо за многие годы проживания в Махачкале у него было много друзей из среды горских евреев и теперь родство с одним из них было встречено им с пониманием. За неделю пребывания в Москве они ещё дважды побывали в доме зятя и его гостеприимной матери, где каждый раз встречались с русскоговорящими японцами, которых Саша называл не иначе, как братом, отцом и бабушкой Софьей. Японцы в свою очередь, полюбив Саняйт как родную, не меньшее уважение оказывали её родителям и тёте и просили их непременно приехать к ним в Японию.

За день до расставания все вместе поехали на кладбище. Илья Шербетович пригласил раввина, который на могиле Бориса Ефимовича проникновенным голосом спел молитву – Кадиш. Затем положили на мосво (могильную плиту) цветы, словно извещая ушедшего дорогого им человека, что на смену бедам и печалям их посетила, наконец, радость.

Много часов посвятили друг другу Саша и Марк со своими любимыми, делясь сокровенным. Марк тут же пригласил Сашу и Саният на свою свадьбу, которая должна состояться в конце сентября. Счастливые хозяева с благодарностью приглашение приняли.

В феврале следующего года из Афганистана были выведены Советские войска. Окончилась, наконец, почти десятилетняя война, Молох которой перемолол более двадцати тысяч солдат и офицеров Советского Союза. Война эта выявила не только очередные просчёты политического руководства страны, но и раковую опухоль всей системы коммунистического правления, метастазы которой уже через год приведут к её гибели.

18 февраля президент Афганистана Наджибулла вводит в стране чрезвычайное положение, пытаясь тем самым удержать свою власть.

7 марта Иран разрывает дипломатические отношения с Великобританией.

26 марта. Впервые в истории СССР избиратели имеют право выбора при избрании своих представителей на Съезд народных депутатов. Б.Ельцин набирает в Московском избирательном округе 88% голосов.

Через пять лет у Саши и Саният уже двое детей: мальчик, которого назвали Борисом, и девочка – Софья, названная так в честь японской прабабушки и с её благословения.

Через месяц после рождения Софьюшки Огниной в Москве, у супруг Богатыревых: Оленьки и Андрея Олеговича в Иркутске родился мальчик, которого, с обоюдного желания родителей, назвали Ефимом.

Рассказы

Исповедь грешника.

Мы оказались с ним в одной палате института сердечно-сосудистой патологии по воле случая. Был он лет сорока, может быть чуть больше, но почему-то седой. Выше среднего роста, весом чуть превышающим норму, но не тучный, он походил больше на потерявшего форму спортсмена. Смотрел усталым мудрым взглядом человека немало повидавшего в своей жизни и столько же раздумывающим над ней. За то время, что мы были вместе, у него дважды случались приступы, отчего он внезапно начинал задыхаться, губы покрывались синей дымкой, видно сидела в его сердце какая-то заковыка, что мешала ему нормально жить. Однако его тут же окружали врачи, быстро уносили из палаты, но через некоторое время возвращали на место, не решаясь, за ненадобностью в данном случае, на операцию.

На этот раз, обратив внимание на исписанные листы на моей тумбочке, он неожиданно спросил:

– Вижу, все молчите, думаете и пишете, вы, наверное, писатель?

Кивком я удовлетворил его любопытство. Он же заерзал на койке, оживился, удобнее подложил под бок подушку, повернулся в мою сторону и, как человек принявший решение, спросил:

– Вы могли бы меня выслушать..., я расскажу Вам свою историю?

Я перестал писать. Была в его голосе не столько просьба, сколько какое-то заклинание, что я всем своим естеством почувствовал и понял, что ему хочется выговориться, высвободиться от какой-то мучающей его тяжести. Я повернулся к нему, давая понять, что готов слушать. Впервые в жизни мне пришлось быть в положении исповедника.

– Женился я, – начал он тихо, – вернее, женили меня в 18 лет. На селе в те годы кольцевали нас совсем юных. Тем более, что моя женитьба была связана с серьёзной болезнью отца, который потребовал женить единственного сына до его скорой смерти, чтобы, если позволит Бог, он ещё успел понынчить своего первого внука или, на худой конец, хотя бы внучку. Однако дед ни внука, ни внучку так и не дождался. А вот в нашей семье за десять лет прибавилось четверо мальчиков и двое девочек.

К 28 годам я превратился в преуспевающего мужчину, а моя двадцатишестилетняя женоушка, окружённая оравой детей, заботами по дому, уходом за животными, работой на приусадебном участке, в скором времени превратилась в болезненную женщину с откуда-то свалившейся на неё «трясучкой», которая зачастую сваливала её в постель. Благодаря принятым мерам доктора через пару месяцев её от лихорадки избавили, однако выходила она из этого состояния с большим трудом. К этому времени мы построили себе дом и переехали жить в город.

Удача пришла ко мне неожиданно, словно Бог в очередной раз решил совершить ещё одно доброе деяние. Дело в том, что селение Саба – Нова, в котором мы жили, находилось в пяти верстах от древнего города Дербента, можно сказать, совсем рядом, и потому я твёрдо решил продолжить учёбу. После окончания 8 классов, поскольку средней у нас не было, стал я посещать городскую вечернюю школу, хотя ходить ежевечерне туда и обратно после работы отнимало много сил. Школа находилась рядом с городским базаром, и я, однажды проходя мимо торговых рядов, обратил внимание на вывешенный для продажи старый красивый ковёр, который после мойки

блестел на солнце всеми своими красками. Поскольку у нас тоже был почти такой же старый ковёр, я как-то произвольно спросил продавца:

– Скажи, любезный, чем ты мыл этот ковёр?

Тот улыбнулся, вытащил из мешка коробку с порошком и показал:

– Вот этим порошком мы и мыли его, знаете, прекрасная вещь...

– А где купили?

– Вон, – он показал на соседний лоток, – там и купил, не дорогой...

– Спасибо, – поблагодарил я и пошёл к лотку за порошком.

К моему счастью, подобная история повторилась, когда жена вывесила выстиранный ковёр на верёвке у дома. Заинтересовавшись увиденным, на следующий день к нам обратилась соседка с просьбой – достать ей такой же порошок. Я, для проформы, ответил ей, что сделать это крайне сложно, так как порошок этот привозят один раз в месяц и то за немалые деньги. И я назвал семикратную цену, однако соседка, к моему немалому удивлению, согласилась купить. Зная, что порошком этим интересуются и многие другие сельчане, поскольку на селе функционировала артель по производству ковров, я закупил на следующий день 2 ящика по 100 пачек и в течение недели заработал целое состояние.

На заработанные деньги я стал покупать в городе дефицитные товары и перепродавать их в селе. Доходы росли, и в скором времени я, набрав людей, создал в городе свою торговую фирму, которая приносила мне немалую прибыль. Теперь я стал носить импортные костюмы, красивые рубашки, итальянскую обувь. На меня стали заглядываться, говорили, что я стал похож на артиста кино. После окончания

школы я поступил в один из коммерческих институтов, которых в последние годы в нашем маленьком городе стало больше, чем ВУЗ(ов) в Москве, и за каких-нибудь три-четыре года получил диплом о высшем образовании.

Как-то раз я по делам бизнеса оказался в страховой компании. Обслуживала меня миловидная молодая женщина, которая очаровала меня не только своей обходительностью, но и прекрасным знанием дела. За то время пока она занималась моими вопросами, я сбежал в магазин и принёс ей презент – коробку вкусных шоколадных конфет. Она сперва растерялась, но потом доброжелательно улыбнулась и поблагодарила. В следующий раз я снова принёс ей конфет и редкую ажурную шёлковую косынку в миниатюрной упаковке.

– Что это? – спросила она удивлённо.

– Пустяк, – улыбнулся я, – но, думаю, вам понравится...

– Зачем вы это? – заметила она, и губа её дернулась. – Мне право не удобно...

– Извините меня, пожалуйста, – сказал я скромно, – но мне хочется сделать вам что-то приятное... Кстати, вы могли бы сказать как вас зовут?

Она оценивающе посмотрела на меня, потом не то недовольно, не то непонимающе покрутила головой и сказала:

– Право не знаю..., зачем вам..., ну, Гюльнара...

Хотя никакого недовольства она не высказала, но я ушёл от неё словно ошпаренный. С каждым днём Гюльнара нравилась мне всё больше, меня тянуло к ней, и я стал приходить к ней снова и снова. Через некоторое время мне удалось выпытать у неё день рождения, и я принёс ей в этот день букет благоухающих роз, шампанское и конфеты. От неожидан-

ности она словно расцвела, красивой улыбкой украсилось её лицо, и, приняв мои подарки, она тихо произнесла:

– Спасибо, что вы со мной делаете, Башир? – впервые назвала она меня по имени.

При следующем моём появлении в дверях конторы, работница окликнула её:

– Гюльнара, твой ухажёр пришёл.

Она смутилась, как-то вся съёжилась, встала со своего места, вышла за перегородку и, подойдя ко мне, твёрдо сказала:

– Я вас прошу, Башир, мне, конечно, приятно ваше внимание, но больше сюда без дела не ходите. До свидания, – она протянула мне руку, пожалала мою и положила мне в ладонь кусочек бумаги.

Я сперва растерялся, покраснел, но потом сообразил и, не чувствуя под собой ног, как мальчишка, опустил голову, повернулся и ушёл. Хотя было мне уже под тридцать, и занимался я делом весьма далёким от скромности, всё же сельская закваска давала о себе знать, и я всё ещё не потерял способность краснеть.

На бумажке, которую она положила мне в ладонь, был записан номер её рабочего телефона. Однако целую неделю я не решался ей позвонить, хотя моя душа тосковала без её милого взгляда и нежного певучего голоса.

– Это я, – произнёс я, позвонив ей в середине дня.

– Да, я поняла, – ответила она обрадовано, – чего так долго не звонил?

– Не решался никак, – признался я и неожиданно решил. – Гюльнара, могли бы мы сегодня после работы встретиться?

– Когда и где? – сразу ответила она обрывисто, словно ждала этого вопроса.

– Где и когда тебе удобно, – предложил я ей на выбор.

– Хорошо, – она на секунду задумалась, – в семь у памятника Бакинским комиссарам.

– Отлично, я буду ждать! – окрылённый ответил я и задумался над тем, куда её пригласить. Потом решил не торопить события и оставить этот вопрос на её усмотрение.

Надо ли говорить, что мечты уносили меня на такие высоты, на какие я никогда не рассчитывал. Я стал подумывать над тем, что было бы хорошо, если бы мне удалось отремонтировать свой первый офис – небольшую двухкомнатную квартиру, где мы бы могли в дальнейшем встречаться, ибо эта женщина, захватившая все мои чувства и помыслы, стала для меня смыслом жизни.

– Здравствуйте, Башир! – сказала она неожиданно, появившись не с той стороны, откуда я её ждал.

– О, Гюльнара, здравствуйте! – обрадовался я, и пожал её маленькую, нежную руку. – Куда пойдём?

– Куда хочешь, – согласно произнесла она в ответ, – только не туда, где много людей...

– Пойдём в ресторан, там уютно и людей мало, – предложил я, и она согласилась.

В ресторане было безлюдно, из репродуктора громко лилась танцевальная музыка. В этот вечер она рассказала мне о себе: три года назад ушла от мужа, который считал, что детей у них нет только по вине жены, мол, она, словно бесплодное дерево. Но на самом деле не она была повинна в этом, а он сам. Однако муж донимал её своими оскорбительными речами, и она не выдержала. Жили они в горном ауле, где от несчастного случая умерли её родители, и где её больше ничто не удерживало. Здесь, в городе, она, с

высшим экономическим образованием, устроилась на работу и живёт у тёти в двухкомнатной квартире. Два или три раза приезжал муж и уговаривал вернуться. Но не уговорил. За всё это время она никаких знакомств с мужчинами не завела. Обо всём этом она рассказывала не торопясь, как на духу. При этом поглядывала на меня своими красивыми карими глазами, изредка опуская голову.

Когда молчание затянулось, я предложил ей потанцевать.

– Ой, Башир, – тихо воскликнула она, вставая мне на встречу, – тысячу лет не танцевала...

«Ха, – с грустью подумал я над её словами, – а что делать мне, если я вообще не умею танцевать...»

Однако, не говоря ни слова, я с нежностью взял её протянутые красивые руки, чуть притянул её к себе и стал имитировать танцевальные движения. Она терпеливо старалась попасть в такт моим па, потом подняла голову и, улыбнувшись своей очаровательной улыбкой, спросила:

– Что, никогда не танцевал..?

– Нет, – признался я и остановился, прижав её милую головку с пышной копной каштановых волос к своим губам. От них исходил редкий аромат горных абрикос, и я невольно потянулся к её милому носику и поцеловал его.

Она мягко отстранилась и, не сказав ни слова, медленно, будто с неохотой, пошла к нашему столику, села и, уперев лицо в ладони, задумалась.

– Прости меня, если.., – попытался я извиниться.

– Знаешь, Башир, я не ханжа, не лишена нормальных человеческих чувств, но и не легко доступная женщина. Не скрою, мне приятно твоё общество, хотя знаем мы друг друга без году неделя. Прошу те-

бя, не торопи события, мне очень важно пройти через какую-то грань, а до этого ещё не дошло.., – взгляд её был влажный, наполненный какой-то тайной болью.

Я понял, что так хорошо начавшийся вечер потерял свою теплоту, непосредственность. Она пригубила бокал с вином, ещё раз ожидающе посмотрела на меня и предложила:

– Может, пойдём, погуляем?

– С радостью, – согласился я и предложил её руку, чтобы провести к выходу.

Честно говоря, я был озадачен. Если от такого незначительного шага, как поцелуй в нос, она так отреагировала, думал я, что тогда может случиться, если я проявлю свои чувства более эмоционально? Не лучше ли остановиться теперь, провести её к дому и на этом всё закончить, оставить её в покое. Тем более, я в последнее время запустил свои дела, всё перепоручил своему заместителю, а парень он ушлый... «Не верь тому, кто пьёт молоко» – гласит народная пословица, а человек – первый среди них. Нет, нет, успокоил я себя, этот парень со мной с первых дней нашего бизнеса и у меня нет оснований для таких выводов... Кроме того, во мне с каждым днём всё больше загорался охотник, и охота ещё не завершена, этот милый и нежный зверёк должен попасть в мои сети. Ну а то, что она с норовом и приручить её нелегко, что ж наберёмся терпения, пусть созреет, мне легче, чем ей, у меня под боком жена. Осаду будем продолжать и дальше – и не такие крепости пали! Эти крамольные мысли не покидали меня, придавая новые силы. К этому времени я закончил ремонт бывшего офиса, завёз мебель, купил пару немецких ковров, короче, этот райский уголок ждал своих птичек.

Так в раздумьях мы подошли к её дому, и я мысленно дал себе слово ни движением, ни словом не дать ей в дальнейшем повод для нового недовольства.

– Ты обиделся? – взглянув на меня своими лучистыми глазами, спросила она. – Всю дорогу не проронил ни слова.

– Нет, нет, Гюльнарочка, – заверил я её, – я с сожалением думал о том, что время быстротечно, мы так мало бываем вместе... Кстати, меня завтра пригласили к друзьям на вечеринку. Ты бы пошла?

Она задумалась, видно было, что ей не легко было принять решение, но затем, взяв меня за локоть и посмотрев прямо в глаза, решительно спросила:

– Ты этого хочешь, Башир?

– Раз приглашаю, значит, хочу, – ответил я, не отводя от неё взгляда.

– Хорошо, я пойду, только когда и где встречаемся? И на час позже, чем сегодня, можно?

– Если тебе удобно, там же в восемь...

– Хорошо, – она подала мне руку и тепло попрощалась.

Дача одного из моих друзей располагалась на берегу Каспия и была большой, богатой, выше всяких похвал. Нас было четыре пары, а моя милая Гюльнара, в отличие от трёх кокетливых девиц, видимо не раз бывавших здесь и знавших для чего их сюда привезли, вела себя весьма раскованно... Мы с ней танцевали, пили вкусное красное сухое вино, ели шашлыки из осетрины, баранины и индюшек, которые готовились тут же искусными шашлычниками.

Мы снова все вместе пошли танцевать, потом сели за стол, говорили тосты, и один из моих друзей, хозяин дачи, поднял тост за Гюльнару, сравнив её с цветком гранатового дерева. Он же пригласил её на танец, однако Гюльнара, прежде чем ответить на

приглашение, вопросительно взглянула на меня и только тогда пошла танцевать, когда получила моё молчаливое согласие. Я же, кроме неё, в этот вечер ни с кем не танцевал. Мои подвыпившие друзья то и дело уходили с девицами в соседние комнаты, откуда возвращались освежившие, словно принявшие душ, и удовлетворённые. Позднее я узнал, что при каждой комнате отдыха здесь были устроены ванны.

Уже к одиннадцати часам ночи море совершенно успокоилось, и я предложил Гюльнаре пойти искупаться, тем более что берег был виден в двадцати шагах, где в свете яркой летней луны шелестел прилив.

– Я бы с удовольствием, – ответила она с радостью, – да вот купальник не захватила...

– Это и понятно, но я ведь знал куда едем, – ответил я, – взял с собой новый купальник, по-моему, тебе подойдёт..., – пошёл к своей машине и принёс ей кулёк.

– Ой, Башир, какой ты молодец! – похвалила она меня и призналась. – Правда, я никогда ночью в море не купалась... Но я сейчас, мигом..., – она отошла от меня куда-то в темноту и через несколько минут вернулась в купальнике, с кульком, в котором была собрана её одежда, в одной руке и босоножками – в другой. Я быстро положил её и свои вещи в машину, и мы побежали к морю. Вода была настолько приятная, освежающая, что выходить из неё не хотелось. Луна освещала её улыбающееся лицо, и она была так привлекательна, что я готов был взять её в охапку и отнести в дом, чтобы предаться там ослепительному чувству любви.

– Башир, ты, пожалуйста, далеко не отходи, я боюсь..., – попросила она, – и ещё... нам пора возвращаться домой, а то загуляла я..., вторую ночь...

– Я бы..., – хотел признаться я, что не только не отходил бы от неё, но и не выпускал бы из своих объятий, но сдержался.

Мы быстро оделись, и я, попрощавшись с друзьями, покатил машину в город. Подъезжая к её дому, она попросила остановиться, вышла из машины, нежно взяла мою руку и тихо произнесла:

– Спасибо тебе... за эту чудесную ночь, я вспомнила свои счастливые студенческие годы, когда мы, после занятий, бегали на море... Спокойной ночи... – и побежала к дому.

Через день, подняв трубку телефона и услышав: «Это я...», с радостью сказала:

– Ой, Башир, я ждала твоего звонка, хотела уже сама позвонить.

– Что-нибудь случилось?

– Нет, нет, – ответила она тут же, – ты сегодня вечером не занят?

– Для тебя, Гюльнарочка, я всегда свободен, – заверил я её.

– Сегодня день рождения моей любимой студенческой подруги, Аминат, ты пойдёшь со мной? – она ожидающе замерла, видно, ей было очень важно, чтобы я пошёл сегодня с ней.

– Конечно, пойду, Гюльнара, – не заставив её долго ждать, ответил я, – когда встречаемся?

– В семь, там же, – ответила она, успокоившись, – спасибо тебе...

– Да, Гюльнара, подарка не бери, я возьму цветы и подарок, но... как она выглядит?

– Примерно так же, как и я, но сантиметров на пять ниже, но ты ничего кроме цветов не бери, у меня есть хорошие духи, я их возьму.

– Нет, Гюльнара, пожалуйста, не делай этого, для меня же это пустяк. Подарок за мной, хорошо?

– Хорошо, что с тобой поделаешь...

– Я буду вовремя!

Она была счастлива: смеялась, танцевала, помогала Аминат накрывать на стол. Движения её были уверенными, в то же время женственными, и сама она была похожа на распутившийся цветок. Подруги, окружив её со всех сторон, шушукались, а потом дружно смеялись, отчего она заливалась краской и становилась ещё красивей.

– Ты знаешь, Башир, – говорила она мне на ухо, – мои подруги восхищаются тобой и спрашивают кто я тебе...

– И что же?

– Я молчу, и их это приводит в ещё больший восторг...

– Я же вижу только твои спелые вкусные губы..., – отвечаю я ей и закрываю глаза.

– Ты хочешь меня поцеловать? – неожиданно спрашивает она и тянет меня в другую комнату.

На мой порыв она закинула свои нежные руки мне за голову, и я с жаром приник к её трепещущим губам. Не помню, сколько длился этот незабываемый поцелуй, но ощущение её трепетного, жаждущего тела возбудило всё моё естество, и я, забывшись, был готов пойти ещё дальше, если бы она нежно не оттолкнула меня от себя и не произнесла:

– Мы с тобой сошли с ума, дорогой..., – и, стоя у зеркала, стала поправлять свою причёску.

Мужья её подруг оказались людьми незаурядными, весьма интересными, с которыми, как выяснилось, можно было поговорить по широкому кругу вопросов: от оросительных каналов древних шумеров до лимонов, выращиваемых в теплице одного из них. Поскольку последние годы я увлёкся чтением разнообразных книг, я тоже внёс в беседу свою долю инте-

реса, рассказав о Бермудском треугольнике и причинах происходивших там катастроф, из чего они сделали вывод, что я инженер или механик и работаю на функционирующем в городе военном заводе.

Мы перезнакомились и решили через женщин не терять друг друга из вида и, по-возможности, чаще встречаться...

– Платье, которое ты подарил Аминат, привело её в неопиcуемый восторг, – рассказывала мне Гюльнара по дороге домой, – зачем было делать такой дорогой подарок, Башир?

– Честно говоря, я о цене не думал, – признался я ей, – мне хотелось, чтобы твой подарок был лучшим...

– Спасибо тебе, я сегодня действительно была счастлива, только.., – она замолкла и уставилась в смотровое стекло.

– Что такое, Гюльнарочка?

Она решила, видно, уйти от прямого разговора, который Когда-то должен был состояться, и сказала совсем другое:

– Только время нашего пребывания вместе приходит к концу, мы подъезжаем к дому...

– Я тебе говорил, что у меня есть отдельная квартира, – предложил я ей, – поедem туда, если хочешь?

– Нет, Башир, сегодня я не готова, – ответила она задумчиво и, когда я остановил машину, прижалась головой к моему плечу, дождалась моего поцелуя и, нехотя оторвавшись, вышла из машины, и пошла к дому.

Теперь мы встречались чаще, иногда, чтобы повидаться и тут же расстаться, в другой раз, чтобы погулять часик– другой, а порой, чтобы сходить в один и тот же ресторан, чтобы потанцевать и выпить бокал вина или шампанского.

Однажды она попросила поехать с ней в Сиазань – городок в Азербайджане, расположенный в 100 км от Дербента, в окрестностях которого забил родник лечебной воды для почечных больных. Вода эта понадобилась ей для больной тётки, и я с удовольствием согласился сопроводить её и прихватил с собой, кроме канистры для воды, одеяло, провизию и бутылку вина. У родника мы заняли очередь, поскольку желающих попить этой живительной влаги оказалось много, а дебет воды в нём был незначительным. Подсчитав, когда примерно подойдёт наша очередь, мы отъехали с ней к небольшому лесочку, расстелили одеяло, положили рядом плетёную корзину с провизией и стали неторопливо раскладывать на скатерти вино и продукты.

Ели мы, большей частью, молча, смакуя вкусные чебуреки, купленные полчаса назад по дороге, сочные огурцы, помидоры и зелень, удивительный овечий сыр, который как нельзя лучше соответствовал прекрасному вину. Она с удовольствием выпила стакан вина и легла спиной между моих ног, положив голову мне на грудь. Никто из нас не хотел нарушать эти минуты блаженства, однако я, боясь не выдержать и испортить всё, и, главное то, ради чего приехали, нагнул голову к её прекрасному лицу, поцеловал её и тихо шепнул на ухо, что, наверное, наша очередь подошла и нам надо торопиться к роднику. Нехотя, она встала, мы вместе собрали вещи и в самый раз успели к очереди.

Набрав воды, мы двинулись в обратный путь. Говорить не хотелось ни ей, ни мне, видно, каждого из нас одолевали думы о непонятности наших отношений, их нескладности. Когда мы подъехали, она неожиданно спросила меня:

– Скажи мне, Башир, как ты понимаешь наши отношения?

– Наверное, приятельские, – схитрил я.

– А какими бывают отношения любовников? – спросила она, взглянув мне прямо в глаза.

– Это когда мужчина и женщина хотят и занимаются любовью, – ответил я, не отводя взгляда.

– А ты меня разве не хочешь любить? – её вопрос был для меня настолько неожиданным, что я вначале на несколько секунд растерялся, но тут же пришёл в себя и горячо ответил:

– Ещё как хочу, родная! Мечтаю, жажду любви с тобой, если только ты сама этого хочешь?!

Вот теперь она созрела, – подумал я и пригласил её в свою тайную квартиру.

– Завтра, – ответила она, – я приеду к тебе сама, где-то к восьми вечера...

И действительно, она приехала, как невеста, вся светилась и не скрывала своей радости. Подошла ко мне ближе, протянула руки, и второй раз, за всё время наших отношений, мы обняли друг друга, и наши губы слились. Её нижнее бельё возбуждало своим нежным шёлком и белыми кружевами. Вся она податливая, настолько женственная, что я, не сдерживая себя, ласкал и целовал её глаза, губы, нежные шею и груди. Она вся трепетала и отдавалась мне вся без остатка. Мы любили друг друга неистово, с жадностью, как добравшийся, наконец, до источника путник пустыни.

Так продолжалось несколько месяцев. Я понял, что Гюльнара заняла в моей жизни особое место, что, когда я её некоторое время не вижу, я её ищу, не могу без неё, что полюбил её всем сердцем. Из охотника я превратился теперь в того, за кем охотятся. Я решил,

что она стала моей любимой, желанной, без которой я не мыслил своё будущее.

Однако человек предполагает, а Бог – располагает. В моей жизни произошло событие, которое перевернуло её вверх дном – я, благодаря своему коварному заместителю, разорился. Я предполагал, что такое возможно, но никак не думал, что масштабы его преступления будут выше всех допустимых пределов, что его прикрытая показным доброжелательством злонамеренность погубит меня окончательно. Украд всю наличность из кассы, и, сняв со всех счетов в банке все суммы вкладов, он за три дня до того, как я спохватился, сбежал в неизвестном направлении. Все мои попытки разыскать его даже с помощью детективов не дали результатов. Дело осложнилось ещё и тем, что на меня легли большие налоговые платежи, которые, по неизвестным мне причинам, не были уплачены за полгода, и теперь надо было уплатить со штрафами. Ко всему этому прибавились долги за аренду помещений, не возвращённые кредиты и даже страховые платежи. Мне было обидно и больно за подлость и измену негодяя в личине друга, но я не плакал. Вы, наверное, знаете, что мужчины – горцы почти не плачут.

Пришлось в срочном порядке продать с такой любовью отремонтированную квартиру, автомашину, а также остатки товаров в магазинах. Только таким путём мне удалось покрыть долги и остаться без всяких средств к существованию. Надо ли говорить, что занятый решением своих проблем, я забывал о назначенной встрече с Гюльнарой, обещал и не выполнял данного ей обещания, а потом вообще перестал звонить и не отвечал на её звонки, хотя она очень хотела узнать о моей беде.

Однажды она пришла, нет, прибежала ко мне в офис, прибежала, забыв обо всем на свете: о погранной женской гордости, об обиде, которую я наносил ей тем, что не отвечал на звонки и не приходил на назначенные встречи, об адатах нашего народа, не позволяющих женщине-горянке посещать женатого мужчину прилюдно, в общественном месте. Прекрасные глаза ее были влажны, взволнованно она бросилась мне навстречу, взяла мои руки в свои и стала просить поделиться с ней навалившейся на меня бедой, не отдаляться от нее, не замыкаться в себе, и, изъяс из сумки увесистый пакет, протянула мне, предложив свои сбережения и драгоценности, чтобы я мог покрыть долги. Однако... я был глух, не услышал ее, не увидел ее отчаяния, а вместо этого виновато улыбнулся и вежливо отказался от ее предложения, заверив, что все скоро утрясется. Я считал, что мужчина сам должен решать свои проблемы. Она вдруг вздрогнула, будто ее ударили, с укоризной и какой-то тайной болью взглянула на меня и, опустив голову, не поворачиваясь, ушла.

Всё это время, пока я решал свои дела, думал, что она сейчас не главное, что она подождёт, что она, не смотря на мою невнимательность в данный момент, потом всё поймёт.

Так я считал. Однако, когда я через три месяца после описываемых событий пришёл к ней на работу и спросил о ней, не застав на месте, одна из работниц ответила, что Гюльнара неделю назад рассчиталась и вернулась в аул, к мужу.

Я вздрогнул, словно выпущенная кем-то шальная пуля нашла, наконец, свою цель. Устало, понуро опустил голову и медленно, чуть пошатываясь, покинул помещение. Из моих глаз лились слезы. Нет, я

оплакивал не потерянное богатство, чёрт с ним, думал я, богатство можно и нажать...

В конце концов, так и случилось. Впоследствии некоторую часть украденных денежных средств нашли аж в Саратове, – мой друг – банкир нашел их и причислил на мой счет, а вот...

Рассказчик умолк и ненадолго задумался.

– Все вот так и было, – заключил он и добавил, – и если вам показалось, что я ищу себе оправдания и виню в этой карусели обстоятельства, нет, поверьте мне, я виню только самого себя... Что же касается любви., любовь – это дар свыше, это божественный подарок, который дается каждому лишь один раз. И если человек не сумел им распорядиться, не дал ему должную оценку, не сумел сберечь, сохранить на всю жизнь, то, как и все другое в этом мире, он теряется...

Лучший друг.

Фаина Аркадьевна, жена директора совхоза Александра Борисовича, прослыла в коттеджном посёлке прорицательницей. Выпускница филологического факультета пединститута, она посвятила детям и любимому мужу всю себя. Мудрая, весьма скромная, к тому же пышущая здоровьем сорокапятилетняя женщина, она умела дать соседкам дельный совет, разгадывать сны, с помощью обычного подсолнечного масла и теста вылечивать всевозможные вывихи, ушибы и даже травмы, а что касается её особого дара – безошибочно характеризовать того или иного человека – так об этом в посёлке ходили легенды.

Дело в том, что достаточно было Фаине Аркадьевне раза два-три поговорить с человеком, как она через некоторое время, в отсутствии самого испытуемого, как говорят шахтёры, могла выдавать на го-

ра самые затаённые черты его характера. И никогда не ошибалась.

Посёлок, где она жила с мужем, вырос на большом пустыре. Лет двадцать назад богатый виноградарский совхоз принял решение выделить 60 гектаров неиспользуемых сельхозугодий, распределил всем нуждающимся работникам по 6 соток, и на равных долях за счёт совхоза и самого работника построили просторные коттеджные домики. Теперь здесь на четырёх ровных улицах, соединённых между собой переулками, красовался зелёный жилой массив, в котором по просьбе почившего ныне райкома партии выделили участок и одному «руководящему работнику» районного масштаба. Года два назад в его домик переехал с семьёй сын того «руководящего», и редко кто знал, где он работает нынче и за счёт каких доходов имеет две иномарки и прочие дорогие приобретения. Звали его Юсупом.

В последние несколько месяцев Юсуп, большей частью в воскресные дни, пристрастился ходить к Александру Борисовичу в гости. Как выяснилось, они были не только соседями, но много лет назад, в одни и те же годы, учились на одном и том же агрономическом факультете сельскохозяйственной академии. В отличие от директора совхоза, Юсуп после ВУЗа по протекции отца десять лет проработал генеральным директором центрального универмага столицы республики, затем, чтобы уйти от насевающих следователей, стал заниматься перепродажей иномарок, а месяц назад, после скандальной истории с друзьями, которых он в буквальном смысле предал, был не у дел. Так, в который раз, судьба заслуженно наказывала Юсупа, не оставляя надежд на будущее.

Выглядел Юсуп импозантным, изысканно одетым, улыбчивым и весьма располагающим к себе человеком. Каждый раз, когда он заходил к Александру Борисовичу поговорить о житье-бытье или поиграть в шахматы, непременно приносил с собой бутылочку шампанского или импортного коньяка с коробкой редких шоколадных конфет. Нет, не лицемерил, но за самым редким исключением не оставался отобедать. И у Александра Борисовича сложилось о нём весьма доброе впечатление, тем более что Юсуп никогда ни о чём не просил, но за то выказывал готовность выполнить любое желание директора или даже намёк. Правда, был случай, когда, узнав, что совхозу нужен подвязочный материал – пакля для виноградников, он предложил свои услуги, мол, есть у его знакомых несколько вагонов этой пакли, можно оформить покупку всех шести вагонов, а взять только один, мол, всё равно установить точный учёт расходов невозможно. Александр Борисович с подозрением посмотрел на него, но от сделки этой отказался.

О людях Юсуп всегда говорил положительно, старался казаться доброжелательным, однако словоохотливостью не отличался, словно боялся сказать что-либо лишнее. Фаина Аркадьевна почему-то относилась к навязчивому гостю с предвзятостью, не верила в его доброжелательность и выражала мужу опасение, что сосед весьма хитёр и себе на уме, и что от него всегда можно ждать какой-либо каверзы. На что Александр Борисович добродушно улыбался и не соглашался с прозорливой женой. Но разговор этот возникал всякий раз после еженедельных многочасовых посещений Юсупа. Как-то раз после очередного спора с мужем о достоинствах и, мягко говоря, недостатках Юсупа, Фаина Аркадьевна предложила мужу испытать соседа, задумав весьма комедийную

ситуацию. Однако этому предшествовал случай, в котором муж Фаины Аркадьевны оказался непосредственным участником.

Вечером третьего дня, когда Александр Борисович вернулся после работы, переоделся и прилёг отдохнуть на диван, с улицы раздался выстрел. Естественно, директора совхоза это всполошило, поскольку любое происшествие в посёлке касалось работников хозяйства, поэтому он встал, подошёл к окну, открыл его, однако вечерние сумерки опутали посёлок наступающей ночью. Было тихо и спокойно. Но в этот самый момент в дверь тревожно постучали, и в комнату ворвалась соседка, муж которой, совхозный тракторист и заядлый охотник, пристрастился в последнее время к выпивке, после чего приходил в такое неистовство, что, не помня себя, хватал охотничье ружьё и бухал в воображаемого зверя.

– Ой, Александр Борисович, – воскликнула напуганная женщина, – мой опять распоясался и грозитя убить.

Директор, надев спортивный костюм, в шлёпанцах на босу ногу побежал к ним в дом, выхватил из рук тракториста ружьё, шлёпнул того по уху, чтобы протрезвел, и строго сказал:

– Ты, вот что, Сергей, нарушаешь общественный порядок, грозишься убить жену, поэтому доверять тебе ружьё опасно! Завтра же лишим тебя лицензии на охоту и заберём ружьё! Прекрати свой пьяный дебош, иначе вызову милицию!

Он вдруг словно протрезвел, ударил себя ладонью по голове, поднял грустные в слезах глаза и виновато произнёс:

– Извините, Александр Борисович, без ружья какой же я охотник! – удручённо развёл руками и заплакал.

– А ты и не будешь им, вот убийцей станешь, – твёрдо добавил директор.

– Говорил же – не буду, нельзя мне! – кричал он, словно убеждал кого-то. – Нельзя..! В следующий раз...

– Не будет у тебя следующего раза, Сергей! – прервал его Александр Борисович. – Будет тюрьма, понял? А ружьё я у тебя заберу, завтра разберёмся...

Он видел как мужику тяжело, как от безысходности он обхватил руками голову и, словно раненый зверь, воеет...

– Прошу вас, Александр Борисович, не забирать у меня ружья, даю слово, что никогда это не повторится...

Александр Борисович посмотрел на его жену, видно было, что и она была не прочь простить мужа, только стеснялась сказать об этом.

– Что ж, поверю! – притворно согласился директор, – но смотри, Сергей, ты играешь жизнью и смертью... На, держи! – и, отдав ему ружьё, ушёл.

Вернулся Александр Борисович в дом, и только было устроился на диван, чтобы, наконец, отдохнуть, как раздался новый выстрел.

– Всё, убил, подлец! – выкрикнул он и бросился к соседям.

Но каково было его удивление, когда он увидел сидящих в обнимку мужа и жену на диване.

– Ты стрелял?

– Нет! – отвечает Сергей удивлённо.

– Как? Стреляли же?!

– Да, нет, Александр Борисович, не стрелял я, вон и ружьё висит, – улыбается охотник и снимает его со стены, если бы... ствол был бы тёплым...

Обо всём этом рассказывал Александр Борисович Юсупу через три дня, когда он пришёл в неурочный день поиграть в шахматы.

– Напоили его друзья, заведомо зная, что ему нельзя, – с осуждением говорил хозяин дома.

– Знаете, Александр Борисович, – заговорил Юсуп доверительно, – я благодарю отца за то, что он научил меня дорожить дружбой, быть верным другом, особенно когда он нуждается в тебе...

– Если даже он убил человека? – неожиданно спросила Фаина Аркадьевна.

– Если друг убил при мне, уважаемая Фаина Аркадьевна, – значит убитый этого заслуживал, и уверяю вас, об этом от меня никто не узнает, – убеждённо ответил Юсуп.

При этих словах Фаина Аркадьевна и Александр Борисович многозначительно взглянули друг на друга.

В следующий воскресный день, когда дочь с зятем, прихватив сына, уехали в город, и муж с женой остались в доме одни, Фаина Аркадьевна стала ждать Юсупа, чтобы осуществить задуманное – провести его испытание на преданность. С этой целью из народного театра Александр Борисович привёз бутачный нож, при ударе которым «лезвие» возвращается в рукоятку, не причинив «жертве» никакого вреда. К нему был приложен также 10-граммовый целлофановый мешочек с «кровавой краской», которая служила имитацией крови. Не забыли они и про участкового, который должен был находиться в это время рядом с их домом.

Юсуп шёл к Александру Борисовичу с тайной надеждой поговорить сегодня о его назначении на образовавшуюся в совхозе вакантную должность управляющего отделения. Одно весьма высокопоставленное лицо пообещало ему, что в этом случае он будет содействовать его продвижению в дальнейшем на директорскую должность.

Занятый своими мыслями, он открыл калитку директорской усадьбы и неожиданно в открытую дверь дома увидел, как Александр Борисович в прихожей, схватив свою единоверную супругу, Фаину Аркадьевну, за шею, кричит:

– Ах ты, мерзавка, нашла себе хахаля?!

– Нет, ты ошибаешься! – отвечала женщина, плача.

– Теперь я убью тебя! – ещё раз крикнул ревнивый супруг и ножом, лезвие которого блестело в его правой руке, ударил жену в грудь. Юсуп увидел, как кофточка жертвы покрылась кровью, и Фаина Аркадьевна, испустив последний вздох, упала на кушетку. Сцена была разыграна в лучших традициях театрального искусства.

Ахнув от неожиданности, Юсуп молниеносно оказался за калиткой, и тут его взгляд упал на стоявшего в 100 метрах участкового. С искажённым от увиденного лицом он подбежал к участковому и взволнованно произнёс:

– Товарищ, участковый, директор совхоза только что убил свою жену!

– Вы что? – деланно удивился участковый. – Вы убеждены в этом?

– Да, она лежит в крови с ножом в груди, – убеждённо заявил Юсуп и добавил, – торопитесь, но обо мне ни слова, я вам ничего не говорил...

– Ладно, – отвечает страж порядка, – только вы далеко не уходите, я вас позову, вы мне понадобятся, – и, оставив его на месте, устремляется к дому директора.

После нескольких минут пребывания у Александра Борисовича, участковый вышел за калитку и позвал Юсупа. Тот сперва нерешительно, но потом быстро, двинулся к дому, куда приходил почти ежене-

дельно и где много раз говорил в адрес хозяина, что он ему друг и многое другое.

– Подойдите, пожалуйста, – сказал участковый Юсупу, – мне доложили, что здесь, в доме директора совхоза, произошло убийство, но ни тела убитой, ни орудия убийства я не нашёл...

Совершенно спокойный Александр Борисович, улыбаясь, сказал:

– Да, ничего подобного в моём доме не было.

– Как? – взорвался Юсуп, забыв о своей просьбе. – Я своими глазами видел, как ты, Александр Борисович, убил жену! Товарищ участковый, он спрятал следы своего преступления, надо вызвать дополнительный наряд милиции!

– О чём вы говорите? – из другой комнаты появилась улыбающаяся Фаина Аркадьевна. – О чём вы говорите наш лучший друг?

– Как? – вырвалось у Юсупа, затем не то улыбка, не то кривая усмешка украсила его лицо, и он, понурив голову, направился к выходу...

Перемены.

Когда произошли в нём эти перемены, никто точно сказать не мог: ни близкие родственники, ни друзья и товарищи. Как говорится – пути господни неисповедимы. Но в одном были уверены все, что свершилось это в одночасье, как стихия, как горный обвал.

Ничего вразумительного не могли сказать и о причинах, вызвавших в нём эти перемены, хотя выдвигались разные версии. Одни, например, считали, что причиной всему стала неожиданно пробудившаяся жадность, желание иметь как можно больше денег, которое в силу каких-то неизвестных ещё фактов исподволь росло, чтобы стать основанием для этой пе-

ремены. Но эта версия тут же была опровергнута, поскольку он всегда был человеком хлебосольным, компанейским, любил посидеть с друзьями за весёлым столом, и, можно сказать, главным образом за свой счёт. И, мол, никто и никогда не видел, чтобы он этим огорчился или выразил недовольство. Кроме того, жадными не были и его родители, чтобы потом заложить в него это желание, так сказать, дать генетический толчок...

Другие были склонны думать, что причину надо искать в подлой зависти, в чувстве досады, вызванного благополучием другого. Однако и здесь были противники подобного предположения, ибо в его окружении не было такого человека, кому он мог позавидовать. Хотя... был один симпатичный человек, который всегда одевался, как говорится, с иголочки, манерами отличался изысканными, и пил, и ел в меру, и говорил не громко, но никогда не был высокомерным, не стремился выделиться среди товарищей и друзей. Говорили, что он из богатой семьи, но сам он об этом даже не заикался. Кто знает, ведь человеку порой нужен лишь небольшой импульс, чтобы вообразить себе кумира и потом подражать ему всю жизнь. Как бы то ни было, прямых доказательств, чтобы чувство зависти стало причиной подобных перемен в нем не было.

А перемены были, и с каждым днём они росли, прямо таки, в геометрической прогрессии. Дело в том, что однажды, проснувшись после весело проведённого воскресенья в кругу очень близких друзей, у себя дома, он вдруг задался вопросом, что если подсчитать, во что обходятся ему эти еженедельные гулянья? Стал считать: бывали дни, когда расход составлял 700–800 рублей, случалось и 1000–1500 руб-

лей, а иногда доходило до 2 и более тысяч. Если же их сохранить, сложить вместе, подумал он, то можно сколотить хорошее состояние, стать таким же богатым, как некоторые другие. И он, правда не сразу, но всё чаще и чаще, а потом и вообще, стал отказываться от общества друзей. И они от него отошли, недоумевая по поводу его поведения.

Вскоре он убедился, что путь к богатству выбран им правильный, что кубышка его наполняется с каждым днём, что недалеко время, когда он сможет считать себя богатым человеком. Эти раздумья привели его к новым выводам. Он стал замечать, что мясо для нужд семьи покупается с излишком и выбрасывается собакам. Не раздумывая, сделал замечание жене, чтобы она в дальнейшем покупала мясо на неделю не 6–8 килограммов, как раньше, а в два раза меньше, мол, надо экономить. И когда он убедился, что эта экономия намного сокращает расходы, ещё больше ополчился на жену, что, мол, она транжира, денег не жалеет, покупает даже то, без чего вообще можно обойтись, что в доме кушают всё без разбору, что, в конце концов, всё, что она делает – плохо. Жена вначале недоумевала, не могла его понять, а потом, когда поведение его стало невыносимым, когда жадность, скупость и корыстолюбие достигли наивысших пределов, она заявила ему, что пойдёт с детьми жить к своим родителям. Он и на это согласился, ибо, в итоге, это тоже экономия, а значит – лишние рубли в кубышку.

Богатство его росло, а людей рядом с ним становилось всё меньше и меньше, а потом, когда он уже спал на деньгах, вообще остался один.

Случилось так, что однажды он заболел, отказали ноги, лежал на своей огромной кровати, и его одоле-

вали совсем невесёлые думы. Он вдруг вспомнил, как много лет назад был счастлив, когда его окружали друзья, как радовался успехам детей, как ему не хватает теперь тепла и внимания жены, которую он оскорбил и, по– существу, выгнал из дома. Сейчас, оставшись один, среди огромного состояния, он готов был отдать всё это тому, кто откроет его дверь, войдёт и примет участие в его проблемах.

Но дверь его так никто и не открыл...

Молитва.

Осенью в горах, за самым редким исключением, прохладно, что же касается зимы, то от стужи и лютых ветров, что называется, зуб на зуб не попадает. Вот почему горцы в это время года надевают всё самое тёплое: мохнатую овечью шапку и длинный, почти до самых пят, тулуп.

В ту зиму, когда я впервые столкнулся с ним, мне было десять лет. Он был значительно старше нас, и почему всё ещё продолжал ходить в школу, мы не знали. Выше нас ростом, сухонький, с впалыми бледными щеками, но с дерзким шальным взглядом, в отличие от остальных учеников, легко одетый, без тёплой шапки, в старых, прохудившихся башмаках. В школу он не шёл, а бегал и также бегом, вприпрыжку возвращался домой. И за это время он успевал одного толкнуть в снег, другого ударить по папахе, отчего шапка обиженного спадала ему на глаза, и он, потеряв ориентир, тоже падал.

Вот тогда он и полез на меня. Однако я увернулся. Он же, вместо того чтобы оставить меня в покое, сильно ударил в лицо, отчего я с окровавленным носом упал в снег. С того дня я его возненавидел и всячески старался напакостить. Однажды украл его ды-

рявые башмаки, которые он снял и положил в коридоре школы на тёплый радиатор для просушки. Не найдя их, он махнул рукой и в одних прохудившихся носках через снег побежал домой. В следующий раз я и трое моих друзей устроили ему ловушку, и он по дороге домой упал в яму. На другой день он пришёл в школу в ссадинах и синяках, разглядывая диким взглядом всех встречавшихся ему на пути.

Его дважды оставляли в восьмом классе за поведение, но главным образом за то, что он по состоянию здоровья или по какой-либо другой причине две прошлые осень и зиму не ходил в школу. Так или иначе, восемнадцатилетним он заканчивал нынче восьмой класс, и продолжать учёбу был не намерен.

В своём классе он выбирал и обижал, в основном, детей из обеспеченных семей, как будто они были виноваты в его страданиях. А вот, что касается тех, кто жил в постоянной нужде, он, наоборот, защищал и не давал в обиду. Через некоторое время мы узнали, что, когда ему было десять лет, он потерял в один день отца и мать, погибших во время обвала на перевале. Остался он один при больном дедушке, который не только не мог быть ему подмогой, но и сам нуждался в помощи. И он делал по дому всё: с конца лета заготавливал на зиму дрова и тащил их на своих хрупких детских плечиках, стирал, когда не помогали соседки, бельё, свою и дедушкину одежду, готовил кушать, на пенсию старика и мизерное пособие по случаю потери кормильца, покупал в сельпо продукты. И, конечно, жили они в постоянной нужде: не было денег купить себе одежонку или какие-то нужные продукты. Вот и обозлился мальчик на весь мир. Правда, четыре года назад ему предложили поехать в город в интернат, но он отказался оставить деда одного.

Справедливости ради, следует сказать, что колхоз, где председателем был мой отец, не единожды помогал им и продуктами, и небольшой денежной субсидией, но решить все их проблемы не сумел, ибо нуждающихся семей в ауле было немало, да и колхоз был не особенно богатым. Однако отец всерьёз и по-настоящему огорчился, что государственное пособие, которое им выплачивалось, не обеспечивало даже мизерного прожиточного минимума.

Прошли годы. Он пошёл работать скотником по уходу за лошадьми, стал больше зарабатывать, женился на такой же, как сам, девушке из бедной семьи. Дед вскоре умер. Хозяйка в доме оказалась трудолюбивой, аккуратной и весьма дружелюбной к соседям. Появились и дети. Однако сам он по-прежнему смотрел на людей исподлобья, и те большей частью сторонились его.

Моё отношение к нему не изменилось и позднее, когда я стал взрослым. Нет, теперь я его не трогал, просто мне не нравился, лучше сказать, во мне вызывал протест его волчий взгляд, аура нелюдима. Хотя теперь он выглядел вполне сформировавшимся мужчиной, да и одевался ничуть не хуже своих бывших школьных товарищей. При этом отец не переставал повторять, что на недоброе отношение нельзя отвечать тем же. Если даже, говорил он, этот человек, обзлѐнный жизнью, творит зло, всё равно делай наоборот, возвращай добром, ибо со временем к нему придѐт понимание своей вины, и, в конце концов, он перестанет делать зло.

Однажды в колхозе отца, в котором он работал уже двадцать пятый год, от лютой зимы погибло целое стадо овец. Кто-то тут же написал об этом в вышестоящие органы, и по докладу комиссии, которая

подтвердила этот факт, отца от председательства освободили. Хотя оставил он колхоз в сравнительно хорошем состоянии: с прибылью в несколько десятков тысяч рублей (для того времени это были хорошие деньги), 6 тысячами овец, большим стадом быков и 120 лошадьми, через десять лет от колхоза не осталось ничего; ибо за это время сменилось десять руководителей...

Однако тот, кто писал на отца, продолжал это делать и в дальнейшем. Купили мы телевизор – тут же анонимка, приобрёл отец лошадь – он пишет, завезли кухонную мебель – следом эрзе¹⁾, и каждый раз приезжал проверяющий. Правда, поскольку он был близким другом отца, заранее звонил и предупреждал о цели своего приезда.

Но случилось невероятное. Через несколько лет, когда отец работал в районном центре заведующим жилищно-коммунального хозяйства, в дверь его кабинета постучали, а потом вошёл тот самый «писатель» и «нелюдим», который в течение многих лет не давал ему покоя. Он обратился к отцу с просьбой помочь его старшему сыну, который, будучи бригадиром нашего колхоза, допустил такое, что его могли осудить. Отец вначале не поверил в искренность «нелюдима», внимательно посмотрел на него – не шутит ли, но, увидев озабоченность и подавленность того, решил помочь. Пошёл с ним к районному судье, и тот по просьбе отца осудил бригадира на шесть месяцев «условно». Таким образом, отец, несмотря на всё прошлое, спас его сына от тюрьмы.

И после этого случая анонимки на отца прекратились, наоборот, «нелюдим» диаметрально изменил к нему отношение: стал внимательным, старался показать, что был неправ. Трудно сказать, что послужило

тому причиной: спасение сына или простое человеческое тепло и внимание, которые он почувствовал в поступке отца.

Как-то заболел отец (у него обнаружили непроходимость кишечника) и «нелюдим», узнав об этом, изменился, стал проявлять об отце такую заботу, что не делает порой и близкий родственник: приносил ему не только мёд из своей пасеки, но и ароматные, целительные соты. Он проводывал отца каждый день по два раза, уезжая на работу и возвращаясь. И детям своим наказывал быть к нашей семье внимательными, а бога молил, чтобы отец не умер раньше его самого или, если такое случится, то не в его отсутствие.

Однажды, будучи на работе (теперь он работал заведующим животноводческой фермой), накануне какого-то праздника, он в кругу работников, малость выпив, тихо опустил голову на стол и будто задремал. Но когда уже собрались уходить, глянули, а он умер. Мой отец умер через полгода. Видно, и своим поведением, и поступками он постоянно, без слов, молил у отца прощения...

Разговор начистоту.

В большом светлом зале отдыха санатория в Кавминводах, расположенном в живописном уголке природы, собрались несколько отдыхающих мужчин, давних и недавних знакомых, убеленных сединой от немалых жизненных забот в прошлом. Были среди них и бывший министр, и ректор престижного вуза, и известный политолог, и редактор некогда бесстрашной оппозиционной газеты, и даже весьма уважаемый директор государственной библиотеки. Разговор начался, казалось бы, с обсуждения незначительного факта: посетив утром городской рынок, они были

крайне удивлены обилием всевозможных фруктов и овощей, ставших редкостью даже для них, избалованных жизнью людей. Но на смену удивлению пришло разочарование, что все эти дары природы, даже на южном рынке, были не свои, так сказать, отечественные, выращенные в садах и бахчах родного земледельца, а завезены из многих стран и даже из таких, размеры которых меньше собственной «ладони».

– Чему удивляться, – продолжил разговор бывший редактор, замечательный журналист, у которого от брошенной в него несколько лет назад гранаты теперь свисал пустой правый рукав пиджака, – если в стране почти не осталось сеятеля и служителя, хозяина земли, который и сеял, и веял, и любой фрукт нам деял, которого в своё время заклеямили «кулаком» и, таким образом, уничтожили, оставив землю – матушку без настоящего мужика. Некому на огромных просторах работать, и мы ещё не одно десятилетие будем ждать его рождения. А если и появляется кое-где такой мужик, фермер, который всей семьёй хочет окропить своим потом эту жаждущую землю, так нет же, чиновничьи псы кусают, делают всё, чтобы ему помешать: не дают кредит, ломают технику, морят лошадей, жгут постройки, убивают из-за угла, дабы не дать этому мужику родиться и выжить.

– Вот, вот, совершенно с вами согласен, – неожиданно вмешался в разговор сидевший в этом же зале один из отдыхающих, с пышными седыми усами и колоритным акцентом донского казака, – прошу у вас прощения, но уж больно интересный вопрос. Мы благодарны Горбачёву, что он дал нам возможность, не боясь, откровенно говорить о наболевшем – это великое достижение. Но нет ему прощения, что, затеяв строительство нового дворца на месте старого,

разрушенного им самим же, не всё учёл. В результате, в свою бытность большевики уничтожили настоящего человека от земли, её хозяина, а при нынешней обманной власти её подручные распродают и разоряют саму землю. А теперь, если позволите бывшему сельскому учителю спросить вас, а вы, я вижу, люди бывалые, интересные, ответьте, пожалуйста, на один вопрос: «На что мы обменяли социалистический стой? Что мы, так сказать, строим?»

– Это по вашей части, Александр Васильевич, – улыбнувшись, обратился к политологу, доктору экономических наук, бывший редактор.

– Свои суждения по данному вопросу я, конечно, выскажу, – также улыбнувшись, ответил политолог, – но прежде, в подтверждение ваших слов, уважаемые собеседники, расскажу один трагикомический случай. Как-то, будучи на юге, меня познакомили с одним из бывших «кулаков». Звали его Габиб. И поныне в двадцати верстах от города, на площади двух гектаров, есть участок, который зовётся «землёй Габиб». Семья его была большая: пятеро сыновей, дочь и он с женой. В своё время каждый из них получил по 25 соток непригодной к пахоте земли, так сказать, заброшенных сельхозугодий. Они развели виноградник и, не зная отдыха, работали на нём: пахали, очищали от всевозможных камней, сорняков, особенно от марены (видно, в давние времена жители тех мест занимались мареноводством), делали зеленую обломку – снимали лишние побеги, для борьбы с вредителями опрыскивали купоросом, поливали, а когда приходила пора уборки, приглашали за хорошее вознаграждение рабочих людей из горных аулов. Затем большую часть винограда давили на вино, чтобы вывозить зимой на рынок, а редкие столовые сор-

та собирали в ящики и отправляли поездом в большие города. Этим жили. И, надо сказать, жили, как и работали, хорошо, но не броско, жадностью не отличались, но заработанное ценили.

Долго боролась семья Габиба за право владения этим виноградником. Отобрать его у них никто по закону не мог. Однако советская власть не раз грозила им разорением, пускала трактор с плугом, но они, уже и внуки, и внучки Габиба, становились в ряд, чтобы не дать уничтожить свою кормилицу. В защиту этой семьи встали и соседи. Никому не удалось заставить Габиба изменить своё решение, уступить требованию властей, если бы не помешал завистник – сосед, вхожий в его дом. Он написал в КГБ анонимное заявление, что Габиб настолько ненавидит нынешнюю власть и лично товарища Сталина, что на его портрете, который висит в большой комнате его дома, поставил вождю на лицо жирную чернильную кляксу. Пришли, проверили и, памятуя «деяния» Габиба, осудили его на пятнадцать лет, и отправили в Сибирь. Так вот, там он оказался среди политических. Когда один из них, человек с благородным лицом, чистым пронизательным взглядом и красивой бородкой, спросил его за что, мол, его посадили, Габиб ответил за то, что он «тарасгыз». Человек с бородкой долго повторял: «тарасгыз», «тарасгыз», а потом сказал, что нет в этом слове смысла, мол, слово «Тарас» – русское имя мужчины, а «гыз» – тюркское название девушки. Может быть, осенило его вдруг, тебя осудили за троцкизм. «Да, да», – ответил тогда Габиб, и все заключённые в камере грустно засмеялись. Тогда вместе с Габибом арестовали и двух его сыновей за то, что те заступились за отца. Они из ссылки не вернулись, их, как стало потом известно,

позднее расстреляли. Сам Габиб вернулся через пятнадцать лет. Хозяйство его разорили, виноградник раскорчевали, землю отобрали, и земля эта называется нынче – «непригодные сельхозугодия». Пришлось Габибу всё начинать сызнова. Когда советская власть почилла, Габиб устроил у себя в доме пир и поднял тост за неизвестного ему Горбачёва.

– Да, печальная история, – промолвил библиотекарь.

– Теперь по поводу вашего вопроса, уважаемый учитель, – продолжил политолог. – За внешним демократизмом в стране зреет сегодня судебно-карательный режим. Президентское единовластие, которому беспрекословно подчиняются подручные ему ФСБ, суды, прокуратура и милиция чинят расправу с неугодными людьми: строптивых журналистов убивают или «добровольно» отсылают, чтобы они остыли, «правозащитники» бубнят себе под нос, дабы им самим не пришлось защищать своё право. Но за то в каждом выступлении государственных деятелей слышатся возгласы о растущем демократизме. Народ нищает. В стране 2 миллиона беспризорных детей. Это официально, а не официально – в два раза больше. Из этих беспризорных большей частью вырастут воры, бандиты, головорезы и проститутки. В купе с ними и новоявленные фашисты, с которыми, вместо решительной борьбы, заигрывают. И это наше безрадостное будущее.

Рыночная экономика, государственный капитализм и ещё какие-то эпитеты приклеивают нынешнему экономическому состоянию нашей страны. Понимается, что мы строим демократическое, капиталистическое общество с какими-то только нам, россиянам, присущими особенностями. А особенно-

сти эти такие: заводы и фабрики сперва разорили, а потом разворовали, деньги обесценились, зарплата, пенсия и конституция остались прежними, а порядки стали капиталистические. У нас появились десятки миллиардеров и миллионы живущих за чертой бедности. Как назвать такое общество? Судя по наличию самодержавия, мы катимся к монархии, и есть такое чувство, что в скором времени, накануне выборов, президент отменит все эти словословия и объявит себя императором.

– Прошу у вас извинения, уважаемые аксакалы. Поскольку я, по счастливой случайности, оказался невольным участником этого весьма интересного разговора, – вмешался в беседу молодой человек лет 30–35, с высоким лбом мыслителя и обаятельной внешностью, – вам, наверное, будет интересно знать и мнение современного молодого поколения, поэтому разрешите, Александр Васильевич, мне, молодому учёному, не согласиться с Вами по поводу прогноза на будущее. Я, например, вижу наше будущее несколько иным, верю в то, что сегодня многое делается для развития в стране именно демократических преобразований, а не монархии. Конечно, это развитие встречает на своём пути всякие трения, препоны и порой прямое сопротивление, но его поступательный бег уже ничем не остановить...

– Дай-то Бог, чтобы у вас, молодых, хватило не только сил, что немаловажно, но и широты взгляда, чтобы за внешней мишурой так называемой «демократии» разглядеть полную её противоположность, – ответил политолог.

– Неужто всё так плохо, Александр Васильевич? – спросил библиотекарь.

– Так мне видится наше настоящее и ближайшее будущее, – ответил политолог и с грустью добавил. – В любом случае народу не легче...

– Что касается народа вообще и нашего – в частности, – включился в разговор бывший министр, – мне вспомнились молодые годы, когда защитил свою первую диссертацию «О роли личности в истории». Я тогда с пеной у рта доказывал всем и каждому, что главной движущей силой общества является народ. А потом стал свидетелем чудовищного противоречия, когда этот самый народ, скопом и в одиночку, истребляли, а он безмолвствовал. О войне не говорю, не было бы гибели миллионов людей, если бы наш «вождь и учитель» прислушивался к мнению других, её можно было предусмотреть заранее и подготовить соответственно армию. Вместо этого сотнями и тысячами расстреливали лучших представителей этого народа, всех инакомыслящих, самых умных и одарённых. А народ безмолвствовал. Выдающихся военных деятелей уничтожили накануне войны, многих генералов и высших чинов засадили в лагеря, оголив армию и сделав её мишенью для фашистов. А тысячи и тысячи ни в чём не повинных людей, даже не знавших за что их посадили, как и в случае, о котором рассказал Александр Васильевич, оказались в лагерях, столь отдалённых и суровых, что больше половины из них домой не вернулись. А народ безмолвствовал. Да и сегодня, против всех кто сколько-нибудь выражает несогласие с режимом бывшего кgbиста, представляет интересы того самого безмолвного народа, стряпаются дела и люди сажаются в тюрьмы. И что же? Народ безмолвствует. Так что же такое народ? Это легкоуправляемая толпа. В особенности наш народ, который готов всё вытерпеть, даже изде-

вательства над собой, если этого требует власть. Представьте себе парадокс: президента и всех его подручных избирает народ, чтобы они служили ему. Но как только их избрали, они начисто забывают о народе, и уже не они служат своему народу, а наоборот. От одного тоталитаризма избавились, а другой пришёл ему на смену. В надежде, что избавимся от старого беззакония, приобрели новое. Так стоило ли этому самому народу отказываться от многих положительных черт социалистического общества? Народ должен подвергнуть проклятию так называемых «вождей» бывшей партии за то, что они прекрасную идею о создании справедливого общества не то, что не развивали и обогащали, наоборот, своими действиями испачкали и осквернили. Партию эту, особенно её верхний эшелон, конечно, ликвидировать было необходимо, но не строй, не социализм с его прекрасными идеалами...

– Все говорят, что при Сталине государство наше превратилось в тоталитарное, – вступил в беседу бывший ректор ВУЗа, Василий Александрович, – только и слышишь: тоталитаризм, тоталитаризм! Что было на самом деле? Была архитрудная обстановка, необходимо было старую, патриархальную Россию выводить «в люди», надо было создать в стране мощную индустрию, промышленность и более или менее развитое сельское хозяйство. Иначе бы страну задушили. Поэтому создали строгую плановую систему, строжайшую! И Сталину это удалось! Какой ценой? Что ж, лес рубят – щепки летят! Пригодились и лагерь, для строительства крупных промышленных объектов использовалась и их излишняя рабочая сила. Жестоко? Да, но другого пути за короткий исторический срок вывести страну на промышленную основу

не было. Сталину удалось решить эту труднейшую задачу, и именно это спасло страну в годы войны. Так что для своего времени Сталин сделал всё, и нечего теперь, задним числом, его охаивать.

– Извините, уважаемый Василий Александрович, – заметил тот же сельский учитель, – разрешите выразить вам несогласие, ибо чужую боль поймёт лишь тот, кто сам испытал её...

– Почему справедливости можно добиться только через страдания? – в недоумении спросил молчавший всё это время библиотекарь. – За что же, в таком случае, подобное государство называют справедливым, если те, кто правит им, столь суровы к своим подданным? Уж сколько натерпелись в своё время Твардовский и его отец от безрассудства и беззакония сталинских чиновников, но и тот не отрицал того, о чём вы только что говорили, Василий Александрович. Вот что он писал в поэме «За далью даль»:

И мы б напрасно только стали
Мир уверять в иные дни,
Что имя Сталин этой стали
И этой дали не сродни.

– Да что там говорить, – продолжил он, – «богов» мы сами себе творим, удивляться нечему...

– Созвучно этим стихам, я продолжу свою мысль, – вернулся к прерванному рассказу бывший ректор Василий Александрович. – В бытность Брежнева приговорили к расстрелу негодяя, сотворившего многочисленные злоупотребления. Один из членов Политбюро просит Брежнева заменить смертный приговор на длительное заключение. Брежнев отвечает отказом. Тогда возмущённый «член» говорит, что времена Сталина, мол, кончились, и он этот вопрос выставит на обсуждение. А Брежнев ему отвечает:

– Когда в семье есть мужик, он ночью, бывает, храпит, а в семье должен быть мужик, хозяин, если даже он и храпит. Так и Сталин был хозяином в своё время, а коль был, значит, и храпел...

Некоторое время все молчали, видно каждый думал свою горькую думу, ибо разговор задел самые затаённые мысли, что витают сегодня в каждой семье, в каждом городе и селе. Прервал молчание сельский учитель:

– В связи с тем невесёлым состоянием, в коем находится сегодня наше общество, я вспомнил один анекдот, который был популярен в те самые Брежневские времена. Приезжает как-то в колхоз лектор из ЦК с лекцией о коммунизме. И в конце своей весьма аргументированной речи говорит, что, мол, мы уже одной ногой в коммунизме. Тогда встаёт старичок и, подняв дрожащую, старческую руку, просит разрешения спросить:

– А скажи, мил человек, и как долго мы так в раскорячку будем стоять?..

Притчи

Движущая сила.

В свою очередную ходку на другой берег реки Бобер чуть не утонул. От застрявшей в воде коряги неожиданно оторвался большой кусок промокнувшей земли и упал ему прямо на голову, отчего Бобер вначале пошел ко дну, потом, очухавшись, всплыл, фыркнул пару раз и, не увидев угрозы, продолжил путь. Этого оказалось достаточно, чтобы на следующем собрании зверей заявить, что далее он рисковать не намерен, что через реку надо строить мост, ибо движение поперек реки сопряжено с угрозой для жизни. Предложение это было поддержано, однако встал вопрос: кого послать в леспромхоз за лесом для строительства моста.

Долго судили да рядили, пока не вызвался Волк.

– Я их в ключья порву, – сверкнув глазами и оскалив клыки, пообещал Волк, – пусть только попробуют отказать! – и направился в леспромхоз.

Однако в тот же день избитый, без двух передних зубов, весь в кровоподтеках, Волк вернулся к зверям и, не проронив ни слова, упал у их ног, потеряв сознание.

Это событие ввергло зверей в шок, и они оказались перед выбором: кого послать следующим? Положение спасла Лиса, эта хитрая бестия, которая, виляя своим пушистым хвостом, стала в известную по литературе жеманную позу и произнесла:

– Друзья мои, силой нельзя, я их обхитрю, да умом обставлю..., – и пошла.

Но каково было удивление зверей, когда к концу дня, Лиса не то что бы вернулась, а лучше сказать, приползла еле живая, да еще без своего драгоценного хвоста.

Конечно, увидев Лису в таком состоянии, звери чуть было не потеряли дара речи, подумав, что это уж слишком, леспромхозовцы, мол, просто охамели, что на этот раз их может усмирить лишь только Медведь. Послали косолапого. Но и этот вернулся с заплывшим глазом, с содранной сзади шкурой, словно с него сняли трусы и отхлестали.

Звери всерьез встревожились, лучше сказать, впали в уныние и безысходность. В самом деле, думали они, кто эти, что сидят в леспромхозе, что ничего и никого не боятся? И после длительных раздумий пришли к мнению, что и дальше рисковать смысла нет, что хватит того, что Лиса осталась без хвоста, Волк – без клыков, а бедный Мишка чуть вообще не лишился шкуры. Что Бобер не сдохнет, как миленький будет совершать переходы на дугой берег, как это делал и раньше.

Но неожиданно зверей озадачил Осел. Издав протяжный только ему присущий крик, Осел вышел на середину собравшихся и зычно произнес:

– Позвольте сходить мне!

Звери сперва опешили, потом зашушукали, раздался даже ехидный смешок. «А что? – подумал председательствующий. – Пусть пойдет, как говорится, одним ослом больше – одним меньше, ну и черт с ним, если даже без головы вернется...»

– Да, пожалуй, иди. А о чем просить знаешь?

– Конечно, – ответил Осел с достоинством, – нужен лес для моста... Только меня бы чем-нибудь навьючить, а то я не привык налегке ходить...

Тут только смекнули звери, что допустили непростительную ошибку, с самого начала не учли «движущей силы» всякого решения, что посланцев надо было отправить не с угрозами и пустыми руками, а с

подарками. Чего уж теперь – лишь бы вовсе не опоздать. Засуетились: кто грибов да орехов насобирает, кто ягод лесных и разных, а Медведь так даже колоду душистого меда приволок.

Загрузили Осла и отправили, правда, с недоверием в успех его миссии. Надо ли говорить, что для подобного мнения были основания всем опытом его прошлой жизни. В самом деле, что тут мудрствовать: Осел есть Осел и все этим сказано. Однако Осел, не смотря на ухмылки, а порой и открыто выраженные сомнения, направился в леспромхоз с глубокой верой в выполнимость своей задачи, словно заранее знал куда идет и с кем будет вести разговор.

– Привет, коллеги! – громко приветствовал он встретивших его леспромхозовцев, готовых наброситься на любого незваного гостя. – Я тут вам подарков принес...

И произошло чудо. Леспромхозовцы кинулись разгружать Осла, выбирая подарки по душе и заслугам. Точь-в-точь как у людей. Затем пригласили Осла за дружеский стол и от души подчивали дорогого гостя.

На следующий день начался сплав леса для строительства моста. К удивлению зверей было сплавлено столько бревен и таким образом, что бревна дойдя до злополучной коряги на берегу, поворачивали свой ход на 90 градусов и становились поперек реки, образуя скрепленный плот для переправы с одного берега на другой.

...Видно Осел с подарками оказался злее лютого, страшнее страшного, хитрее хитрого, да умнее умного...

Конфликт.

Знатоки поговаривают, что Творец создал дьявола в «час пик», когда душа его была омрачена поступками людей. То есть карательные функции дьявола были определены с самого начала, со дня рождения. И надо сказать, что Создатель в первое время был весьма доволен своим чадом, поскольку тот добросовестно выполнял все Его поручения. Это взаимное уважение продолжалось и тогда, когда Творец поручил ему весьма щекотливое дело – разобраться в деяниях отца Фанарета, священника сельского прихода. Фанаретом он был прозван лет двадцатипяти от роду за воровство из деревообрабатывающей фабрики крупной партии фанеры, за что просидел десять лет в колонии и там, с помощью тюремного священника, благодаря своей феноменальной памяти, изучил священные писания. Затем, после освобождения, по рекомендации того же тюремного богослужителя, который, что называется, проникся к нему отцовской любовью, был направлен в указанный сельский приход.

Новый поп, в красивой чёрной рясе, благородной внешностью, а самое главное, хорошо поставленным голосом, прихожанам пришёлся по душе, и, таким образом, судьба его была определена. За короткое время его приход приобрёл известность во всей округе, старушки и другие верующие из разных сёл теперь ходили не в свои церквушки, а, не страшась усталости, совершали многокилометровые походы именно к нему.

Слухи о том, что хитроумный отец Фанарет объявил себя и лекарем, который словом лечит не только душевные, но и физические недуги, дошли до Создателя, и Он, в порыве душевного негодования и возмущения, впервые проявил к своему служителю недоверие. Однако, обременённый житейскими забота-

ми, безграмотный люд воспринял это известие с облегчением и верой, поскольку в селе своего лекаря не было, и совершать дальние походы к действительному лекарю, в жаркий день и в зимнюю стужу, было не только не с руки, но и накладно. Тем более, налицо был наглядный пример, как болезненная, худенькая, угловатая Дунька, девушка из бедной, многодетной семьи, благодаря «лечению» отца Фанарета, за сравнительно короткое время превратилась в румяную, прямо скажем, красивую молодую женщину. Правда, мало кто знал, что отец Фанарет не только «лечил» Дуню, о чём было объявлено на всё село, но что и она тайно ухаживала за ним: убирала его комнаты, стирала бельё и готовила ему поесть, а значит и сама досыта ела с его стола, что со временем он стал пользоваться и её женскими услугами, тем более, что Дуня была без ума от отца Фанарета.

Через год, когда «лечебная» практика его выросла, отец Фанарет женился на Дуне, и та принесла ему четверых детей.

Авантюрный служитель церкви, вопреки предупреждениям святых писаний: «Не обмани», стал на путь лжи. «Если, – решил отец Фанарет, – из десяти больных мне удастся вылечить хотя бы одного, то этот случай можно раздуть, и сделать себе рекламу. А при тяжёлых заболеваниях – отказываться, мол, уже поздно...» К этому времени в церквушке исполняли не только обряды венчания и крестин, а обедню и благословение в последний путь. Таким образом, прихожане платили ему не только за снятие грехов, но и за лечение вообще.

Однажды, когда отец Фанарет был приглашён на лечение, он неожиданно, с замиранием сердца, увидел у изголовья больного внимательно наблюдавшие-

го... дьявола. Невидимый другим, о чём предварительно позаботилось чадо Творца, понял, что перед ним не лекарь, а настоящий прохвост, грубый обманщик, шарлатан, равного которому не сыскать. И дьявол решил вначале с отцом Фанаретом поиграть, а потом жестоко наказать.

– Ты, вот что, – сказал ему дьявол на ухо, – с этого дня я тебе буду помогать...

– Каким образом? – удивлённо спросил его отец Фанарет.

– Если я буду стоять у изголовья больного, это значит, что он выздоровеет. Если же – у его ног, значит он умрёт, и тебе за лечение этого больного не только не следует браться, а и брать деньги. Но при условии...

– Каком? – тут же спросил лжелекарь.

– Доходы будем делить поровну, – строго ответил дьявол, – иначе я тебя разоблачу.

Поняв, что с дьяволом шутки плохи, не лишённый хитрости и ума, отец Фанарет ответил:

– Хорошо, я согласен...

Так эта игра между коварным дьяволом и авантюрным священником продолжалась до того дня, когда однажды богослужитель, проснувшись рано утром, обнаружил у своих ног улыбающегося дьявола.

– Вот и пришёл твой конец, – заявил он отцу Фанарету недвусмысленно, – я пришёл по твою душу...

Сообразив в чём дело, отец Фанарет нашёлся сразу и сказал:

– По воле Творца нашего, все мы – смертны, однако, прошу тебя не убивать меня сразу, а дать возможность трижды помолиться Всевышнему, а потом я в твоём распоряжении...

– Ладно, – согласился дьявол, – но знай, что решение моё непреклонно. Молись...

– Ты слово своё сдержишь? – недоверчиво спросил приговорённый.

– Слово моё непреклонно! – ответил дьявол, недовольный сомнениями отца Фанарета.

Удовлетворённый твёрдым ответом дьявола, отец Фанарет своим проникновенным голосом пропел первую часть молитвы Всевышнему и остановился.

– Читай вторую часть! – приказал дьявол. – Мне некогда ждать...

– Вторую часть молитвы я прочитаю через три дня, – ответил священник с хитринкой.

– Через три, так через три, – с неохотой согласился дьявол и удалился.

Через три дня отец Фанарет прочитал и вторую часть молитвы.

– Читай и третью! – потребовал нетерпеливый дьявол.

– Поскольку мы с тобой договорились, что я прочту молитву Всевышнему трижды, то третью часть я прочту через 20 лет, – ответил отец Фанарет.

– Э-э, нет! – возмутился дьявол, – читай сейчас!

– Ты, что, отказываешься от данного тобой слова? – притворно удивился отец Фанарет. – Я предполагал, что вы, дьяволы, верны своему слову...

В те времена своему слову были верны даже дьяволы.

– Ладно, – заскрежетал зубами дьявол, поняв, что богослужитель перехитрил его, – будь по-твоему, но судьба твоя в моих руках...

Говорят, что недовольный Творец отчитал за это своё любимое чадо, и с того времени между ними начался конфликт, который продолжается по сей день.

Посох.

Это случилось среди бела дня. В радушном настроении, в ожидании свадьбы своего третьего брата, он направлялся в магазин для приобретения венчального платья его невесте, как неожиданно, словно ангел смерти Азраил, из-за угла соседнего дома выскочил с автоматом в руках человекоподобный и очередью оборвал ему жизнь. Ему было всего тридцать пять лет. Надо ли говорить, что вместо радости предстоящей свадьбы семья оказалась в чёрном трауре, следы слёз и скорби были на лицах родных и близких. Даже врагу трудно пожелать подобное.

Больше всех возмущался и скрежетал зубами младший из братьев, который уже много раз обращался к Всемогущему с негодующим вопросом, что, мол, как это ты, Всевидящий и Всезнающий, допускаешь подобные злодеяния, как ты несправедлив, забирая в полном расцвете молодых и таких, которые делают другим добро, протягивают руки помощи тем, кто падает, кто оказывается в трудном положении. «Нет! – кричал он в слезах. – Я не верю Тебе и вообще в Твоё существование!»

Его успокаивали, просили набраться терпения, как это свойственно представителям его народности, что, мол, негоже богохульствовать, что спорить с Богом – величайший грех. Эти увещевания, в конце концов, его злили ещё больше, и он уже ополчался на своих, бросая им в лицо обидные слова, мол, у них не сердце, а камень, нет сострадания, и пусть они оставят его в покое со своим горем.

Ненадолго успокоившись, он вскипал вновь и бросал проклятья в адрес негодяя и труса, который вместо мужского разговора, честного поединка, свойственного джигиту, тайно, даже не взглянув в

глаза своему противнику, из-за угла, как последняя сволочь, взял автомат и убил. Выйди, мол, на честную борьбу, мы с тобой померимся силами. Он не успокаивался долго, и было горько на него смотреть.

Однажды к нему подошёл дядя, мудрый старец обнял, прижал его голову к своему плечу, постоял так с минуту, а потом тихо сказал ему на ухо:

– Ты можешь меня выслушать, племянник?

Он также тихо ответил:

– Да, дядя, говори, – и устало сел на стул, куда рядом уселся и дядя.

– Я буду с тобой говорить как взрослый со взрослым, – начал дядя и, немного подумав, продолжил – я в своём веку, как тебе известно, повидал немало: похоронил сына, прошёл войну, где хлебнул горя и крови, недавно лишился и жены... – он ненадолго умолк. – Или другой пример. Что делать, например, вашим соседям: старику и старухе, год назад потерявшим единственного молодого сына – надежду и цель всей жизни? Что? Покончить жизнь самоубийством? Всё оставшееся время роптать на Господа или терпеливо дожидать остаток оставленного им Богом времени?

Случаев, когда молодые покидают этот мир, не мало, мой дорогой, – продолжал он далее – и они повторяются, время от времени, из века в век. В жизни всё повторяется. Недаром Экизиаст утверждает: «Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было», то есть мир вертится по кругу и непознаваем, потому «человеку великое зло от того, что он не знает, что будет и как это будет – кто скажет ему». И сколько бы процесс познания не продолжался, всё равно мир до конца познать невозможно.

Вот почему понять Бога, для чего он в том или ином случае поступает так, а не этак, невозможно. Недаром говорят: «Пути Господни неисповедимы».

Всё это я говорю тебе не потому, что подобным образом можно помочь горю, нет, мой дорогой, горе есть горе, оно не имеет измерения ни в пространстве, ни во времени. Однако слово, которое дано Миру первым, всё же даёт разумному существу, коим являемся и мы, пищу для размышления, для осмысливания происходящего. В этой связи я хочу рассказать тебе о том, как однажды в одной семье, где жили два брата, два молодых человека, одного из них убили при идентичных обстоятельствах. Так же, как и ты, убивался другой брат по поводу трагической смерти близкого, горячо любимого человека, посылал проклятья в адрес убийц и неистово, возмущённо спорил с Богом, и требовал у него ответа, почему, мол, так поступил. И говорят, что Творец услышал его и попросил на следующий день рано утром, когда светлые и радостные лучи солнца коснутся земли, чтобы он пришёл на условленное место в соседний лес, и, мол, там Он ответит на его вопрос.

– Как? – не понял молодой человек.

– А вот так, – ответил дядя.

Утром следующего дня молодой человек пришёл в лес, туда, где было указано ему Всевышним, однако, никого в условленном месте не оказалось. Неожиданно он заметил глубокого старика, который с трудом, упираясь на свой посох, продвигался в его сторону. Молодой человек, будучи сострадательным от природы, бросился помочь старику и в метре от него заметил, как посох надломился надвое, и старик чуть было не упал. Слава Богу, молодой человек успел его подхватить и посадить на пенёк.

– Надо же, – промолвил старик удручённо, – посох поломался, и не знаю даже, как быть дальше...

– Я вам сделаю другой, дедушка, – сказал молодой человек услужливо, – не волнуйтесь, лес большой...

– Да? – будто не спрашивал, а соглашался старик. – Ты можешь мне сделать другой посох?

– Да, я сейчас, посидите здесь недолго, – сказал молодой человек и побежал в гущу леса.

Долго искал он такое дерево, на котором можно было найти ровную палку для изготовления посоха, однако, деревья попадались ему корявые, кривые, толстые, неуклюжие стволы не годились для трости. Он уже был в отчаянии и не знал, как вернуться к старику, не исполнив его просьбы, как вдруг взгляд его упал на молодое деревце, которое росло на лесной поляне. Это было стройное, красивое, лучшее, что росло вокруг. Радости молодого человека не было предела. Он выхватил свой кинжал, бросился к деревцу, обрубил его у самого основания, обчистил от молодых веточек, срезал верхнюю, головную часть, и, любуясь своей работой, принёс посох старику, и торжественно вручил ему. Затем, извиняясь за долгое отсутствие, рассказал о своих поисках и трудностях.

Старик поблагодарил его за посох, выслушал и, улыбнувшись, как мудрец над успехами своего ученика, назидательно сказал:

– В целом лесу ты долго искал и нашёл для нужной тебе вещи лишь самое молодое деревце. Так и Бог, сынок, для своих нужд выбирает и забирает к себе самых молодых и лучших...

Сторож.

В лесу заседали звери. Обсуждался жизненно важный вопрос: «О безответственном отношении лисы к соблюдению своих обязанностей по обеспечению сохранности общественного стада овец», поскольку ранее она была назначена сторожем.

Хотя прямых доказательств виновности лисы к исчезновению овец из огороженного загона ни у комиссии, которая провела тщательное расследование, ни у кого другого не было, всё же большинство были склонны думать, что лиса, эта хитрая bestия, непременно приложила к этому делу руку, а потому все единогласно освободили её от должности сторожа.

Тогда стал другой вопрос: кого избрать вместо неё? Отклонялось одно предложение за другим и звери топтались на месте. Кандидатуры медведя и слона были отклонены за то, что уж больно они неповоротливы. Лев, царь зверей, когда ему предложили занять эту должность, оскорбился и даже рассердился на своих подчинённых. Тоже самое сделали тигр и барс, зарывав на тех, кто хотел было заикнуться на их счёт. Что же касается шакала или гиены, о них и слушать не захотели, поскольку они отличались больше качествами воров, чем сторожей. И наученные горьким опытом лисы, звери стали крайне осторожными в выборе кандидатуры на эту должность.

Вот тогда поднялся волк.

– Что если назначите меня? – вполне серьёзно предложил он и чистым взглядом посмотрел на своих товарищей.

В кустах хихикнул заяц. Среди собравшихся поднялся шум, что, мол, пусти козла в огород. Кто-то даже, не прячась, заявил, что если при лисе в день исчезало по две овцы, то при волке и четырёх не дос-

читаются. Однако поднялся лев и все замолкли. Вопреки ожиданиям остальных, он сказал:

– Я думаю кандидатуру волка поддержать. Он быстр, ловок и желающие поживиться за счёт общественного стада прежде подумают, чем пойти на преступление. Но предупреждаю тебя, волк, – пригрозил Лев, – если преступишь Закон, соблазн окажется сильнее тебя, тут же снесу голову!

И волка назначили сторожем.

Прошло некоторое время и в лесную канцелярию поступило анонимное заявление, что волк, вместо того чтобы сторожить, наоборот, зверствует, нет, мол, такого дня, чтобы он не порезал и не съел по 5–6 овец. Поскольку сигнал был серьёзным, царь зверей решил послать комиссию, во главе которой назначил шакала.

Проверка показала, что количество овец в стаде не только не уменьшилось, а, наоборот, значительно возросло. Забор загона в полной исправности, овцы сыты и содержатся в чистоте. Удивлённый шакал говорит волку, что, мол, от одной овцы он бы не отказался. На что волк ответил:

– Я себе не позволяю, да и другим без разрешения Царя зверей не дам!

Приехал шакал в лесную контору и доложил, что волк – честный и стадо содержит в полной сохранности. Что даже испытал его, но волк был твёрд и непреклонен.

Через месяц в лесную канцелярию поступила новая анонимка, в которой говорилось, что волк продолжает лютовать, режет и ест бедных, беззащитных овец... Поехала новая, ещё большая комиссия, во главе с медведем. И на этот раз тщательная проверка показала – всё чин-чинарём. Стадо растёт, а не

уменьшается. Учёт в наилучшем состоянии, придраться не к чему. Уезжая, медведь обращается к волку, мол, дай овцу, дети голодные.

– Я себе не позволяю, да и другим без разрешения Царя зверей не дам! – категорически отвечает волк.

Вернувшись в контору, медведь подробно доложил Царю зверей о работе комиссии, не преминув заметить, что волк – честный и возможно анонимки эти пишет какой-то недоброжелатель.

Не остыли чернила на бумагах второй комиссии, как в лесную канцелярию поступила ещё одна анонимка с ужасными подробностями зверства волка, что скоро в стаде не останется овец, что волк вводит всех в заблуждение.

На этот раз, рассердившись, Лев сам возглавил комиссию. Эта комиссия не оставила камня на камне, проверила такие тайники, куда ни один проверяющий не заходил. Однако кругом всё блестело, был полный порядок, но, самое главное, количество овец увеличилось почти в 1,5 раза. Убедившись в честности волка, Лев собирается уезжать и на прощание говорит волку, что ему нужна одна овца, но заметив его замешательство, протягивает волку расписку. Стыдливо отказавшись от расписки, волк отдаёт Царю зверей овцу. Те уезжают.

Волк устало смотрит по сторонам, убеждается в правильности выбранного пути. Анонимки на самого себя, наконец, достигли цели, и полуголодная жизнь кончилась. И с этого дня начинает уже свой пир: ест овец столько, сколько может принять его утроба. Количество овец катастрофически уменьшается. Анонимки на него в лесную канцелярию продолжают поступать, но им никто не верит. Волк – честный сторож и всё тут!

Всё ли от дьявола?

Видит Бог, я такой трагедии его семье не желал. Будучи атеистом, не скрою, порой желал этому подлецу и негодяю всяческих гадостей, но, во-первых, я никак не ожидал, что Он меня услышит (говорят, что Он находится так далеко, что не все просьбы до Него доходят), во-вторых, масштабы кары Всевышнего превысили вину и грехи заблудшего, о которых знал я, но и всех других, которые он совершил в жизни. То, что человеком он был гнусным и бессердечным в ауле знали все, но почему, считал я, за его омерзительные деяния должны страдать его дети, с этим я был категорически не согласен и в душе постоянно спорил с Всевышним.

Даже став старше, мальчишеская обида на него у меня не прошла, она врезалась в мою память, как след резца скульптора на камне, на всю жизнь. Так бывает с каждым ребенком, когда в его возрасте с ним поступили несправедливо.

Дело в том, что отец наш умер совсем молодым и мать осталась одна со множеством детей. Наш народ был малочисленным и, стараясь наверстать упущенное, в каждой семье была куча детей. Жили мы бедно, в крайней нужде. И вот однажды мать, взяв меня за руку, пошла с мешком к колхозному стогу за сеном. Там стоял сторож. Она попросила его дать немного сена для лошади, мол, сама плохо себя чувствует, и не успела накосить травы. Тот злорадно оскандился и прогнал мать с оскорблениями. (Позднее я узнал, что Когда-то, будучи молодым, он хотел жениться на моей матери, но та, вопреки желанию родителей – быстрее избавиться от дочерей, не согласилась.)

– Ничего, – сказала тогда моя мать, – видит Бог твоё бессердечие, подрастут мои дети, станут мне подмогой...

– Да, твои дети сдохнут вместе с тобой! – бросил он ей вдогонку и это проклятье сидит во мне по сей день.

Мы выросли. В прошлом году умерла и мать.

Совсем недавно я узнал (сейчас я живу в районном центре), что этот негодяй похоронил двух сыновей, которые оказались в том самом такси, которое неделю назад попало в горах под свалившуюся скалу. После этого болезни скосили ещё троих его детей и жену. А через год он сам упал с лошади и умер. Так, по воле Бога, по его семье прошёл мор.

Вспомнил я эту историю в связи с тем, что три дня назад к нам приехал известный лектор и читал лекцию о добре и зле. Говорил он мудрено, но главная его мысль заключалась в том, что добро и зло – семя, которое каждый из нас сеет в почву жизни. Поэтому говорят: «что посеешь, то и пожнёшь...» Правда, в отличие от семени зла, семя добра требует большего ухода. Говорил также, что однажды Бог за непослушание человека, в наказание ему, сотворил дьявола и с тех пор не может избавиться от головной боли, ибо дьявол, как непослушное дитя, иногда творит такие пакости, о чем ему Всевышний не приказывал. И организовал Бог за ним преследование, но это сатанинское отродье, прямо таки неуловим, даже для Бога, нашел тайное для Всевышнего место – прячется в людях и именно тех, в ком дают ростки такие низменные человеческие пороки, как зависть, жадность, жестокость, ненависть, а порой и все вместе. По сей день, со времени рождения дьявола, эта погоня Бога продолжается: дьявол творит зло, Бог же –

добро, залечивая в людях нанесённые дьяволом раны. Дьявол вышел из-под контроля.

Так вот, оказывается, почему некоторые люди, в которых поселился дьявол, угрюмы, недружелюбны, жестоки, как злые собаки набрасываются на соседей и даже близких. Добро до них не добежало, всё ещё в пути преследования.

– Но иногда меня охватывают сомнения, – продолжал лектор, – так ли усердно он ищет своё непослушное чадо. Так ли он этого хочет? Ибо не всегда он сам добродетелен, порой выкинет такой фортель, что хоть стой, хоть падай. Там, где, казалось бы, надо быть милосердным – рубит с плеча, а там, где никак нельзя проявить мягкость, простить негодяя, он словно ничего не видит. Вот мы и ходим в постоянных раздумьях: всё ли от дьявола?

Инициатива

В противоположных флигелях одного и того же здания шли всекоролевские конференции двух враждующих представителей животного мира: кошек и мышей. В связи с важностью проблемы конференция кошек, независимо от разногласий, впервые объединила все партии и группы: от социалистической до черносотенно-террористической. И поскольку решался лишь один вопрос, кошки, после получасовой дискуссии, пришли к единому мнению: мышей необходимо уничтожить как класс. Правда, представитель либерально – демократической партии внёс поправку, что не гоже уничтожать всех мышей сразу, мол, давайте будем это делать по частям, дабы кошки могли иметь еду в запасе на длительный срок. Однако главарь черносотенно-террористической группы выступил категорически против этой поправки, зая-

вив, что нечего оставлять этих холодных, как лягушки, омерзительных и смердящих гадов в живых, что, мол, люди, как и мы, мышей ненавидят, и они нас без еды не оставят, если мы всех мышей изведём. Далее было сказано, что эти воришки заполнили свои кладовые зерном, крупами и другими продуктами, живут припеваючи, в то время как мы – кошки – всё это терпим, показывая свою слабость. Нет, этому не бывать!

Предложение это было поддержано председательствующим Котом – злодеем, как образно прозвали его мыши, и судьба мышиноного королевства была поставлена под серьёзную угрозу. Затем кошки кинулись к накрытым столам, жуя и рассказывая друг другу о своих подвигах. Медленно, с достоинством шли к пиршескому столу президиума Кот – злодей и его свита.

Не менее воинственно проходила конференция мышей. В отличие от кошек они перед собой поставили вполне земные, насущные задачи: как уберечь себя от кровожадных кошек и спасти королевство от уничтожения. Однако мышинная дискуссия затянулась на несколько часов, и казалось ей не будет конца.

В своём вступительном слове председательствующая мышь с необычными серо – белыми ушками и хитроумными глазками обратилась к переполненному делегатами залу – представителям различных групп и объединений городов и районов – с призывом вначале, до рассмотрения повестки дня, решить два главных вопроса:

1. Соединение всех разрозненных групп и объединений в единое мышиноное королевство;
2. Избрание президента вновь образованного королевства.

За первое предложение проголосовали почти единогласно, если не считать небольшой группы «независимых», которые во все времена не признавали централизованной власти, считая её обманной. Мол, до выборов кандидаты во власть с избирателями сюсюкаются, прямо боготворят их, дают обещания быть им слугой, но как только приходят к этой самой власти о своих обещаниях начисто забывают, ни с какими избирателями не считаются, называя их стадом. Наоборот, творят и чинят такое, что избиратели хватаются за голову и зарекаются никогда больше за них не голосовать. Но приходят новые выборы, и все повторяется. Что делать – таковы, мол, наши избиратели. Но они, «независимые», понимали и другое, что до тех пор, пока избиратели не поймут свою особую роль, не будут требовать от своих избранных жёсткого отчёта за свои действия, им тоже нелегко.

Голосование по второму вопросу, вопреки ожиданиям некоторых «вельмож» от объединений и групп, прошло, что называется, как по маслу. Дело в том, что хитроумный председательствующий с серо – белыми ушками заранее, ещё до конференции, всё предусмотрел, расставил по всему залу своих верных подручных, и те, когда началось выдвижение кандидатур и голосование, с таким рвением и криком, прямо скажем – ожесточением, заглушая всех остальных, называли имя председательствующего, что других голосов вообще не было слышно. Таким образом, председательствующий, опять же по заранее выработанным тактике и стратегии, подхватил «единственное» предложение, и за него «проголосовало» большинство. Так «серо – белые ушки» были избраны президентом.

После жидких аплодисментов конференция продолжила свою работу. Чтобы сберечь себя и своё королевство, было выдвинуто несколько предложений:

1. Поймать одного из руководителей кошачьей банды и убить его, чтобы таким образом дать понять кошкам, что мыши тоже имеют некоторую силу и готовы причинить им значительный урон.

2. Это ничего не даст, на смену одному придёт другой, а он может быть ещё более кровожадным.

3. Поймать главаря, Кота – злодея, накинуть ему на голову мешок, повесить на шею колокольчик и пусть этот позор станет предупреждением всем кошкам, не желающим мира и взаимного сотрудничества.

Первые два предложения были отклонены, так как не решали главной задачи – не отвечали, так сказать, зову времени. По третьему предложению выступил председательствующий – президент. Он высоко оценил саму идею внесенного предложения, похвалил его автора – мыша – руководителя крупного объединения, с красивой шёрсткой на груди, выделявшей его среди остальных. Сказал, что эта мышь всегда отличалась редкой сообразительностью, мужеством, лучше сказать, даже героизмом. О его благородстве, мол, он наслышан, и потому, посоветовавшись с членами президиума, они пришли к единому мнению – поддержать эту инициативу и предложить лично ему его выполнить, ибо только он и может это сделать.

В зале все замерли, где-то в средних рядах Кто-то даже хмыкнул, но через несколько секунд установилась могильная тишина.

О вельможной мышши с красивой шёрсткой на груди долго не было никаких вестей, лишь недавно из маленькой деревушки, откуда он был родом, пре-

зиденту королевства поступило прошение о даче согласия на установление посмертного бюста на родине Героя. На что, говорят, президент с бело – серыми ушками и хитроумными глазками милостиво согласился.

Об осле и верблюде.

Такого совхоза, виноградные плантации которого расположились на несколько сот гектаров за городской чертой, сегодня уже нет. На этих же землях были размещены животноводческие фермы, а также небольшой цех и подвал, где давили и хранили сухое вино. Почти все работники совхоза были жителями соседнего с ним древнего города, предки которых, горские евреи, десятки и сотни лет назад проживали в горных и предгорных аулах: Нукол, Муготры, Зидьян, Гимейди, Камах, Абасово и Митаги.

Образованию этого совхоза его работники были обязаны Советской власти, которая в первые же годы отобрала у их родителей земельные наделы, выделенные им кубинским владетелем Надыр – Ханом, и создала три колхоза. В колхозах этих люди жили хорошо, ибо за трудолюбие и старание, кроме денег на трудодни, получали натурой зерно, вино и другие дары природы. Однако в соседних совхозах рабочие жили хуже, и власть, чтобы уравнять их, преобразовала эти три колхоза в один совхоз, где труд был обезличен, и вместо трудодней работники стали получать мизерную зарплату. Новая власть патологически не любила, когда люди жили лучше. Естественно, молодёжь из совхоза стала уходить на промышленные предприятия города, которых в последние годы стало больше. Уникальный «еврейский» совхоз держался. Хотя в последние годы часто менялись его руководители. На

этот раз, вопреки ожиданию главного агронома, который спал и видел себя на посту директора, руководителем совхоза назначили не его, а другого, работавшего ранее на более высоких должностях.

Конечно, агроном был расстроен, и первое время у него всё валилось из рук. Но потом, поразмыслив, что он ещё не стар, что придёт и его час, что такие «выдвиженцы», как он полагал о новом директоре, долго здесь не задержатся, мол, и этому можно будет помочь в скором времени покинуть директорский кабинет. Однако дальнейшие события показали, что новый директор за дело взялся со знанием дела, во всё вникал, с раннего утра до позднего вечера пешком обходил одну за другой все плантации, замечал любые недоделки и весьма строго требовал их устранения.

Кроме того, с первых же дней по инициативе директора заложили саженцы редких, утерянных ранее сортов винограда, создали школу подготовки молодых мастеров по зеленой обломке и обрезке виноградников. По ходу дела главный агроном понял, что директор, что называется, пашет глубоко, с расчётом на долгие годы и, надо полагать, раскусил его, а потому всё больше чурается его и дела по совхозу делает без его помощи и совета агронома. Сперва это насторожило главного агронома, однако, когда тот увидел, что директор настроен в общем миролюбиво, решил соблюдать эту дистанцию и дальше.

Через два – три года дела совхоза пошли в гору, выросли доходы, люди за свой труд стали больше получать. В совхоз потянулись даже те, которые за этот период ушли. Уважение рабочих к своему руководителю росло с каждым днём, теперь они обращались к нему не только по делам совхоза, но и по лич-

ным вопросам, как к близкому человеку. И директор по возможности старался им помочь.

Теперь в совхоз приезжали заготовители за редкими сортами столового винограда: «гюлоби», «хатми», «нарма»..., спрос на которые возрастал с каждым днём. За них совхозу платили в 2–3 раза дороже, чем за сорт «агадаи», ибо их редкие качества, вкус и приятный запах очаровывали любителей винограда. Эти сорта выставлялись на ежегодных ярмарках – выставках. За приобретением саженцев в совхоз обращались ото всюду и даже из агрофирм соседних республик. Слава «еврейского» совхоза росла с каждым годом.

Естественно, последовали поощрения и награды руководителю, рабочим совхоза и главному агроному. Однако в хозяйстве все знали, что главным человеком был всё же директор – неутомимый труженик и талантливый организатор, который при этом оставался скромным, немногословным, терпеливым, но требовательным человеком.

Однажды в совхозе испытывали трактор с предплужником, сконструированный совхозными механизаторами, с помощью которого намечалось производить межкустовую обработку виноградников таким образом, чтобы при этом не задеть самих кустов, что во все времена раньше делалось вручную. Это было большое событие, сотни людей освобождались от тяжёлого ручного труда, и в связи с этим в совхоз приехало много гостей: члены правительства, руководители и главные агрономы десятков хозяйств. Плуг и предплужник вместе с трактором в совхозе подготовили за неделю раньше, чтобы ко дню испытаний привести их в полную готовность. Каково же было разочарование гостей, когда механизм предплужника

не сработал – он, наоборот, повредил несколько плодоносящих кустов. Особенно были огорчены директор и главный инженер совхоза, которые ещё вчера проверили его готовность. Не мешкая, директор снял парадный пиджак, закрутил рукава белой рубашки и полез под неисправный агрегат. В течение нескольких минут он разобрался в неисправности: Кто-то или снял один из узлов предплужника, или же он вылетел сам, в чём предстояло разобраться. Но, не теряя времени, по его указанию, тут же из мастерских привезли запасной узел, и испытания прошли успешно.

Другой раз, соседнему совхозу, с которым всегда поддерживались тесные дружеские связи, вместо отобранных накануне лучших чубуков, какой-то недобрый человек в тех же ящиках, где лежали высоко-сортные, отослал полумёртвые, в результате чего весной следующего года они не распочковались, были безжизненны.

Подобные факты заставили директора всерьёз задуматься. Было ясно, что какой-то недоброжелатель решил опозорить, выставить его на посмешище и таким образом подорвать к нему доверие руководителей колхозов, совхозов и районного управления. Однако злоумышленник просчитался и сам выдал себя с головой. Случилось это следующим образом. Ровно через год после позорного конфуза с чубуками с соседним, дружественным совхозом, во дворе совхозоуправления появился бригадир колхоза «Красный луч», расположенного в 40 верстах севернее упомянутого древнего города. Спросив у одного из рабочих, кто, мол, здесь главный, а тот, посчитав директора главным, что было на самом деле так, указал на него. И бригадир колхоза подходит к директору и

преподносит ему конверт. Директор в недоумении спрашивает:

– Что это?

– Долг, – отвечает бригадир, – наш главный агроном колхоза «Красный луч» просил вам передать лично в руки.

– За что? – спрашивает директор.

– Как за что? – удивляется, в свою очередь, бригадир. – Вы в прошлом году за наличный расчёт привезли нам 10 тысяч чубуков, кстати, великолепные чубуки, спасибо вам. Вот я и привёз долговую сумму.

Распросив незадачливого бригадира более подробно о хитроумной сделке своего главного агронома, директор понял, что серия, прямо таки, враждебных актов в совхозе – дело его рук, и, не откладывая в долгий ящик, на следующий день созвал общее собрание, предварительно побывав в колхозе «Красный луч» и получив у его главного агронома и бригадира письменные объяснения.

Как и подобает в таких случаях, в первых рядах большого переполненного зала уселись старейшие работники совхоза, так сказать, аксакалы. За ними помоложе, а уже потом – женщины. В президиум директор никого не пригласил, главного агронома же попросил сесть в первом ряду в зале.

Открыв собрание, он рассказал об участвовавших в последнее время случаях потрав, краж, о вредительстве – выводе из строя предплужника при огромном скоплении гостей, о факте замены чубуков, что позорным пятном лёг на голову совхоза.

– Кто мог это сделать? – спросил собравшихся директор и прямо посмотрел на главного агронома, отчего тот вначале заёрзал на месте, малость побледнел, но затем взял себя в руки и успокоился. Однако

директор продолжил свою речь дальше. – Вчера стало известно, что чубуки, предназначенные нашим соседям, украл наш... главный агроном и продал их колхозу «Красный луч» за наличный расчёт. Вот передо мной письменные объяснения главного агронома и бригадира этого колхоза, а также конверт с деньгами, которые были привезены ему...

По залу прошёл шум и возмущение. Дальше директору говорить не дали. К трибуне подбежал молодой механизатор и громко, чтобы слышали все, произнёс:

– В тот день, рано утром, когда намечалось испытание предплужника, я был в механических мастерских. Растачивая одну деталь на станке, я потерял счёт времени, задержался до полуночи и, примостившись на скамейке каптерки, заснул. Проснулся от шума, который шёл со стороны трактора с новым предплужником. Смотрю – наш главный агроном. Подумал о нём добрым словом, мол, у человека душа болит, решил лишний раз проверить его готовность. Оказывается, эта сволочь сняла с него узел, чтобы опозорить нас. Ты – вредитель! – бросил он в бледное лицо главного агронома. – Тебе не место в наших рядах!

– То же самое было со мной. – Заговорил один из рабочих парникового хозяйства, где заготавливали чубуки. – В тот вечер я неожиданно увидел там нашего главного агронома, который возился рядом с приготовленными для отправки чубуками. Кто мог подумать, что у него такие подлые мысли, и он решил их украсть, да ещё продать... Вообще я вам скажу, человек он скрытный, недоброжелательный, никогда с рабочим человеком не заговорит, держит себя «господином», считая нас быдлом... Честно говоря, не хотелось бы с таким человеком работать и дальше.

Поблдневший, как смерть, главный агроном силится встать и убежать, даже дважды делает подобную попытку, однако один из старых виноградарей, сидевший рядом с ним, крепко держал его руку.

– Ты подожди убежать, натворил гадостей, умеи держать ответ! – продолжая удерживать злоумышленника, встал он со своего места. – Ты – пакостник, бессовестная тварь, ответь мне, старому человеку, как ты до такой жизни дошёл?

Опустив голову от стыда, теперь уже бывший главный агроном, не знал, куда себя девать. Ему на помощь пришёл отец – седой, как лунь, старик.

– Я, старый слепец, не заметил, как упустил тебя, сынок, – заговорил он, подходя к трибуне. – Стыд и позор на мою седую голову... Да, я согласен со всеми, кто считает тебя подлецом и недостойным продолжать работу в этом коллективе. Прошу тебя, директор, – обратился он к руководителю, – прояви милосердие, нет, не к нему, а к его детям, не доводи дело до суда, – старик сошёл с трибуны, уступив место другому аксакалу, о мудрости и высочайшей порядочности которого в совхозе ходили легенды.

– Больно моему старому сердцу. Не мирится мой разум, как тебя, сравнительно молодого человека, зависть и жадность довели до того, что ты решил очернить такого прекрасного человека, как наш директор. Желание быть руководителем – похвальное желание, но при этом надо, прежде всего, быть высокопорядочным человеком. Человеком! В связи с этим, разрешите мне рассказать поучительную притчу... Можно? – обратился он к залу.

– Да, рассказывайте! – раздалось со всех сторон.

– Жил один севдегер – известный купец, – начал старик свой рассказ, – четыре раза в год он направлял свои 40 верблюдов в разные страны, торгуя и покупая

всевозможные товары. Однажды, преодолевая тяжёлый перевал, он изменил своей привычке и ведущим своего каравана поставил не верблюда, а осла. Прошли годы. В один из дней к нему подошёл верный слуга и сказал, что умирает верблюд, который много лет служил ему, не зная устали, не жалея сил, всегда возглавляя его караван.

– Знаешь, хозяин, – сказал ему слуга, – мне кажется, будет справедливо, если пойдёшь к умирающему и отблагодаришь его за верную службу.

– Хорошо, – ответил хозяин и пошёл к лежащему верблюду, который был уже при последнем издыхании.

Хозяин подошёл к верблюду и сказал:

– Знаешь, верблюд, мы с тобой прошли тысячи и тысячи верст, большую жизнь, полную тревог и радостей. Благодарю тебя за верность и дружбу! Но в жизни всякое бывает, может, я где-то обидел тебя, где сказал ненужное слово или поступил не так, хочу попросить у тебя прощения. Скажи, если такое было, я желаю тебя выслушать...

– Нет, хозяин, – ответил умный верблюд, – обид у меня на тебя нет: в свое время кормил, во время поил, вместе шагал с нами по перевалам. Всё было хорошо, хозяин, если... не считать одного случая, который, может быть, не столь и важный, однако оставил в моей душе неприятный след...

– Так, скажи, верблюд! О своём грехе я должен знать, чтобы потом его не повторить. Но главное, я хочу за это просить у тебя прощение...

– Помнишь как однажды, преодолевая большой перевал, ты изменил всегдашней своей привычке и вместо меня впереди каравана поставил осла..., – с трудом ответил верблюд. – Этим ты нанёс мне обиду, ибо не подобает осла быть впереди верблюда...

– Ты понял, сукин сын, – заключил старик свой рассказ, обращаясь к злоумышленнику, – не подобает ослу занимать место верблюда...

Миниатюры

Миндаль.

На Малаховом кургане расцвёл миндаль. Пышная крона его покрылась белым цветом – символом радости и глубокой скорби.

Много лет назад каждой весной разноцветьем отзывался здесь большой плодовый сад, а после того, как по этой земле прошло полчище фашистов, от сотен деревьев остался лишь он один: израненный шрапнелью, пробитый и рассечённый пулями и снарядами, горевший в огне. Теперь вместо деревьев стоят здесь памятники по погибшим защитникам.

Да, он не красив, как прежде, но вопреки воле и желаниям злодеев превратить этот цветущий уголок в груды развалин, миндаль этот выжил и ещё больше окреп. Даже сегодня, спустя десятки лет, каждый шрам на его теле напоминает о борьбе и жизнеутверждении.

К нему, к живому, постоянно приходят люди: седые матери, чтобы помолиться за не вернувшихся с фронта сынов, молодые – за советом в трудный час, или просто, сняв головной убор, молча постоять под его широкой кроной.

О чем шепчутся его листья на ветру?

О том, что жизнь продолжается!

О чем плачет миндаль в период цветения?

О том, что вместо любви, люди убивают друг друга!

Подснежники.

Таяли и исчезали последние снежные плешинки. Почернели камни вершин. Сквозь серый занавес неба выглянул огромный голубой лоскут, отчего стало светлее. Как у безусого юнца, на лице большой возвышенности, на которой стояла пятнадцативековая Крепость – дворец, появилась зеленая поросль.

Земля пробудилась.

И словно откликнувшись на этот дивный зов природы, в воскресный день молодая пара решила совершить небольшую прогулку – подняться к Крепости и не только, чтобы осмотреть величественный замок седой старины, но и полюбоваться с высоты на свой город, что раскинулся амфитеатром от подножия горы до самого берега всё ещё шумного весной белогривого Каспия.

Совершить эту прогулку молодые задумали не как обычно, в обход крепостной стене, по проложенной каменными плитами дорожке, а напрямик, по короткому, но отвесному, крутому, обрывистому подъему, ведущему прямо к главным воротам замка. Трудно сказать, какую цель преследовали они, идя на этот шаг, ибо логика действий молодых не всегда объяснима.

Вершина горы в такую раннюю пору всегда представляет опасность для прогулки, ибо глиняная почва на её поверхности всё ещё влажная, солнце сумело дойти лишь до её верхней прослойки, а потому с неё легко было соскользнуть на остриё, выступавших тут и там, коварных скал или, что ещё хуже, свалиться в глубокий, наполненный липкой глиной и каменными осколками, овраг. Вот почему, покрытая местами лёгкой плёночкой, почва угрожала неискушенным путникам весьма большими неприятностями.

Так оно и случилось. Поскольку молодой человек, с предосторожностью, вначале найдя точку опоры, двигался вперед сам, а потом уже, заботливо протянув руку, поднимал к себе и свою подругу, то он дважды, поскользнувшись, чуть не сорвался, а в третий раз не помогли ни инстинкт, ни осторожность – коварный плоский камешек, оказавшийся под подошвой ботинка, вначале не шелохнулся, а потом, непонятно отчего, стал сползать, унося одну его ногу вниз. Пришло понимание, что падение, а возможно и ушиб, неминуемы, как вдруг через метр злополучный камешек, зацепившись за другой, резко остановил своё движение, и юноша, потеряв равновесие, сел прямо в грязь. Не обращая внимания на его заляпанный костюм, они громко и весело смеялись.

Конечно, наши молодые путешественники не ожидали таких приключений, лучше сказать, не предполагали, что подобное возможно, и потому юноша в душе осуждал себя за этот опрометчивый шаг. Но ни признаться в этом, ни вернуться обратно он так и не решился, дабы девушка не сочла его за труса. Наоборот, подвергая себя новым испытаниям, они продолжали подъём к намеченной цели и, наконец, оказались на небольшой площадке, от которой до ворот дворца было уже рукой подать. И снова всё это сопровождалось весёлым визгом и хохотанием девушки, которая, благодаря стараниям кавалера, особых неудобств, а тем более страха, ничуть не испытала.

Любуясь красотой окружающей среды, наш герой неожиданно оглянулся назад и замер, словно гончая на охоте – прямо перед ним, в нескольких шагах, красовалось чудо весны – только что пробудился и поднял свою нежную бело-сиреневую головку под-

снежник. О боже! Первый весенний цветок! Радости юноши не было конца, ибо он мечтал о такой минуте, мечтал подарить своей подруге Подснежники, так как давно любил эту девушку, не скрывая своих чувств, любил пылкой юношеской любовью. И очень надеялся на взаимность.

Поэтому, забыв об осторожности, немало рискуя, бросился к цветку, не повредив хрупкий стебелёк, бережно сорвал его и хотел было снова подняться наверх, как увидел другой, потом третий и четвёртый... Не обращая внимания на то, что весь измазался глиной и чуть не сорвался вниз, в пропасть, он всё же собрал маленький букетик этих удивительно красивых, так сочетавшихся с его чувствами, цветков и преподнёс своей любимой.

Девушка приняла подснежники, как-то странно улыбнулась, поднесла их к своему красивому носику и неожиданно, выбросив их на ветер, с безразличием произнесла:

– Фи! Ничего особенного!..

Подвиг.

Осень. С деревьев сыпалась пожелтевшая листва. Дожди не переставали. Лишь изредка выглядывало солнце. Вот и сегодня, едва косые лучи его скользнули по реке, как жители села, прихватив, с огромным трудом привезённые, саженцы, вышли к берегу сажать яблоки.

Разбить здесь яблоневую аллею селяне решили ещё вначале весны, да вот незадача: то саженцы в питомнике соседнего хозяйства погибли, то машина, отправленная за ними, поломалась в пути, а два дня назад уже в третий раз снова чуть не сорвалось. Ну, прямо напасть какая. Поскольку в хозяйстве денег на по-

купку саженцев не оказалось, люди собрали их из своих накоплений. Вот почему достались они непросто.

Однако беда всё же пришла неожиданно, откуда совсем не ждали. Где-то в середине дня пахнуло таким теплом, будто рядом дышал пылающий костёр. Порывистый ветер пригнал из-за гор грозовые тучи. Сверкнула молния, и на село обрушился ливень, словно разверзлись хляби небесные. В течении нескольких минут со всех сторон понеслись мощные потоки, и река дрогнула, дыхание её участилось, будто какая-то мощная сила изнутри рвала её на части. Не выдержав подобного натиска, она вышла из берегов, готовая уничтожить на своём пути всё и всех.

Люди в страхе побежали.

Почувствовав простор, вода затопила вначале вырытые на берегу лунки для яблонь, затем двинулась на связку саженцев, на лопаты, вёдра и всё остальное, забытое людьми. Сейчас она легко поднимет с таким трудом привезённые саженцы и унесёт в пучину, гибель их неминуема.

Казалось, ничто не остановит испуганных людей...

Но неожиданно, оторвавшись от убегающей толпы, навстречу ветру и стихии вышел юный паренёк. Вода сбивала его с ног, ветер трепал на нём лёгкий пиджачок, дождь нещадно хлестал в лицо, словно возмущённая природа не хотела смириться с тем, что Кто-то её не боится.

Встав навстречу потоку, уносящему в реку всё, что второпях оставили селяне, юноша выхватил связку саженцев, прижал их, спасённых, к груди и, стараясь удержаться на ногах, устремился подальше от уже несуществующего берега.

Таким он мне и запомнился!

Улыбка.

Ухватившись за поручень, и, икая от избытка принятого вина, он качался в автобусе, как побитая боксёрская груша. От роду не более тридцати, с распущенным чубом, в пиджаке, измазанном грязью, с вывернутыми карманами брюк, выглядел он старше самого себя. Мутные, невидящие глаза на худом потном лице глядели на пассажиров безучастно. Но вдруг, словно проснувшись, он заметил рядом молодую женщину, близко дыхнул на неё мерзким ядовитым перегаром и, ослабившись давно нечищеными зубами, пробормотал:

– Ух-х, ба-а-а-ба! Му-у! – он поднёс грязную пятерню к влажным, слюнявым губам и сочно чмокнул.

Женщина, оскорбившись, брезгливо отвернулась и от обиды тихо заплакала. Пассажиры разволновались. Послышались недовольные голоса.

А ему, видно, стало ещё веселее, и он надрывно, тревожно и скучно, как сама осень, что стояла за окном, запел:

– А-а цыга-а-нка-а пе-е-сню пе-е-ла-а...

На следующей остановке его вывели. Установилась гнетущая тишина. Случившееся надолго испортило людям настроение.

Неожиданно в автобусе вскочил мальчик. Его озорные глаза искрились весельем, весь в веснушках носик победоносно смотрел на светлый хохолок хозяина.

– Здравсте! – звонко и весело произнёс он, обратив на себя внимание. Он озорно улыбнулся и, положив авоську с хлебом рядом, сел на кресло.

Вытирая слёзы, улыбнулась оскорблённая женщина. Улыбками озарились лица пассажиров, словно через тяжёлые грозовые тучи пробился яркий солнечный луч.

Chercher la Femme!

В старом здании Московского университета, в вестибюле второго этажа стоят несколько низких круглых полированных столов и широкие без спинок скамейки. Слева и справа от вестибюля вниз ведёт широкая, из белого мрамора, лестница.

Облокотившись о стол, рядом с нами сидит и что-то торопливо пишет в тетрадь девушка лет двадцати. Вдруг она на мгновение подняла голову и задумчиво посмотрела в нашу сторону. У неё были нежные черты лица и голубые, небесные глаза. Её изумительная природная красота невольно вызывала восхищение.

Кончив писать, она неторопливо открыла сумочку и извлекла начатую уже пачку сигарет. Сигарету девушка разминала мягко, эластично, двумя длинными, музыкальными пальцами. Затем, подарив мне и моему другу очаровательную улыбку, спросила:

– У вас есть спички?

– Нет, – ответили мы вместе, виновато опустив голову.

– Вы не курите? – она снова улыбнулась.

Получив отрицательный ответ и на этот раз, девушка обратилась к проходящему мимо студенту:

– У вас найдётся, чем прикурить?

Многозначительно улыбнувшись, парень развёл руками и ответил:

– Нет, вы знаете, ребята с нашей группы все не курят...

Неудача преследовала нашу соседку долго. Как назло, ей встречались одни некурящие.

Наконец появился курящий – по лестнице медленно, с трудом передвигая ноги, поднималась, наряженная в узкую юбочку, молодая женщина. На голове – копна подкрашенных волос, которым придана

форма популярной причёски: «Полюби меня с разбе-гу», ярко накрашены губы, чуть ли не до самых ушей подведены узкие, выщипанные брови.

– Ой, наконец-то, – тихо воскликнула наша соседка.

Она подошла к курящей и неуклюже закурила, мягко прижимая губами кончик модной сигареты.

При этом они многозначительно улыбнулись друг другу.

Словарь обиходной лексики, названий и выражений.

Адат – обычное право, совокупность обычаев, которыми руководствуются народы Кавказа и Средней Азии в своей повседневной жизни.

Аул – то же самое, что «село» в горах.

Азраил – ангел смерти у горских евреев.

Бигор (гор. евр.) – поденщина.

Горский еврей – так называют евреев, которые раньше, в течение многих столетий жили в горах. Так продолжают называть их и сегодня, переселившихся на равнину, в города России и многих стран мира.

Гъэчэгъ (гачаг) (гор. евр.) – разбойник.

Горянка – женщина, девушка, живущая в горах.

Дере (гор. евр.) – ущелье.

Ковхо (гор. евр.) – староста.

Марена (нугьорос – гор. евр.) – растение, из корня которого путем варки добывали ализарин (краску) для покраски ковров и тканей.

Махачкала – столица Дагестана.

Маафе (то же самое жинозе у горских евреев) – погребальные носилки.

Осел (хэр у горских евреев) – имя осла в мифологии горских евреев стало нарицательным, иногда ослом называют глупых, недалеких людей. Считается, что осел способен только для одних целей – таскать поклажи. Кроме того, ослом называют подлого человека.

Хабар – известие, разговор.

Хурджин – дорожная сумка, сума.

Чубук – часть виноградной лозы в виде палочки, со спящими почками, которые при благоприятных условиях: удобренная почва, полив и тепло, пробуж-

даются и чубук пускает тоненькие корни, т.е. становится саженцем.

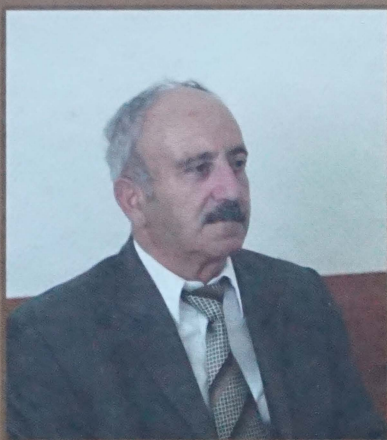
Чугьул (чугул) – гор. евр. – ябедник, доносчик.

Э кумеки худорова гьемме хуб мибу – с Божьей помощью все будет хорошо.

Эрзе – заявление, жалоба, донос.

Заказ № 1127

**Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6**

Михаил Борисович Дадашев - известный прозаик, автор ряда романов, повестей, рассказов и притч, посвященных горским евреям, ярким представителем которых является сам. Член Союза писателей СССР, Михаил Борисович родился в древнем городе Дербенте, Дагестана. Последние несколько лет живет в Москве. Роман "Лежачее дерево..." - еще одна страница нелегкой судьбы главных героев этого произведения.